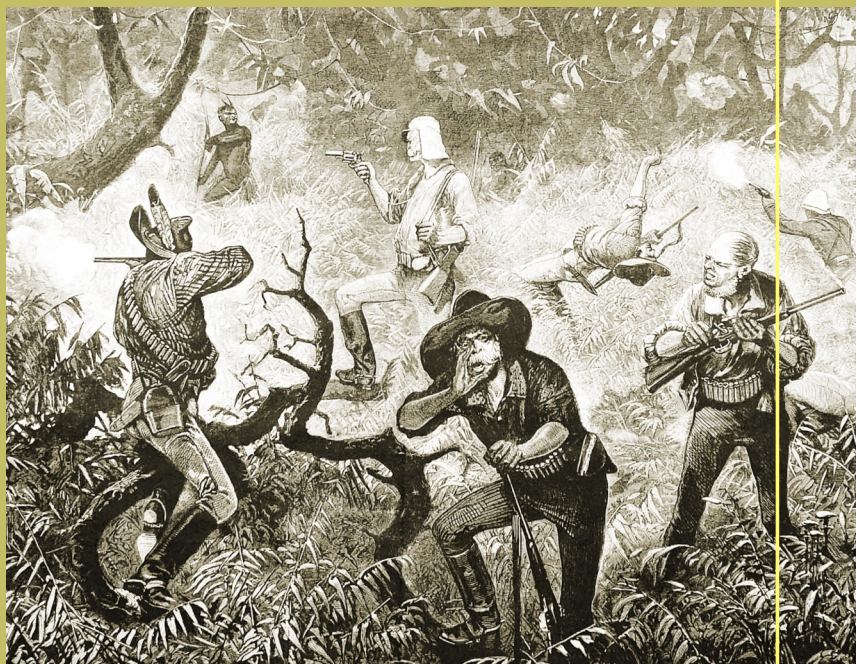

О.Тодер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОММАНДАНТА БРАУНА

Записки о Кафрской и Зулусской войне
(часть I)

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
О.ТОДЕРА

О.Тодер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОММАНДАНТА БРАУНА

*Записки о Кафрской и Зулусской войне
(часть I)*

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
О.ТОДЕРА

Приключения команданта Брауна
(Записки о Кафрской и Зулусской войне)

Часть 1.

Оформление
О.Тодер – Донецк, 2013. – 262 С.: ил

**Бета-версия.
Предназначена для правки и
ознакомления**

Серия: *"Южноафриканская библиотека О.Тодера"*

© О.Тодер, Донецк, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

"ЭЛЕКТРА"	5
ФОЛКЛЕНДСКИЕ ОСТРОВА	15
ОХОТА НА ФОЛКЛЕНДАХ	25
КАПСКАЯ КОЛОНИЯ.....	45
КАПРИЗЫ СУДЬБЫ.....	55
СТО ЛЕТ КАФРСКИХ ВОЙН	71
КАФРСКАЯ СВАДЬБА	89
ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ПИКНИК	98
ПЕРВЫЙ НАБЕГ НА ГАЛЕКАЛЕНД.....	108
"РЕЙНДЖЕРЫ ПУЛЛАЙНА"	119
ПОКОРЕНИЕ ГАЛЕКАЛЕНДА	132
КОНЕЦ "ОВЕЧЕК ПУЛЛАЙНА"	158
ВОЙНА С ГАЛЕКА. ВТОРОЙ КРУГ.....	165
"КОННАУТСКИЕ РАЗБОЙНИКИ"	197
РАЗГРОМ КЛАНОВ РАРАБЕ	215
РАЗГРОМ КЛАНОВ РАРАБЕ (продолжение).....	233
В НАТАЛЬ.....	257

"ЭЛЕКТРА"

Новая Зеландия

Ранним апрельским утром, года Господа нашего 1877, двое крепких парней, не спеша, свернули с Куин-Стрит к причалам Коммерческой Бухты. Звон колокола церкви Святого Павла накатывал на просыпавшийся город. Густые переливы неумолимо призывали благочестивых жителей Окленда освятить молитвой наступивший день, попутно напоминая загулявшим почитателям портовых борделей об изгнании наших Прародителей из Рая. Но пара, направлявшаяся к замершим у причалов парусникам, несомненно, не принадлежала, ни к тем, ни к другим. Судя по наружности и манерам, это были тертые калачи, не один год проскитавшиеся в новозеландском буше с винтовкой в руках. Поскольку один из них является автором настоя-

щих записок, позвольте ему представиться и, заодно, представить своего компаньона.

Меня называли Джорджем в честь отца, Джорджа Брауна – майора славного 44-го полка, нашедшего честную солдатскую смерть в недоброй памяти Севастопольской кампании 1855 года. Через два месяца мне предстояло перевернуть тридцатую страницу книги жизни. Стоя на голых пятках, я имел рост 5 футов 7 дюймов¹, широкую грудь, мускулистые руки и крепкие ноги. При этом, пребывая в добром здравии, был шустр, как дикий кот, и без труда переносил любые тяготы, выпадавшие на долю колониального солдата. Относительно черт лица предоставлю вам право составить суждение самостоятельно. Просто взгляните на меня сегодняшнего, мысленно стерев следы невзгод и лишений тридцати пяти непростых лет, проведенных в Новой Зеландии, Южной Африке и Индии, многие из которых пришлось на войну и тяжелые экспедиции.

Мой компаньон, Коннел Квин, считался моим слугой, но узы, связавшие нас, были гораздо прочнее тех, что способно обеспечить даже приличное жалование. Мы оба родились в графстве Дерри, на севере Ирландии. Хотя Квин покинул утробу матери не в нашем поместье, он, по его словам, "впервые увидел свет, будучи по-соседству, а небольшое расстояние не играет роли". В свое время я оказал Квину небольшую услугу. С простосердечием ирландского крестьянина, храни их Господь, он раздул ее важность до огромной и все еще считал себя должником, несмотря на то, что давно расплатился за нее верной службой и искренней преданностью. Два года мы, плечом к плечу сражались с дикарями в новозеландском буше. Два года выхаживали друг друга от ран. Два года делились скудной пищей, на равных перенося голод, холод и лишения. И за все это время ни разу не позволили себе ворчать друг на друга. Тем, не менее, понимая разницу в нашем социальном статусе и обла-

¹ 170 сантиметров

дая врожденным тактом, Квин старательно поддерживал почтительную дистанцию и никогда не допускал касательно меня каких-либо вольностей. В общем, наши отношения походили на взаимную привязанность старого фамильного слуги и снисходительного хозяина. Будучи на десяток лет старше, Квин был выше меня, шире в плечах, сильнее и выносливее, что, в некоторые моменты, существенно облегчало мне жизнь. По характеру же, мы оба, каждый на свой лад, представляли пару сорвиголов, столь часто производимых на свет милой Старой Ирландией.

Двумя месяцами ране, я умудрился поймать в грудь пулю, выпущенную каким-то расторопным *маори*. Рана заживала отвратительно, и врачи настоятельно советовали мне вернуться в Англию для поправки здоровья. Следуя их рекомендациям, я и оказался в Коммерческой Бухте, разыскивая корабль, стоящий на, так называемой, "домашней линии". Добрые люди, живущие на наших благословенных зеленых островах! Вы не можете себе даже представить, какой наплыв чувств вызывают слова "домашняя линия" у человека, искавшего счастья на другом конце света.

В семидесятых годах между Новой Зеландией и Англией не существовало пароходного сообщения, и мне предстоял нехитрый выбор одного из двух парусников, завершавших погрузку шерсти на этой неделе. К ним я и направился по, сырому от ночного дождя, настилу оклендского причала.

Первый корабль, со звучным именем "Электра", красовавшимся на корме, был небольшим клипером водоизмещением около шестисот тонн, с полным парусным вооружением и стройными обводами. Другой – неуклюжим, топорно сработанным старым барком примерно такого же тоннажа. Естественно, основным кандидатом, достойным нести меня к родным берегам, стал клипер.

Поднявшись на борт, я вызвал первого помощника и в двух словах объяснил ему причину визита. Узнав, что перед ним

вероятный пассажир, моряк пригласил меня осмотреть небольшой комфортабельный салон и примыкавшие к нему крохотные каюты с двухъярусными койками. Поскольку каюты оказались достаточно удобными, и "Электра" планировала поднять паруса на следующий день после барка, я, без колебаний, остановил свой выбор на клипере после чего, не наводя дальнейших справок, направился в офис судового агента. Оплатив места и доверив знакомому владельцу лавки подготовить каюту к вояжу, я имел все основания считать вопрос с отъездом улаженным. До рейса оставалось не так много времени, а нас с нетерпением поджидала масса незавершенных дел на берегу. Естественно, ни я, ни Квин не навещали порт до самого отхода.

Окленд. Коммерческая Бухта

В день отплытия, прибыв на причал к назначенному часу, мы увидели, что у борта "Электры" уже деловито пытит буксир. Помощник, встретивший нас у трапа, услужливо сообщил, что шкипер на месте и остается лишь отдать швартовы. Поблагодарив моряка за любезность, я направился в каюту, оценить ее подготовку.

Помещения для пассажиров на "Электре" размещались в

кормовой надстройке – полуюте. Двери салона выходили прямо на главную палубу, что было весьма удобно. Я давно не чувствовал в душе подобного подъема. Заботы, хлопоты и нервное напряжение, неизбежно сопутствующие отъезду, остались по ту сторону трапа, и впереди меня ожидало несколько месяцев безмятежности. На минуту задержавшись у грот-мачты, жмурясь от солнечных бликов, плясавших по укрытой от ветра глади бухты, я залюбовался океаном. Там, за волноломом, по многочисленным белым гребням угадывался свежий ветер, обещавший хороший ход. Домой! Домой, после нескольких лет скитаний! Дохнув полной, насколько позволяла рана, грудью, я пришел к банальному заключению – жизнь прекрасна.

Но, сколь зыбко и неверно человеческое счастье! Переступив порог салона, я едва не лишился речи, споткнувшись о клубок сцепившейся и вопящей детворы. Казалось, маленькие демоны были повсюду. Они валялись на полу, прыгали по диванам, прятались под столом. Мало того, словно в ночном кошмаре, из кают ползли все новые и новые. Несколько, залитых слезами женщин нежно прощались со священником, не обращая внимания на рев младенцев и вопли детей постарше. Не веря своим глазам, я ухватил пробежавшего мимо стюарда за полу изрядно застиранной куртки и тот, к моему ужасу, жизнерадостно сообщил, что три женщины и тринадцать детей на ближайšie месяцы станут моими компаньонами. О Боги Войны! Зачем вы послали своему верному слуге подобное испытание?

Сибариты сегодняшних дней, сетующие на тяготы морского путешествия, развалившись в шезлонгах верхней палубы гигантского лайнера. Вообразите себе перспективу вояжа вокруг мыса Горн (четырнадцать тысяч штормовых миль), в компании трех плаксивых женщин и тринадцати скулящих, орущих и гадящих исчадий Ада, заполонивших крохотный салон шести-

соттонного "виндjamмера"².

На мое сердце пала не просто ночь. Его окутал беспросветный мрак. Однако сетовать было и поздно, и бессмысленно. Буксирный конец натянулся, последние швартовы отданы, и "Электра" плавно отошла от причала. Под звуки боцманских дудок матросы мартышками разбежались по реям. Казалось, прошло лишь несколько мгновений как паруса были поставлены, фалы закреплены, и попутный ветер, подхватив клипер под белоснежные крылья, понес нас к Горну.

В скором времени судилось сбыться моим самым дурным предчувствиям. Никогда, ни при каких обстоятельствах, за всю свою полную всевозможных тягот и лишений жизнь, не переносил я страданий худших, чем во время этого проклятого во-
яжа.

Корабль был очень хорош для своего класса, а команда гораздо лучше, чем можно было надеяться встретить на баке "шерстевоза" той эпохи. Я заплатил полную плату за каюту первого класса и, естественно, рассчитывал получить полагавшееся в таких случаях свежее мясо – баранину, свинину или домашнюю птицу, но из свежатины в наличии оказались лишь крысы и старый кот. В салоне мне отвели место за одним столом с капитаном и первым помощником. За исключением бекона, сыра, соленого масла и джема, мы получали те же продукты, что и команда. Другими словами путешествовали на голом армейском пайке. Я не возмущался, хотя понимал, что меня здорово надули. Но солонина была хорошего качества, а человек, несколько лет гонявший дикарей по бушу, не станет воротить нос от здорового, пусть и грубого, рациона.

Каюта также была достаточно уютной. Располагая приличным запасом книг, я чувствовал бы себя вполне комфортно, не будь на борту дам и чертовой дюжины их отпрысков, старшему из которых исполнилось не более десяти, а трое вовсе не

² "Выжиматель ветра"

спускались с рук.

Женщины оказались вдовами, возвращавшимися в Англию на скудные средства какого-то благотворительного общества. Руководствуясь верой в Господа больше чем здравым смыслом, они заплатили среднюю плату за проезд, вручив заботу о себе в руки Провидения. На мой взгляд, Провидению до них дела не было вовсе. Очевидно, побудив меня, не наведя справок, взойти на борт "Электри", Небеса посчитали свои обязанности исполненными. Во время очередного шторма, подавая впавшей в отчаяние даме глоток грога, я узнал, что именно Всевышний привел нас на борт корабля присмотреть за ней и ее детьми. Может это и так, но в тот момент я был склонен считать родителем моих несчастий самого Сатану.

По словам женщин, во время подписания контракта, помещения в трюме, предназначенные для пассажиров "среднего класса", оказались забиты тюками с шерстью. В качестве компенсации, компания поселила их в свободные каюты первого класса, предоставив рацион третьего, без обслуживания.

Много сомнительных дел вершилось в те времена на бортах старых "виндjamмеров", но я никогда не сталкивался с более бессердечным случаем. Только вдумайтесь. Несчастные получали свой рацион в виде набора продуктов раз в неделю. Предполагалось, что они обслуживают себя сами: хранят провизию в каютах, готовят ее на камбузе, расположенном позади фок-мачты, а затем, с кастрюлями в руках, пробираются назад по палубе зачастую покрытой двумя футами ледяной воды. Подобное путешествие опасно даже для крепкого, привычного к морю мужчины и почти невозможно для хрупкой, робкой женщины. Стюардесс на борту не было, а единственный неопытный стюард и еще более грязный юнга, раскусив, что от подобных клиентов не получишь за услуги ни пенса, отказали им во всякой помощи. Шкипер поддержал мерзавцев на том основании, что дамы являются пассажирами третьего класса.

Ситуация непростая, даже будь матери крепкими женщина-

ми. Но, как назло, они оказались весьма вялыми и безвольными существами. Несомненно, наши попутчицы знавали в своей жизни лучшие дни, но на борту "Электры" их претензии на мнимую аристократичность проявлялись лишь в бесконечном жеманстве и абсолютном отказе заботиться о себе и своих несчастных отпрысках.

"В дурную погоду"

Однако, что можно изменить, находясь в тысяче миль от ближайшего берега?! Оставалось уповать на попутный штормовой ветер, несущий нас к дому. На беду, и этой последней надежде судилось развеяться в прах. Покинув Новую Зеландию при крепком норд-весте, мы резво шли несколько дней, но затем ветер переменился. Шкипер повел корабль по большой дуге и, лишь на пятьдесят седьмой день непрерывной тошнотной качки, мы подошли к мысу Горн.

Все это время дамы, в полуобморочном состоянии лежали в своих койках, предоставив нам с Квином право им прислуживать и, заодно, присматривать за вездесущей, дерущейся, скулящей и орущей детворой. Полагаю, в качестве компенсации, они исполняли для нас заунывные гимны, нагонявшие еще большую тоску. Должен признаться: задолго до Горна, я не раз ловил себя на мысли, что царь Ирод, прославившийся избиением невинных младенцев, заслуживает определенного снисхождения, поскольку самому не раз приходилось бороться с искушением швырнуть за борт охапку-другую этих сопливых созданий.

Шкипер оказался угрюмым старым крабом, пролезшим в капитанскую каюту с самых низов, не обретя при этом ни приличных манер, ни умения поддержать разговор. В трезвом виде он был отличным моряком и навигатором, но пренеприятнейшим компаньоном, а некоторые его привычки за столом могли вызвать омерзение у свиньи. При этом старина испытывал тягу к религиозным вопросам и каждый вечер, наравне с ромом, отдавал дань уважения Святому Писанию. По моим наблюдениям, он в равных долях почитал и то и другое.

Совершая ежевечерний ритуал, после ужина шкипер усаживался за стол с огромной Библией перед собой и бутылкой рома, надежно закрепленной в подвесной корзинке. Водя по странице пальцем и по буквам разбирая трудные слова, он декламировал один или два стиха из случайно выбранной главы, а затем, озабоченно потрянув седой шевелюрой, пропускал порцию рома. Приняв изрядную дозу Второзакония, шкипер закрывал священные страницы и, опираясь на стюарда, словно старый Лот, с пьяным бормотанием удалялся в каюту. Легко понять, что я не испытывал удовольствия от общества морского волка, а незатихающее вытье мелюзги пресекало любые попытки чтения, даже в краткие часы, свободные от их кормления.

Но, слаб человек, и силы его не беспредельны. После оче-

редного пятидневного шторма, когда "Электра", с палубой и рангоутом покрытыми толстой коркой льда, легла в дрейф на траверзе мыса Горн, мои нервы сдали. Будучи в трезвом уме и твердой памяти, я решительно заявил, что перепоручаю дам, вместе с их нежным потомством, заботам шкипера и судового агента. Естественно, мятеж не встретил понимания заинтересованных сторон, но я был категоричен, а Квин безоговорочно меня поддержал. Дамы и шкипер восприняли наш демарш, как личное оскорбление, после чего, и без того гнетущая, атмосфера в салоне стала невыносимой, что меня абсолютно не устраивало. Поэтому, едва "Электра", потеряв стены на фок-мачте и чудом не оказавшись на отмели, из-за чрезмерной дозы Святого Писания, отдала якорь на рейде Порт-Стенли, я малодушно сбежал на берег, надеясь поскорее забыть о двух месяцах пережитого кошмара. Квин, категорически отказавшись возвращаться в Англию в одиночку, последовал за мной.

Садясь в присланный с берега вельбот, гонимый раздражением и усталостью, я, не ведая того, принял одно из самых судьбоносных решений в своей жизни. Сегодня, глядя с высоты прожитых лет, я убежден, что именно вмешательство Высших Сил привело меня на "Электру".

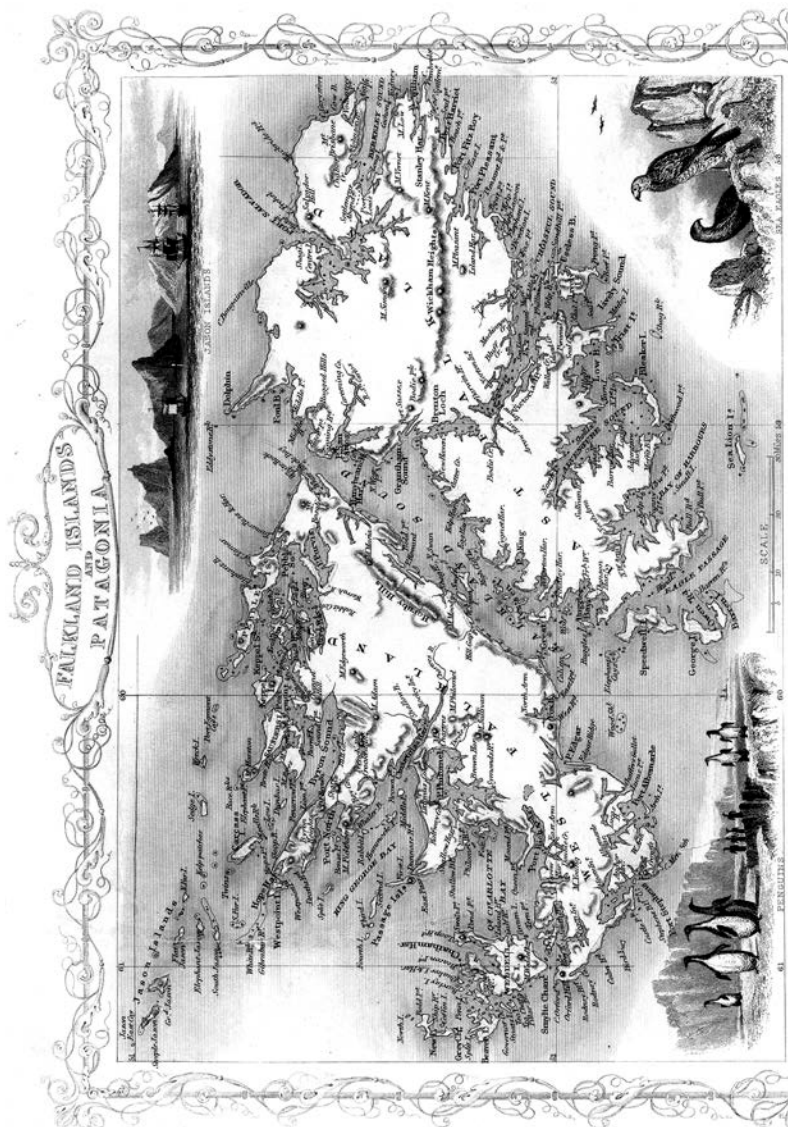

ФОЛКЛЕНДСКИЕ ОСТРОВА

Существует мнение, что Фолклендские острова в 1502 году открыл Америго Веспуччи, во время своего третьего плавания. Но, пройдя вдоль их северных берегов, великий флорентинец не стал выяснять, принадлежат они островам, или же являются частью континента. Своим нынешним названием архипелаг обязан англичанину Джону Стронгу, побывавшему в этих местах в 1690 году, хотя испанцы упорно продолжают называть острова Мальвинскими.

Удобное географическое расположение, обилие пресной воды и удобные бухты более ста лет влекли сюда моряков, направлявшихся в Южные Моря. В 1763 году французский двор

вознамерился основать на островах колонию, поручив ее создание капитану первого ранга Луи Антуану де Бугенвилю. Однако это решение имеет свою предысторию.

Фолклендские острова

По замыслу, заброшенные острова должны были стать новой родиной поселенцам французского происхождения выдворенным англичанами из Акадии – французской колонии в Канаде. Летом 1755 года, в ходе вторжения англичан в восточную Канаду, тысячи акадианцев согнали с занимаемых земель, предав их фермы огню. Часть "погорельцев" вернулась во Францию, обосновавшись в городке Сен-Мало. Но, для большинства этих людей метрополия оставалась чужбиной, и, когда де Бугенвиль увлекся идеей заложить Новую Акадию, некоторые из "акадианцев" ухватилась за шанс восстановить собственную честь, освоив забытый Господом архипелаг.

Бугенвиль на частные средства построил два корабля – "Орел" и "Сфинкс", принял на борт несколько семей, пожелавших отправиться за океан, и взял курс к берегам Южной Америки. В Монтевидео он закупил провиант, лошадей и крупный рогатый скот, а 3-го февраля 1764 года привел корабли в большую бухту восточного острова, где и заложил посе-

ление. Первоначально новая французская колония насчитывала 27 жителей, в том числе пять женщин и троих детей. Экипажи кораблей помогли построить жилища, возвели склады и насыпали форт, а спустя два месяца, 5-го апреля 1764 года, первое поселение европейцев, расположенное на столь высокой южной широте, именем короля приняли во французское владение. Выражая почтение своему монарху, поселок называли Порт-Луис, а сами острова Малоуинами (Les Isles Mallouines) в честь жителей Сен-Мало, спонсировавших экспедицию.

Вскоре корабли покинули архипелаг, но через полгода Бугенвиль вновь посетил Малоуины, найдя колонистов в добром здравии и отличном расположении духа. Выгрузив привезенные запасы, он направился за строевым лесом и саженцами к берегам Южной Америки, где в Магеллановом проливе повстречал британского коммодора Байрона, только что закончившего рекогносцировку островов. Байрон подошел к архипелагу на год позже французов, высадившись западнее их поселения в январе 1765-го. Игнорируя присутствие ценителей лягушачьих лапок, англичанин принял острова во владение британской Короны, правда не оставив там ни единого жителя. Лишь в 1766 году англичане сумели основать колонию в западной части архипелага, назвав ее Порт-Игмонт. В декабре того же года командир британского фрегата "Язон" навестил французов, настаивая, что острова принадлежат королю Британии и грозясь высадить десант.

К этому времени французская колония процветала. Ее коммандант и губернатор жили в добротных каменных домах, а колонисты в хижинах со стенами, сложенными из торфа. Французы с успехом возделывали привезенные из Европы сельскохозяйственные культуры, скот быстро плодился, а число обитателей достигла полутора сотен человек. Но крохотный форпост "акадианцев" в Южной Атлантике оказался не таким живучим, как французский монарх, в честь которого был назван. Предвидя неизбежность конфликта с британцами, Буген-

виль в 1766 году договорился о продаже Порт-Луиса (и всех земель вокруг него) королю Испании. Луи XV милостиво одобрил сделку. Поскольку в те времена и французский, и испанский трон принадлежали Бурбонам, то смена монарха была своего рода "семейным делом". Испанцы, переименовали Порт-Луис в Пуэрто-Солидад, а архипелаг, на собственный лад, стали называть Мальвинским.

До сегодняшнего дня точно неизвестно, знало ли британское правительство, что Испания купила Порт-Луис, но факт остается фактом: в 1769 году, английский капитан Хант, командовавший фрегатом "Тамар", перехватил у Фолклендских берегов испанскую шхуну. Хант приказал шхуне отойти от побережья, объявив, что оно является собственностью британской Короны. Испанцы подчинились силе, но через несколько дней вернулись с письмом и подарками от губернатора Пуэрто-Солидада. В послании, с величайшей учтивостью, сообщалось, что губернатор не поверил капитану шхуны, без сомнения возводившему напраслину на британского коммодора. Губернатор писал, что если британский фрегат находится здесь из-за капризов погоды, испанцы предлагают любую помощь, но, если британский корабль у берегов Мальвин преследует иную цель, то он имеет честь напомнить об ответственности за нарушение мира и договоров, подтверждавших господство Испании над данной частью земного шара.

Капитан Хант в ответе категорично заявил о единоличном владении островами Его Королевским Величеством и дал испанцам шесть месяцев, чтобы те убрались восвояси.

Через пару месяцев после данного происшествия два испанских фрегата нагрянули в Порт-Игмонт под предлогом пополнения запасов воды. Командовавший ими офицер изобразил искреннее удивление, при виде развевавшегося над поселением британского флага, но сказал, что воздержится от каких-либо враждебных действий до получения приказа своего короля.

Дело принимало неприятный оборот, и английский коммодор отбыл в Англию за инструкциями. В Порт-Игмонте остались два шестнадцатипушечных шлюпа: "Фейворит", капитана Малтби и "Свифт" капитана Фармера. На беду британцев, "Свифт", ходивший к берегам Южной Америки, вскоре затонул в Магеллановом проливе. Его экипажу удалось высадиться на пустынный берег, где их ожидала верная голодная смерть, если бы горстка храбрецов не рискнула добраться в открытой шлюпке до Порт-Игмонта. Проведя три недели в самых суровых водах мира, они достигли британского поселения, сообщили о беде, после чего вернулись с командой "Фейворит" и спасли остальных.

Спустя месяц, на рейде Порт-Игмонта вновь бросил якорь испанский фрегат, а через три дня еще четыре. На этот раз испанцы подошли к делу основательно. На пяти кораблях имелось 134 орудия и около тысячи семисот человек, включая солдат и морскую пехоту. Кроме того они доставили 27 осадных орудий, в том числе 24-фунтовых, четыре 6-дюймовые мортиры и снаряжение, достаточное для взятия серьезной крепости, а не жалкого деревянного блокгауза с четырьмя, утонувшими в грязи, пушчонками.

Поскольку намерения испанцев не оставляли места сомнениям, капитан Фармер приказал части команды "Фейворит" сойти на берег для защиты поселения, а сам шлюп укрыл в узкой бухте, после чего направил испанцам вызывающее письмо с требованием немедленно удалиться. Испанский коммодор вежливо ответил: если англичане покинут острова подброду, он не станет чинить препятствий и разрешит забрать с собой все имущество и припасы. Если же, по недостатку места или времени, они не смогут забрать все, коммодор примет оставшееся под расписку и пусть этот вопрос рассматривают наверху. Заканчивалось послание джентльменским предупреждением: в случае, если англичане продолжают упорствовать, испанец, с прискорбием, будет вынужден атаковать.

Капитан Малтби в глубине души надеялся, что противник блефует и не посмеет нарушить мир, недавно заключенный между Испанией и Британией. К тому же, он был уверен, что его монарх потребует сатисфакцию от любой силы, оскорбившей британский флаг, и испанцы это знают. Тем не менее, ночью Малтби доставил на берег еще пятьдесят человек, два шестифунтовых орудия, ружья и боеприпасы.

Не успели первые лучи солнца коснуться глади бухты, как испанская пехота, высадившаяся в полумиле к северу, построилась в боевой порядок и двинулась к поселку. Одновременно, под прикрытием огня фрегата, для устрашения посылавшего ядра над блокадом, к берегу устремился лодочный десант.

Британцы обозначили свою готовность дать отпор несколькими ответными выстрелами, после чего, решив, что правила чести соблюдены, выбросили белый флаг.

По условиям капитуляции, проигравшие могли отбыть на "Фейворит", взяв с собой все, что считали нужным. Остальное имущество переходило в руки испанцев. Англичанам разрешили поднимать флаг над кораблем, но сам шлюп был лишен руля, который месяц хранился на берегу.

Конфликт едва не привел к большой войне. Британская публика возмутилась не столько потерей каких-то островов на краю света, сколько вызывающим поведением испанцев. Оппозиция будоражила общественное мнение и требовала решительных действий, а газеты пестрели кровавыми заголовками. Шум затих лишь в 1771 году, после отказа Испании отстаивать права на архипелаг. В 1820 году в спор вмешалась молодая республика Рио-де-ла-Плата (будущая Аргентина), заявившая претензии на местные испанские владения.

Колония в Пуэрто-Солидаде продолжала потихоньку расти, пока в августе 1831 года, из-за ссоры с американскими китобоями, не разгорелся конфликт между Аргентиной и Северо-Американскими Соединенными Штатами. Быстрый на распра-

ву Вашингтон послал к островам карательную экспедицию, разорившую Пуэрто-Солидад и изгнавшую оттуда поселенцев.

Британия не замедлила воспользоваться ситуацией. Два года спустя, над Пуэрто-Солидадом и Порт-Игмонтом уже реял британский флаг, а фрегат "Тайн" получил приказ охранять острова от любых посягательств.

Беркли-Зунд

В 1842 году на острова прибыл первый британский губернатор – лейтенант Моуди, и этот год можно считать реальным годом рождения британской колонии на Фолклендах с главным городом – Порт-Стенли. Правда, из-за недостатка внимания со стороны метрополии, новорожденная колония пребывала в стагнации, и жизнь в ней едва теплилась. Публика на Британских островах отнеслась к свежему приобретению Короны довольно прохладно, чего нельзя сказать об английских торговцах, промышлявших в Южной Америке. Эти люди, исполненные жажды наживы и предприимчивости, сразу обратили внимание на единственный клочок суши, в радиусе нескольких тысяч миль, над которым затрепетал британский флаг. Один из них, Самуэль Фишер, в марте 1846 года приобрел у королевы Виктории часть Восточного Фолкленда и прилегавшие острова за 60 000 фунтов с рассрочкой платежа на 15 лет. За эту цену Фишер получил абсолютное право на всех одичавших животных Восточного Фолкленда (крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз и свиней). О количестве расплодившейся к этому времени живности красноречиво свидетельствует пункт купчей, согласно которому Фишер обязался в 1847 году поставить

губернатору колонии 500 коров, 5 быков, 4000 овец и 40 баранов. Обязательства на следующий год выглядят еще серьезнее: 1000 коров, 10 быков, 5000 овец, 50 баранов, 50 кобыл, 5 жеребцов, 30 свиноматок и 10 кабанов.

Вокруг Фолклендских островов и раньше крутилось немало промысловых судов, добывавших морского зверя, но когда в марте 1848 года Самюэль Бреннан с возгласами: "Золото! Золото! Золото из Американ-Ривер!" прошелся по улицам Сан-Франциско, держа над головой фиал с драгоценным металлом, Фолкленды превратились в проходной двор. Если до Калифорнийской Золотой Лихорадки мимо островов проходило пять судов в день, то теперь их сновали десятки. Большинство выверяли здесь свои хронометры, но многие капитаны полюбили острова за удивительную дешевизну продовольствия, чистую воду и массу удобных бухт, скорее напоминавших озера.

Удивительно, что и сегодня, едва речь заходит о Фолклендах, большинство людей представляют себе, чуть ли не арктическую пустыню. На деле местный климат, несмотря на частые и сильные ветра, довольно здоров. Острова могут похвастать изобилием пресной воды и сочными травами, поэтому не удивительно, что животные здесь хорошо плодятся, а их мясо отличается особой нежностью. Заросли гигантских злаковых, так называемого "тассока", достигают высоты в десять футов, иногда скрывая целые стада скота и табуны лошадей, не говоря о том, что предоставляют укрытие миллионам птиц.

Количество скота на островах невероятно, однако, к несчастью, эти места издавна облюбовали мародеры всех сортов. Дошло до того, что некоторые суда везли с собой большие запасы соли и не только бесплатно запасались провизией, что еще можно оправдать, но под завязку загружались дармовым мясом для оптовой продажи.

Однако, несмотря на все достоинства, в силу удаленности от Европы Фолклендские острова долго не могли избавиться от

незаслуженно дурной репутации. Подобно Багамам и Вест-Индийским морям, жулики всех мастей использовали, якобы, сложнейшие условия здешней навигации, для того, чтобы запустить руку в карман своих коллег из страховых компаний. Время от времени суда "терялись" в укромных бухточках, где их продавали за бесценок, после чего, отремонтированные новыми владельцами, они продолжали бороздить океан под другими именами. По мнению же профессиональных моряков, ни одно хорошо оснащенное и должным образом управляемое судно на Фолклендах потерять невозможно.

Вид на бухту Порт-Луис. Беркли-Зунд

ОХОТА НА ФОЛКЛЕНДАХ

Еще с борта "Электры" я увидел стоявший на рейде Порт-Стенли корвет флота Ее Величества "Даная". К моей неопи-суемой радости, первым человеком, повстречавшимся мне на берегу, оказался его командир, капитан Джон Парвис – близ-кий товарищ моего старшего брата, Берти. Узнав об обстоя-тельствах, забросивших меня на Фолкленды, Парвис любезно предложил мне, в ожидании подходящего судна, вместо убо-гой лачуги, именуемой отелем, воспользоваться каютой на борту корвета. "Даная", вышедшая из Портсмута полгода на-зад, несла службу на Фолклендах, но недавно получила приказ присоединиться к Капской эскадре в Саймонс-Тауне. От Пар-виса же я узнал, что мой брат служит на стационаре в Восточ-ной Африке, и его фрегат вскоре возвращается в Англию.

Вечером, наслаждаясь радушным приемом в небольшой

уютной кают-компания "Данаи", я решил не плыть в Англию, а, пользуясь случаем, навестить брата. Ход мыслей был следующим: если мне удастся застать его в Занзибаре, Берти прихватит меня домой, если же мы разминемся – я самостоятельно доберусь до Каира и вернусь в Англию через Средиземное море. Приняв к действию столь нехитрый план, я безмятежно предался грезам о редких трофеях и славной охоте в районах, оставшихся в те годы для большинства британцев белым пятном на карте.

Пингвины на Фолклендах

Перед уходом на Кап, "Данае" предстояло закончить геодезическую съемку нескольких бухт Восточного Фолкленда. Хотя, с первого взгляда, на этих пустынных островах делать было решительно нечего, меня заверили, что здесь великолепная охота на пернатую дичь и, кроме свободного времени, в моем полном распоряжении будет старый, но надежный двуствольный "Зауэр" системы Лефорше, с прекрасными стволами из дамасской стали.

Едва с первыми лучами солнца "Даная" вошла в правый рукав бухты Порт-Фитцрой, как барометр начал падать с невероятной скоростью и команда быстро подготовила корвет к тяже-

лому шторму. К полудню разразилась буря, сопровождавшаяся свирепыми шквалами, перемежающимися мощными зарядами снега. Поверхность бухты мгновенно покрылась белой пеной, а устье исчезло за пеленой снега. Окрестности выглядели уныло. С подветренной стороны тянулась гряда покрытых снегом скалистых холмов, а с наветренной нас прикрывал небольшой островок, заросший тассоком. Стебли гигантской травы гнулись и метались под свирепыми ударами ветра. Мысль, что целых сто четыре градуса широты отделяют меня от Старушки Англии, добавляла в эту мрачноватую картину элегические нотки задумчивой грусти, одиночества и размышлений о бренности земного бытия.

Ближе к полуночи шторм ослаб, а наутро, глядя на легкие облака в высоком небе, во вчерашнюю непогоду верилось с трудом. Было воскресенье. После церковной службы и завтрака, часть экипажа сошла на берег размять ноги. Поскольку в воскресный день ношение оружия запрещено уставом, людей свезли на островок, чтобы, как мне объяснили, избежать неприятных встреч с одичавшими животными. Боязнь коров мне показалась несколько забавной, но, великая Минерва удержала меня от поспешных и язвительных комментариев по данному поводу.

Желавших сойти на берег набралось с два десятка. Некоторое время все держались вместе, но затем разбрелись по острову, развлекаясь, кто во что горазд. Местные кочковатые луга, покрытые гигантскими злаковыми – удивительное место. Их не тревожили веками. Непрерывный рост и разложение превратили здешний дерн в рыхлую сухую субстанцию, загоравшуюся легко, словно трут. Длинные тонкие стебли тассока, сцепляясь высоко над головой, формировали небольшие галереи, в которых многочисленные и вездесущие пингвины, протоптали множество троп. По одной из них небольшая компания офицеров, к которой я примкнул, направились вглубь острова, забавляясь тем, что время от времени дразнили этих смешных, не-

уклюжих на суше, но отважных толстяков. К моему удивлению, пингвины оказались довольно смелыми и упрямыми птицами. Защищая гнездо, они, очертя голову, бросались в драку и упорно сражались за каждую пядь своей территории. Образу- мить их удавалось лишь довольно сильными пинками. Меня просветили, что это пингвины-ослы, прозванные так за спо- собность издавать громкий странный крик, напоминавший рев осла. Хотя, по моему мнению, их следовало назвать пингвина- ми-мулами, поскольку они походили на это животное не толь- ко голосом, но и склочным характером.

Спустя какое-то время, лейтенант-артиллерист, шедший за- мыкающим, заявил, что чувствует запах дыма. Подобное заме- чание на необитаемом острове должно было вызвать по мень- шей мере удивление, но, отбивая атаку очередного пингвина, мы не уделили ему должного внимания. Наказание за беспеч- ность не заставило себя долго ждать. В несколько минут небо застлало густыми серыми клубами дыма, и отчетливо слы- шался треск горящего сухостоя. Стало ясно, что наши, мягко выражаясь, беспечные товарищи, подожгли траву с наветрен- ной стороны. Данный факт не сулил нам ничего хорошего. Не сговариваясь, мы рванули к берегу, до которого по прямой было не более двух сотен ярдов³. Несмотря на небольшую дис- танцию, забег заставил нас изрядно попотеть. Огибая бесчис- ленные холмики, прыгая через высокие кочки, подгоняемые треском пожара и задыхаясь в плотном дыму, мы петляли словно кролики, должно быть, являя со стороны забавнейшее зрелище. Наконец, после отчаянного рывка, стоившего нам нескольких шляп и ботинок, наша компания достигла места, где стоял бот. Запрыгнуть в лодку и налечь на весла, в сло- жившейся ситуации, оказалось делом нескольких секунд, а уже в следующее мгновение, узкая полоска песка, на которую мы

³ Ярд – около 0,9 метра. Исторически, расстояние от кончика носа британского короля до кончика среднего пальца вытянутой руки

столь своевременно выскочили, скрылась в языках жаркого пламени.

Гребя к нетронутой пожаром наветренной стороне островка, мы изрядно беспокоились о судьбе остальных "отдыхающих". К нашей радости, мгновенно сменившейся праведным гневом, праздные шалопаи, покуривая трубки, преспокойно сидели на берегу и с ленивым любопытством наблюдали за результатом своей выходки. Никому из них даже не пришло в голову, что они нас чуть не поджарили. При виде подобной беспечности у меня сжались кулаки, но, соблюдая субординацию, я делегировал право выразить обуревавшие меня эмоции их непосредственному начальству. Начальство, в лице лейтенанта, тут же принялось объяснять новоявленным Геростратам⁴ возможные последствия их поступка, уточняя при этом, кто именно породил на свет подобных мерзавцев, и как они закончат свою жалкую жизнь. Чаще всего в обвинительной речи звучали слова "рей" и "веревка".

Пока вершился импровизированный военно-полевой суд, я с горечью наблюдал за бушевавшим пожаром. Сотни взрослых птиц с криками отчаяния кружили над адом, пожиравшим их потомство. Раз за разом какой-нибудь гусь или каранчо⁵ падал в пламя, то ли задохнувшись в дыму, то ли опаленный жаром.

На следующий день, желая оценить эффект произведенного опустошения, я отправился на пепелище. Остров имел общую площадь около трех сотен акров⁶ из которых, я убежден, не нашлось бы и дюжины квадратных ярдов без птичьего гнезда с четырьмя-пятью яйцами или птенцами. На участке, где бушевал огонь, заживо сгорело множество молодых птиц и несколько котиков – наше бездумное и бессмысленное жертво-

⁴ Герострат – молодой житель Эфеса, который сжёг храм Артемиды в своём родном городе, чтобы его имя помнили потомки.

⁵ Каранчо – крупная птица отряда соколиных.

⁶ Акр – около 40 соток (исторически, площадь земли, которую мог обработать один крестьянин с одним волом за один день).

приношение Молоху.

Завершив съемку бухты Порт-Фитцрой, "Даная" переместилась в соседнюю Плезент-Харбор, расположенную чуть южнее и малым ходом вошла в один из ее рукавов. Это был удивительный переход. В верхней части бухты берега сужались, образуя канал, настолько узкий, что человек без труда мог перебросить шляпу с одного берега на другой. Корвет двигался чуть ли не ощупью. Окружавший нас мир был дик и беззвучен, а берега казались безжизненными. Гуси и утки молча расступались перед форштевнем не проявляя ни капли обеспокоенности. Через пару часов хода, рукав расширился, и корвет стал на якорь.

Каранчо

Прогуливаясь по палубе после ланча, я заметил двух быков, пасшихся на берегу неподалеку. Наглецы пощипывали травку прямо напротив корвета, о чем я не преминул сообщить занятым внизу топографам. Услышав новость, служители циркуля и линейки отложили свои инструменты и поспешили на палубу. Мы знали, что на борту почти не осталось запасов свежего мяса и, не желая переходить на солонину, решили воспользо-

ваться удобным случаем, подстрелив одного из животных. В несколько минут была сформирована охотничья партия, возглавляемая капитаном Парвисом. По такому случаю, он взял новенький "Мартини-Генри", я – "Зауэр", а третий компаньон имел при себе старый "Бирмингем". В качестве четвертого участника предстоящей охоты, капитан прихватил корабельного пса – матерого испанского мастиффа по кличке Бастер. Подготовка к предприятию подняла переполох и на нижней палубе. Команда, бросив текущие дела, выскочила наверх и полезла на снасти, не желая пропустить предстоящую корриду.

Бот причалил к берегу за невысоким обрывом, чтобы мы, как можно дольше, оставались незамеченными противником. Тихо подкравшись к бровке откоса, наша компания выскочила прямо перед животными. К сожалению, быки оказались, то ли молодыми и трусливыми, то ли старыми и сообразительными. В любом случае они повернулись к нам задом и, не вступая в бой, дали деру. Стрелять вдогон по туше, набитой парой-тройкой квинталов⁷ травы – занятие почти безнадежное. Однако капитан Парвис все же выстрелил. До ближайшего к нам животного было около ста ярдов, но мы ясно слышали звук ударившей пули. Естественно, заполненный желудок служит хорошим щитом для жизненно важных органов, и наивно надеяться подобным выстрелом убить быка. Однако начало было положено. Спущенный с поводка Бастер, быстро настиг животное, вынудив того развернуться и ввязаться в драку. Пока бык гонялся за псом, я успел подойти к ним на дистанцию в пятнадцать ярдов. Заметив более достойного противника, бык оставил собаку и бросился на меня, однако правый ствол "Зауэра" несколько умерил его задор. Животное взвилось, словно намереваясь взлететь, но моя вторая пуля, вошедшая на несколько дюймов выше сердца, бросила его на колени. Пока я извлекал нож, намереваясь подрезать сухожилия, бык, в по-

⁷ Квинтал – 112 фунтов (около 51 кг)

следнем отчаянном усилии, всегда самом опасном, вновь вскочил на ноги.

В этот момент вскинул ружье наш третий компаньон. Однако, дешевый "Бирмингем", дав осечку, лишь щелкнул курком. На счастье, подоспевший капитан Парвис, хладнокровно уложил быка с пяти ярдов. Пуля пробила лоб животного и вышла через затылок. Команда, сидевшая на мачтах, отметила окончание боя троекратным "ура", и через несколько минут два десятка крепких парней уже стояли вокруг трофея. Распотрошив тушу, они обмотали рога веревкой и, горлая в двадцать луженых глоток старую матросскую песню, потащили добычу к шлюпке.

Геодзическая съемка рукава продлилась неделю, предоставив мне хорошую возможность исследовать ближайшие окрестности. Не проходило дня, чтобы нам не попадались дикие стада. Встреча с ними была не столь опасна, как с одинокими быками, количество которых казалось мне непропорционально большим. Быки-одиночки, как правило, были покрыты многочисленными шрамами – следами схваток с соперниками и, что занятно, у большинства из них рога были повернуты назад или вниз, в отличие от счастливых обладателей гаремов. Эта естественная селекция, проводимая природой, очевидно, позволяла уберечь животных от вырождения, неминуемого, если слабых самцов не изгонять из стада.

В один из погожих дней, я собрался сойти на берег вместе с геодзистами, в надежде поохотиться на уток. Квин, которому надоело без дела шататься по кораблю, где-то в недрах корвета раздобыл старушку "Браун Бесс"⁸ и решил составить мне компанию.

– Квин, мы направляемся за утками, зачем тебе это чудовище? Если тебя угораздит из нее во что-нибудь попасть, любую

⁸ "Brown Bess" – жаргонное название образца английского дульнозарядного гладкоствольного пехотного ружья снятого с вооружения после Наполеоновских войн.

птицу разнесет в клочья! Или ты все еще надеешься повстречать мою⁹?

– Ваша честь, я выиграл ее в покер у тиммермана¹⁰ и только святой Кевин¹¹ знает, чего мне это стоило. Дровосек клялся, что мушкет в порядке. А насчет стрельбы не беспокойтесь, тиммерман, продул мне десять картечных патронов и, пару с пулями. Картечница, что надо, сэр. С пятнадцати ярдов от чайки, только перья полетели!

Позавтракав, партия уселась в бот. Бастер, не упускавший случая сбежать на берег, увязался за нами. Следуя за изгибами рукава, мы высадились у устья небольшого ручья. Вытащив бот на отмель, геодезисты направились к холмам, маячившим севернее, а мы с Квином побрели к дикому уединенному водоему столь милому глазу каждого истинного охотника. Пес, обожавший гонять всякую живность, куда-то исчез.

Путь занял около часа, но усилия того стоили. Озеро оказалось настоящим охотничьим раем! Водная гладь, площадью едва в пару акров, была густо покрыта птицами. Два великолепных лебедя, грациозно выгнув эбонитовые шеи над белоснежными телами, величаво скользили среди бесчисленных гусей, уток и чирков. При нашем появлении, пернатая орда, вместо того, чтобы поспешно разлететься, направилась к нам. Очевидно, в отличие от своих цивилизованных сородичей, они еще не познакомились с человеческим коварством.

Я присел на валун, размышляя: поверит ли хоть кто-то из моих знакомых, что на земле остались затерянные уголки, в которых животные ведут себя, словно при сотворении мира. В пределах двадцати ярдов от меня собралось несколько сотен птиц, поднявших такой гвалт, что у меня звенело в ушах. Оче-

⁹ Моа – легендарные гигантские птицы, обитавшие ранее в новой Зеландии. Рост до 3,6 м, вес до 250 кг.

¹⁰ Тиммерман – корабельный специалист, ответственный за корпус судна, стоячий такелаж и плотницкие работы.

¹¹ Преподобный Кевин Глендалохский – один из величайших святых Ирландии

видно, они перепутали меня со Святым Франциском и допытывались, какого черта я тут делаю. Скопище выглядело ручным и доверчивым. Я чувствовал, что было неспортивно послать в них заряд дробы, хотя пришел сюда именно за этим, а "Зауэр", заряженный шестым номером, лежал у меня на коленях. Но я довольствовался тем, что взял у Квина битую для забоя котиков, которую тот таскал с собой непонятно зачем и запустил ее в озеро, надеясь испугать его обитателей.

Действие возымело эффект, противоположный ожидаемому. Вместо того, чтобы взмыть в воздух, птицы с любопытством сгрудились вокруг плавающей деревяшки и принялись стучать по ней клювами. Никогда еще жизнь не давала мне столь верный шанс произвести удачный выстрел. Но ощущение, что ситуация пахнет шулерством, не позволило мне спустить курок.

Неожиданно над головой засвистела крыльями стая чирков. Рефлекторно ружье взметнулось к плечу, и оба ствола сделали свою работу. Пять птиц упали от первого выстрела, четыре от второго. Двух уток умудрился распотрошить Квин. Невозможно описать волнение и замешательство бросившихся врассыпную птиц. Однако, в несколько минут паника улеглась, и лишь кое-где слышался слабый всплеск и частое щебетание, словно обитатели озера возбужденно обсуждали невиданное событие.

Квин упаковал подстреленных чирков в сумку, и мы двинулись в обход. Перебираясь через довольно глубокий заболоченный овраг, мы неожиданно наткнулись на огромного быка, наполовину скрытого кустами, по всей видимости, беззаботно спящего. Опустившись на колени, я перезарядил оба ствола, сменив дробь на пули, а Квин довольно сноровисто зарядил старушку "Бесс", хотя должен признать, заряжать мушкет, сидя на корточках, занятие, требующее изрядной сноровки. Не обращая внимания на ледяную воду, сшившуюся между кочек, утопая локтями и коленями в липкой грязи, мы заползли на небольшой бугорок в пятнадцати ярдах от гигантской бычьей

головы. Отдышавшись и тщательно прицелившись, мы, по моему сигналу, одновременно выстрелили. Животное не дернулось и не издало ни звука, что нас несколько удивило.

– Отличный выстрел, ваша честь! – заметил Квин.

– Неплохо, – согласился я, – особенно, для твоей рухляди.

Достав ножи, мы осторожно приблизились к нашему трофею, в любой момент готовые его добить. Однако бык не подавал никаких признаков жизни.

Сэр, по-моему, он сдох! – обескуражено пробормотал Квин, тыча в морду стволом.

– Еще бы ему не сдохнуть, – согласился я, – посмотри на дырки.

Отверстия от наших пуль лежали точно в центре лба, почти соприкасаясь, что, несомненно, делало нам честь, как стрелкам.

– Святой Малахий! Да он сдох по меньшей мере пару дней назад, сэр! Я думаю, нам лучше помалкивать об этой стрельбе. Если "джеки"¹² узнают как мы облажались, они нам проходу не дадут.

Подойдя ближе, я убедился, что бык и в самом деле был, так сказать, не первой свежести, и наше мастерство не имело к его кончине никакого отношения. В боку бедолаги зияло несколько рваных ран. Очевидно, вначале ему не повезло в драке, а затем удача окончательно от него отвернулась, и раненное животное увязло в топком дне оврага. Окружавшая его почва была вывернута, а трава уничтожена. Вполуха слушая Квина, чистившего колени и локти от грязи, я отчетливо представил бесконечные упражнения моих товарищей по кают-компании в красноречии и острословии, когда информация о нашей доблестной охоте просочиться на корвет.

– Думаю, будет лучше, ваша честь, если мы не станем хва-

¹² Джек – прозвище матроса Королевского Флота, аналогично "Томми" – для британского солдата.

стать этими выстрелами – прочитал мои мысли Квин, – и, надеюсь, ни одного висельника с "Данаи" сюда не занесет.

Наши размышления о фатальной карьере корабельных шутов, были прерваны диким ревом, исходивших от животных, на сей раз явно пребывавших в добром здравии. Судя по трубному реву, присутствие чужаков на подконтрольной территории совершенно не устраивало ее хозяев. Надеюсь избежать неприятной и ненужной встречи, мы взобрались по склону оврага и поспешили к ближайшему холму, из вершины которого торчал кусок скалы. Едва успев примоститься на неудобном пятачке, мы увидели пять быков, приближавшихся к нашей маленькой крепости с явным намерением объяснить непрошенным гостям, кто здесь кто. Должен заметить, что местные дикие особи, разьевшись на питательных травах, весьма отличаются от своих одомашненных сородичей. Я не могу подобрать более точных эпитетов для характеристики фолклендского быка, кроме "громадный" и "ужасный". Поначалу, не имея должного опыта схваток с диким скотом, я полагал, что двух человек с ружьями вполне достаточно, чтобы убить животное, однако, вскоре стал осторожнее и предпочитал идти на заготовку мяса в составе партии из трех-четырех стрелков. Мой бездумный героизм, порожденный тщеславным желанием завалить быка в одиночку, поутих после нескольких доходчивых уроков.

Я перезарядил ружье пулями. Квин, надеясь отпугнуть бретеров¹³, послал в их сторону унцию картечи, чем привел, и без того разъяренную говядину, в состояние бешенства.

– Где были мои мозги, когда я купился на эту картечь! – сокрушался Квин, заряжая мушкет единственной наличной пулей. – Это не голова, ваша честь, это репа. На ночь Всех Святых из нее выйдет отличный фонарь.

¹³ Бретер (франц. bretteur) – человек, ищущий случая вызвать на дуэль, драчун, забияка

Глядя на патронташ, о собственной голове я думал то же самое. Наличного арсенала явно не хватало для вразумления пята-рых полновозрастных быков. Оставалось надеяться, что съе-мочная партия, не дождавшись нашего возвращения, вовремя придет на помощь и снимет осаду.

Достойный противник

Коротая время, мы раскурили сигары и, облокотившись на скалу, попытались устроиться более-менее комфортно. Оставался шанс, что животные удовлетворятся демонстрацией подавляющего превосходства и уберутся сами. Но каналы даже не щипали траву, кружа вокруг валуна, словно кошки вокруг мышеловки.

Блокада длилась около часа. Сидя на камнях, словно два по-нурых каранчо, мы изрядно зачоченели. На наше счастье, на-летевший шквал, сопровождавшийся зарядом мокрого снега, окутал нас, словно облаком. Подобную милость Небес упус-кать было грешно. Мы с Квином быстро и тихо соскользнули со скалы и почти милю мчались без остановки.

К концу забега начала чувствоваться рана, и я едва мог ды-шать. Квин, тащивший тяжелый мушкет и сумку с чирками,

которую наотрез отказался бросить, тоже хватал воздух, словно выброшенная на берег рыба. Но главное, мы сумели улизнуть, и теперь чувствовали себя в относительной безопасности. Желание стрелять уток пропало. К тому же инстинкт самосохранения не позволял нам сменить пули в стволах на дробь. Решив, что охоты на сегодня достаточно, мы передохнули, наскоро перекусили бисквитами и направились к лодке. До места, где по расчетам стоял бот, оставалось около мили, когда впереди нарисовался темный куст или большой валун, вначале не привлекавший с себе особого внимания. Неожиданно, черная масса ожила, и над тростником поднялась огромная голова, увенчанная парой впечатляющих рогов.

– Провались ты в преисподнюю! – буркнул Квин, увидев, что наше общество быка явно заинтересовало.

– Если он полезет в драку, придется его прикончить, потому что убежать мы не сможем, – рассудил я.

– Да, сэр, – согласился Квин, – хотя, лучше бы ему убраться к своим друзьям, а еще лучше к самому Сатане.

Но, последовать дружескому совету Квина тварь явно не желала. Нас разделяло около пятидесяти ярдов. Стараясь сохранять хладнокровие, я тщательно прицелился в его правое плечо, и сразу же за треском выстрела услышал, как пуля ударила в цель. Второй выстрел вышел менее удачным.

Животное взревело и высоко задрал хвост, бросилось в атаку. Вкладывая в стволы последние два патрона, я краем глаза видел, как Квин, вскинул мушкет. Выстрел! Пуля лишь царапнула, бок. Досадный промах! Но удивительно, что Квин вообще умудрился попасть из старушки на такой дистанции. Мазать больше не стоило. Для верности я опустил на левое колено. Квин, стоя чуть в стороне, взял мушкет за ствол, словно дубину, изготовившись к встрече. В голове назойливо крутилась мысль, что околевать на обледеневшем валуне, было гораздо уютнее.

Животное находилось в двадцати ярдах, когда я разрядил в

него первый ствол. Пуля попала в лоб, но очевидно, не пробила кость и не смогла убить или, хотя бы остановить быка. На мгновение я почувствовал себя хайлендером 93-го полка, стоящим в "тонкой красной линии" у Балаклавы, на которого мчится русская кавалерия. Когда до противника осталось яров десять, я разрядил второй ствол, на этот раз попав в левый глаз.

Обезумев от боли, бык отпрянул в сторону и бросился на Квина. Тот обрушил на нападавшего сокрушительный удар. Приклад мушкета разлетелся в щепки, но бык, даже не мотнув головой, сбил Квина с ног, протоптался по нему и проскочил дальше. На мгновение я решил, что нам приходит конец.

Противник разворачивался для новой атаки, когда боги войны послали нам неожиданную помощь. Из зарослей тассока с лаем выскочил Бастер. Мاستифф молнией метнулся к быку и впился зубами в мясистый нос. Несколько секунд он удерживал разъяренное животное, давая нам возможность оправиться от первого неистового натиска. Бык ревел, ожесточенно мотал головой, и, в конце концов, стряхнув пса, вновь занялся нами. Громадный, с мордой, залитой кровью, выбитым глазом, он походил на чудовище из ночного кошмара. В течение следующих двух минут наша троица, напрягая каждый нерв и мускул, уворачивалась от непрерывных, хотя и слабеющих атак. Бастер делал все, что должна делать собака, и следует признать – сохранностью своих шкур и костей мы обязаны исключительно ему. В критический момент, он, словно тигр, впился быку в шею, прижав того к земле. Выхватив нож, я бросился подрезать сухожилия, но бык сумел освободиться. Чудом увернувшись от удара, ощущая его горячее дыхание, я все же сумел полоснуть лезвием по связкам передней ноги. Хрящ в суставе подался, и с громким мычанием животное уткнулось мордой в землю. В следующее мгновение клинок Квина пронзил ему сердце. Перерезав быку глотку, мы бегом осмотрели трофей. Это был крепкий матерый самец, в возрасте

пяти-шести лет и, можно сказать, нам крупно повезло, что мы остались целы.

Подобрав разбросанные по полю боя шляпы, оружие (или его останки) и патроны, мы едва перевели дух, как к своему величайшему изумлению и отчаянию, увидели еще двух быков, вышедших из оврага с высоко задранными хвостами – безошибочным признаком грядущих неприятностей.

День явно не задался. Я возвел глаза к глумящимся над нами Небесам, а Квин разразился тирадой:

– Ваша светлость! Это наказание за мои грехи! Я в воскресенье пропустил службу из-за покера. Господи! Ты открыл мне мое неверие, так сохрани жизнь, чтобы я мог в нем раскаяться! Святой Патрик! Если ты обратил в камень всех змей нашего дорогого острова, что тебе стоит сделать то же с двумя рогатыми разбойниками!

Нам, в самом деле, оставалось лишь молиться и уповать на чудо. Заряженный дробью "Зауэр" мог разве что взбодрить незваных гостей. Мушкет приказал долго жить. Собственно, кроме охотничьих ножей и ног полагаться нам с Квином было не на что. Но, уцелев в буше Новой Зеландии, мы не собирались расставаться со своими шкурами на каких-то Фолклендах. Сжимая рукоятки ножей, мы заняли позицию за трупом недавнего противника. Бастер тоже понимал, что дело нешуточное. Благородный пес не удрал, а, отойдя чуть в сторону, замер, сверля приближавшегося противника взглядом, и угрожающе рыча.

Когда нас разделяли не более полусотни ярдов, небо услышало обращенные к нему молитвы и свершило чудо. С восторгом, недоступным пониманию людей, не побывавших в подобной ситуации, мы услышали громкие крики. На выручку к нам спешили геодезисты. У кого-то было ружье, у кого-то дубинка. Один размахивал над головой оружием, подозрительно напоминая треногу из-под теодолита. Своевременное вмешательство возымело требуемый эффект. Быки умерили прыть, а

когда наши спасители издали очередной воинственный клич, опустили хвосты и позорно ретировались.

Поля боя осталось за нами. После краткого обмена впечатлениями, мы принялись за разделку добычи. Матросы быстро распотрошили тушу, отнесли большую часть мяса к боту, а затем принялись за приготовление ланча.

Четырех человек послали собирать "дидлиди" – небольшие кусты, столь горючей природы, что великолепно вспыхивали, даже пропитанные водой. Один с моим ружьем взялся подстрелить пару гусей, а другой развел костер. Очень скоро гора хвороста источала неистовый жар, а два больших гуся лежали рядом с разделанной тушей.

Стряпня была не слишком мудреной. Матрос, определенный в повара, просто отрубил птицам головы, вырвал из крыльев длинные перья и, затолкав тушки в кучу "дидлиди", предал их пламени. Через двадцать минут гусей бесцеремонно выбили ногами из огня. Приготовленные подобным образом, они напоминали два куска угля. Однако, когда с них содрали обуглившуюся кожу, мясо оказалось белее и вкуснее мяса домашней птицы, приготовленной с соблюдением самых изощренных приемов французской кухни.

Вторым экзотическим блюдом, которое мне раньше не доводилось пробовать, стало приготовленное на местный манер "carne con cuero"¹⁴. Наш повар вырезал со спины убитого быка большой круглый кусок мяса, вместе со шкурой. Положив его на горячую золу, шкурой вниз, он придал куску форму блюда, так что во время жарки с него не пролилось ни капли сока. Приготовленное таким способом мясо настолько же превосходило обыкновенную говядину, насколько оленина лучше баранины. Если бы с нами сидел какой-нибудь почтенный ольдермен, "carne con cuero", без сомнения, стало бы сенсацией лондонских салонов.

¹⁴ carne con cuero (исп.) – жареное мясо

В лодке нашлись соль и бисквиты. Таким образом гуси и "говядина по-испански" составили роскошный ланч. Закончив пиршество, мы с наслаждением закурили сигары и наполнили кружки крепким грогом.

В тот день на лоне дикой, первозданной природы, я провел один лучших пикников своей жизни.

Фолклендский гусь

Спустя неделю, закончив съемку верхней части бухты, мы перешли к устью и стали на якорь на траверзе длинного, узкого острова. Высадившись, мы обнаружили на нем следы свиней, а на следующий день Квин, заметив одну, бродившую вдоль берега, по его словам: "для собственного наслаждения", подстрелил ее в добром старом стиле с дистанции шестидесяти ярдов. Его удача возбудила в остальных страстное желание полакомиться свининой – деликатесом, способным разнообразить поднадоевшую говядину. Весь день мы строили планы нападения на хрюшек, грезя о нежных грискине¹⁵, тушеных ребрышках, черном пудинге¹⁶ и сочных сосисках.

Остров был покрыт зарослями тассока, затруднявшими ориентировку, поэтому в его центр отправили матроса с флагшто-

¹⁵ Гриски (ирл.) – отбивная (преимущественно свиная)

¹⁶ Черный пудинг (ирл.) – кровяная колбаса

ком. Хотя трава скрывала самого матроса, флажок, весело трепетавший на ветру, был виден всем. От избытка эмоций мы то и дело трубили в небольшой охотничий рожок, на который отвечали жизнерадостные возгласы матросов. Дюжина загонщиков, вдохновленных любовью к свинине, вооружившись абордажными пиками, развернулась цепью, перекрыв почти всю ширину острова. Они орали и вопили, что было сил. Мы с капитаном Парвисом и Квином расположились в двухстах ярдах впереди. На расстоянии восьмидесяти ярдов по обе стороны от нас, стояли еще два хороших стрелка.

– Джордж, прошу вас, не завалите вместо кабанчика кого-нибудь из моих людей, хоть они и визжат, как поросята, – засмеялся Парвис, вслушиваясь в веселый гам, стоявший над островом.

– С вашего позволения, сэр, мне приходилось тесно общаться с людоедами, но сегодня я предпочту свежую свинину, – отшутился я.

Тем временем загонщики приближались с триумфальными криками. Подобно Испанской Армаде они двигались полумесяцем, с загнутыми вперед рогами. Но, аналогично самоуверенным и грозным испанцам, наше предприятие потерпело позорный крах. Свиньи оказались слишком глупы и категорически не желали выходить, чтобы быть убитыми и поджаренными. Дикие, невежественные существа! Наше полководческое искусство было посрамлено. Мы добыли лишь одного маленького поросенка, но даже этим подвигом оказались обязаны не человеческому разуму, а сообразительности и ловкости нашего пса. Бастер схватил беднягу за загривок и удерживал пронзительно верещащее существо, пока мы не подошли и не захватили пленника живьем.

В ходе загона нам постоянно досаждали пингвины, которые вначале вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть непрошенных гостей, а затем удалялись с надменным и молчаливым презрением. Очевидно, они видели, что свиньи нас переигры-

вают и разделяли триумф четвероногих.

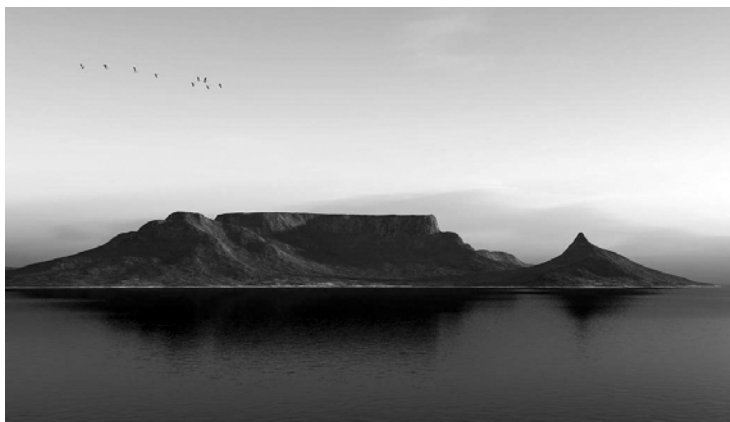
Наконец отчаянный треск кустов известил, что на нас движется нечто большое. Естественно, мы рассчитывали на прибитие хорошего жирного борова, но вместо него, на поляну вразвалку выполз морской лев. Гигантская голова, показавшаяся из зарослей, стала слишком большим искушением для стрелков, в течение нескольких часов не сделавших ни единого выстрела. Содержимое наших стволов почти одновременно впилося в череп бедолаги. Животное рухнуло мгновенно, и единственным свидетельством, что в нем еще теплилась жизнь, были судорожные движения, продолжавшееся несколько минут.

К концу недели зарядили тяжелые шторма. За это время я высаживался на берег всего раз. Матросы помогли нам с Квином поднять маленькую шлюпку на невысокий обрыв, и перетаскать в озерцо, где за короткое время мы настреляли шестьдесят чирков и в два раза больше других птиц, обычно не упоминаемых в перечнях охотничьих трофеев.

Один из штормов свирепствовал особенно яростно. Несмотря на три якоря и убранные паруса, мы постоянно опасались, что нас сорвет. Даже на нижней палубе, с закрытыми люками, голос капеллана проводившего службу был едва слышен – настолько громко выла разбушевавшаяся стихия. Однако к закату, как обычно, ветер стих до сиплого ворчания, а к полуночи установилась отличная погода. Звезды сияли над головой, словно в тропиках.

За два дня мы закончили съемку в Плезент-Харбор и на следующее утро отправили оба бота промерять выход из бухты. Не без сожаления простившись с гостеприимными островами, "Даная" поставила паруса и взяла курс на Африку.

КАПСКАЯ КОЛОНИЯ

После злключения на борту "Электри", переход до Мыса Доброй Надежды показались мне легкими и приятными. Нам, на удивление, везло с погодой и ветрами, а две тысячи лошадиных сил, скрывавшиеся в недрах корвета, позволяли держать верные десять узлов хода при любых обстоятельствах. Скромный, но достаточный комфорт, отсутствие забот, отличная библиотека и приятная компания благотворно сказались на моем здоровье, так что, на подходе к Капскому полуострову, я чувствовал себя полностью поправившимся.

Большинству офицеров "Данаи" ранее не доводилось бывать в Южной Африке и, естественно, в кают-компани часто заходил разговор об условиях будущей службы. Если сведения об особенностях навигации и глубинах заливов Моссел или Алгоа меня интересовали мало, то рассказы о жизни Капской Колонии я слушал с искренним интересом. Правда, признаюсь че-

стно – несмотря на занимательные дискуссии, большей частью информации о юге континента я обязан подшивкам "Иллюстрейтед Лондон Ньюс" и "График".

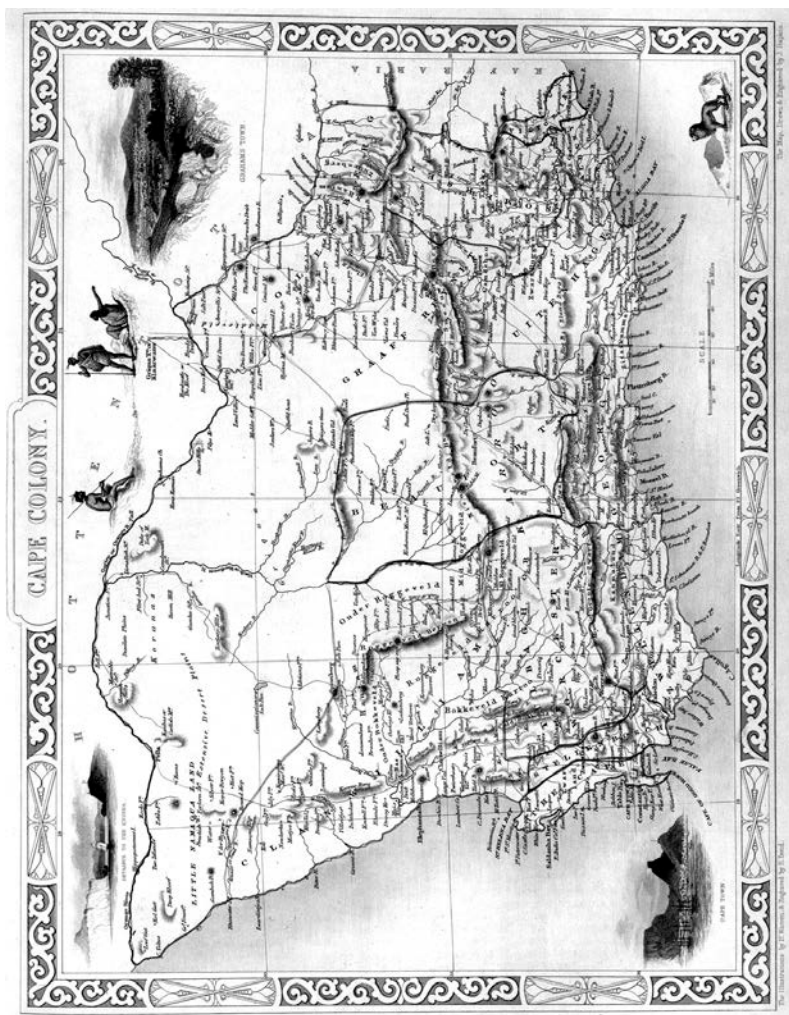
Для людей старшего поколения мой рассказ разворачивается на знакомом фоне, в большинстве случаев не требуя каких-либо ремарок или пояснений, но для молодого читателя, все происходившее – дело далекого прошлого, с малознакомой географией, забытыми именами и неизвестными обстоятельствами. Поэтому, друзья мои, запаситесь долей терпения, чтобы, осилив несколько суховатых страниц, составить представление о Капской Колонии к моменту моего в ней появления в июле 1877 года.

Мыс Доброй Надежды на южной оконечности Африки впервые обогнул португалец Бартоломео Диас, в 1493 году. Едва не разбившись о камни во время шторма, он назвал этот скалистый выступ Мысом Бурь, но португальский король, предвкушая сказочные доходы от нового пути в Индию, переименовал его в Мыс Доброй Надежды. Прошло совсем немного времени и маленький утес, у подножья которого встречаются воды Индийского и Атлантического океанов¹⁷, стал для нашей цивилизации символом новой эпохи.

В 1652 году голландцы заложили форт на атлантическом побережье полуострова – в Тейбл-Бей¹⁸. Так возникло поселение Капстад, впоследствии, естественным образом, разросшееся в довольно процветающую колонию. В 1795 году *Kaapkolonie*, как ее называли голландцы, в качестве трофея "наполеоновских" войн, досталась англичанам в первый раз, а в 1814 Венский конгресс, занимавшийся дележом французского имущества, окончательно передал ее Британской Империи в "вечное пользование".

¹⁷ Воды Индийского океана темнее, чем вод Атлантического, кроме того, в них много планктона. Различны и иные параметры: Индийский всегда на 3–4 °С теплее, а в Атлантическом на несколько процентов выше содержание соли.

¹⁸ Столовая Бухта

Нельзя не отдать должное терпению голландцев, с каким они, не имея достаточных средств, осваивали новую родину. Палящему солнцу, пескам, горам и набегам туземцев, бывшие жители "страны селедок" противопоставили фламандское хладнокровие, упорство и трудолюбие. Опираясь на столь прочный фундамент, за полтора столетия они достигли чего хотели: заняли столько земли, сколько требовалось и завели столько черных рабов, сколько посчитали необходимым. Вырвавшись из паутины рек, речушек, рукавов и каналов устьев Рейна и Мааса, каждый занялся тем, к чему лежала душа. Одни тяжелым плугом, влекомым дюжиной волов, ворочали землю вокруг Капстада, другие предпочли легкий хлеб, но беспокойную жизнь пограничья, разводя скот во внутренних районах. Сбывая производимые продукты кораблям, идущим "в Индии" и обратно, вдали от будоражившего Европу технического прогресса, колонисты, казалось, увязли в прошлом. В начале девятнадцатого века они продолжали жить так, как жила Голландия столетие тому. Французские эмигранты, сбежавшие на Кап в 1685 году, после отмены эдикта, гарантировавшего протестантам-гугенотам свободу вероисповедания, привнесли в местное сообщество не только утонченные нравы, обычаи, вкус и определенную степень роскоши, но и заложили великолепные виноградники, производя вина почти всех французских сортов. Правда из-за незначительного объема французская кровь довольно быстро растворилась в голландской, и теперь, высматривая во владельце фамилии Руже, Лесьер или де ла Рей французские черты, чаще всего видишь чистейшего голландца.

Уроженцы Нидерландов были наиболее многочисленными представителями белого сообщества на юге Африки. Несмотря на то, что англичане потеснили их в торговле, судоходстве, горных разработках и переименовали Капстад в Кейп-Таун, большая часть поселков и городков по-прежнему заселена голландцами. Им же принадлежат почти все фермы, за исключением земель в восточных провинциях и колонии Наталь.

Располагая значительными финансовыми и людскими ресурсами, в 1819 году англичане, отчасти переговорами, отчасти пулями и картечью, присоединили к Капской Колонии значительную территорию между Бушмен и Большой Фиш-Ривер, ставшую одной из ее жемчужин – провинцию Албани. Почти одновременно, англичане и шотландцы, обосновавшиеся в Алгоа-Бей, добрались до Кейскама-Ривер, на берегу которой организовали некое подобие постоянно действующей ярмарки. В обмен на слоновую кость, шкуры и страусовые перья, туземцы получали инструменты, одежду, спирт и, что хуже всего – ружья и порох. Новые поселенцы приобрели значительные участки земли и, облагородив местную породу овец, принялись торговать шерстью по качеству не уступавшей австралийской. В 1820 году в заливе Алгоа заложили Порт-Элизабет, через который и велась торговля.

Английские поселенцы высаживаются в Алгоа-Бей

Несколько серьезных туземных войн 1834, 1846 и 1851 годов, стоили черным территории до Кей-Ривер, получившей название Британская Кафрария. Однако, и в периоды, считавшиеся мирными, на границе постоянно происходили стычки. Грабежи и взаимные угоны скота, не давали расслабиться ни

той, ни другой стороне. Безусловно, военные действия оживляли жизнь колонии. Присутствие войск и армейские подряды предоставляли местным и заезжим пройдохам возможность существенно поправить свое благосостояние за счет казны, а фермеры, жившие во внутренних районах, искренне радовались росту цен на свою продукцию. Но, с другой стороны, война отвлекает множество средств и рабочих рук от производительного труда.

Кроме ненависти черных, англичане на Капе постоянно сталкивались со скрытой, глубинной враждебностью голландцев, похоже, переходившей от отца к сыну вместе с наследством и фамильной Библией. Хотя открытое неприятие проявлялось редко, редко наблюдалось и единство.

В 1815 году голландские колонисты довольно лояльно отнеслись к переходу под Британскую Корону, поскольку им оставили прежние законы и администрацию. Но в 1827 году законодательство и система управления на Капе претерпели значительные изменения, вызвавшие всеобщее недовольство. К тому же британское правительство, увлекшись либеральными идеями, затеяло освобождение рабов, тем самым нанеся серьезный удар по благосостоянию и мировоззрению капских обитателей. Задекларировав вполне справедливое намерение выкупить рабов, а не просто предоставить им свободу, британцы постановили платить за живой товар вест-индийскую цену, которая была в два раза ниже местной. К тому же сами выплаты обставили всевозможными условиями, с точки зрения голландцев походившими на чистый грабеж. Дело кончилось тем, что в 1835 году многие голландские семьи, продав фермы и упаковав пожитки в надежные капские вагоны, пустились в так называемый "Великий Трек" за Оранжевую Реку и Вааль, где, на отвоеванных у туземцев землях, основали собственные республики.

С ростом территории Капской Колонии британцы ввели в Южной Африке собственную систему управления, пошлины и

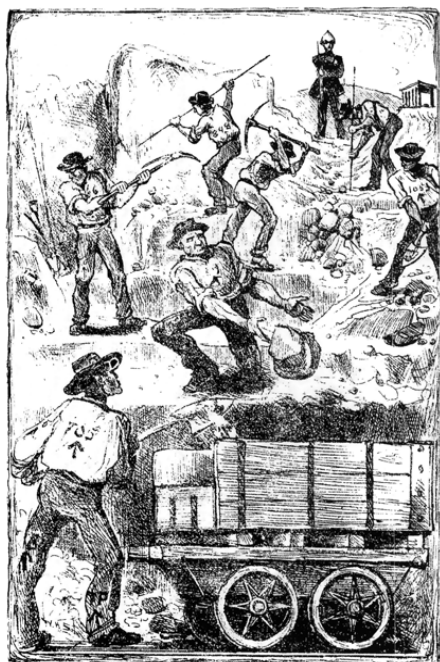
налоги. Существует ошибочное представление, что британские колонии, в том числе и Капская, своими доходами обогащают Имперскую казну. На деле, все обстоит прямо противоположным образом. Единственная привилегия англичан из метрополии состоит в разнице величины таможенной пошлины. Если для английских товаров она составляла 5%, то для всех остальных – 12%.

Голландский дом в Кейп-Тауне

До 1873 года, когда Капская Колония, получила самоуправление, она оставалась преимущественно сельскохозяйственным регионом со слабым транспортным сообщением. Добыча золота у Эрстелинга находилась в зачаточном состоянии, медные рудники затерялись в глуши Намакваленда, а алмазные копи представляли собой не что иное, как мелкие норы в земле. Белые обитатели колонии имели скромный доход, но относительно равные возможности. Здесь еще не было нищих с одной стороны и несметно богатых спекулянтов с другой. В общем, прежняя жизнь Колонии своей скукой и беззаботностью разительно отличалась от сегодняшнего крайне беспокойного существования ее обитателей, день и ночь терзаемых

призраком золотого тельца. Если не считать железной дороги "Капской Меднодобывающей Компании" в Намакваленде, построенной исключительно для транспортировки руды через пустыню в Порт-Нолот, колония имела всего одну железнодорожную линию, идущую от Кейп-Тауна до Веллингтона с веткой к Винбергу. Справедливости ради можно упомянуть также семимильную Натальскую ветку от побережья к Умгени.

*Преступники, отбывающие наказание
на строительстве кейптаунского волнолома*

Белое население Южной Африки насчитывало 327 тысяч человек. Из них в Капской Колонии, согласно переписи 1875 года, жило около 237 тысяч. Остальные приходились на Южно-Африканскую Республику – 35 тыс., Оранжевую Республику – 27 тыс., колонию Наталь – 18 тыс. и Западный Гриква-

ленд –9 тыс. Еще около тысячи человек обитали на территориях, принадлежавших черным. При этом численность европейцев Капской Колонии составляла менее одной трети ее общего населения.

В течение 1876 и первых месяцев 1877 года быстрыми темпами шло обустройство портов и строительство различных железнодорожных веток общей протяженностью в 800 миль, столь необходимых для освоения внутренних районов. Европа продолжала поставлять эмигрантов, так что будущее колонии выглядело довольно безоблачным. В начале 70-х годов из Северной Германии прибыли несколько партий крестьян, получивших земли на капских пустошах. Без жалоб и причитаний, они закрепили пески стелющимся кустарником и посадили полосы акаций, не дающие разгуляться ветрам. После интенсивного удобрения отходами, доставляемыми из Кейп-Тауна, эти бесплодные земли стали приносить великолепные урожаи. Пустынный прежде район покрылся небольшими фермами с комфортабельными домами, мощеными дорогами, зелеными полями и садами – яркий пример, во что могут превратить пустыню современные знания и трудолюбивые руки.

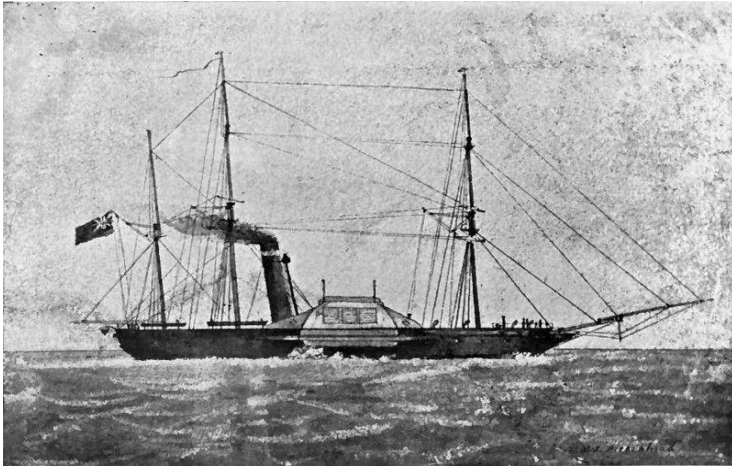
Закончив последнюю войну с кафрами, колония более двадцати лет наслаждалась относительно мирной жизнью, но к 1877 году отношения с туземными племенами на восточной границе осложнились. Местные фермеры, возможно, излишне экспрессивно, доказывали правительству, что живут на вулкане. Дело в том, что в затянувшийся мирный период наблюдался невероятный прирост численности туземцев, и они стали просачиваться в места занятые белыми, чему опрометчиво способствовала и сама Капская администрация. По закону в пограничных районах европеец не мог покупать или арендовать землю у черного, а право туземца на вновь полученный участок содержало оговорку, что земля может быть продана только его соплеменникам. В свою очередь, черные могли свободно покупать или арендовать земли белых. Прибегая к по-

добным мерам, правительство надеялось создать костяк черных землевладельцев, способных служить примером процветания для соплеменников, но на деле землепашцы из туземцев оказались никакие. В основном они работали ровно столько, сколько требовалось для удовлетворения самых скромных нужд, не считая себя обязанными производить избыток продукции на продажу.

Когда белый фермер сдавал землю в аренду черному, соседи подымали крик, но вскоре были вынуждены следовать его примеру, и отправлялись жить в другое место. Нет ничего удивительного, что туземные племена пытались вернуть свои исконные земли, и было бы несправедливо считать их действия преступными, но, глядя на происходившее с точки зрения фермера-европейца, положение белых становилось угрожающим, и над продвижением европейской цивилизации на Восток нависла определенная угроза.

Так обстояли дела в стране, на долгие годы ставшей моим пристанищем, а затем и домом, хотя, впервые увидев на горизонте Столовую Гору, с зацепившейся за нее шапкой облаков, я не ведал об этом ни сном ни духом.

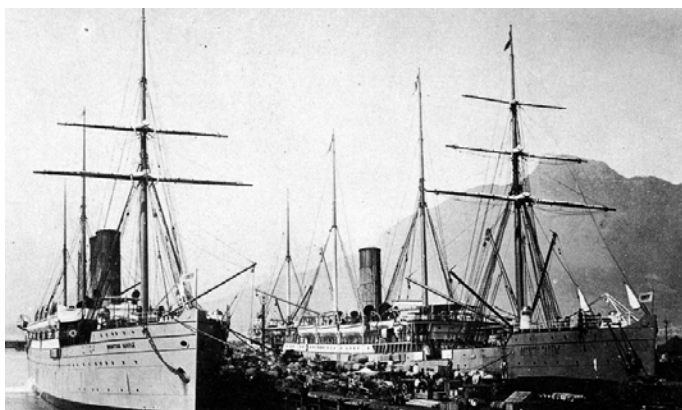

КАПРИЗЫ СУДЬБЫ

Задержавшись пару дней на рейде Кейп-Тауна, "Даная" поставила паруса и отправилась на базу эскадры в Саймонс-Бей, а я сошел на берег. Столица Капской Колонии обладала всеми необходимыми атрибутами британского колониального города, включая статую Королевы Виктории, тем не менее, при первом знакомстве Кейп-Таун мне чем-то не приглянулся. Бухта пестрела бесчисленными парусами деловито порхавших лодок, занятых разгрузкой стоявших на рейде судов. Сам город живописно ютился у подножья Столовой Горы и его опрятные здания жизнерадостно белели на солнце, глядя на мир из-под ярко-зеленой листвы. Но я, возможно вследствие внезапно-негаданно подхваченной простуды и легкой лихорадки, испытывал необычайное раздражение. Бесило буквально все – голландцы, малайцы, индусы, негры, собаки, мухи, а более всего –

отсутствие знакомых. В городе я не знал никого, и делать мне в нем было решительно нечего. Правда, незадолго до нашего прибытия, стараниями какого-то предприимчивого итальянца, здесь открылась Международная Промышленная Выставка, наделавшая много шума, и я решил, что ее посещение развеет напавшую на меня хандру. Добравшись до сада местной мasonicской ложи, я обнаружил внушительный павильон, сооруженный из дерева, стекла и гальванизированного железа. Представление южноафриканских товаров было убогим, но европейские фирмы выставили всевозможные машины, паровые двигатели и множество других товаров, в том числе прекрасную экспозицию охотничьего оружия, изучению которого я и посвятил большую часть времени. Однако, знакомство с храмом торжества европейского просвещения над мраком местного невежества, окончательно исчерпало запасы моего любопытства, и я решительно вплотную заняться отъездом в Занзибар.

Океанские лайнеры у причалов Кейп-Тауна

Наводя справки о пароходах, заходивших в Кейп-Таун, я узнал, что компании "Юнион" и "Касл" попеременно, каждую неделю, отправляют в Англию почтовые лайнеры, совершавшие переход за 25 дней. Глядя на замершего на рейде велика-

на, мне едва удалось побороть искушение купить билет домой. Но желание повидать брата, заодно посмотрев новые места, победило, и я направился в офис пароходной компании за билетом в Занзибар. Рейсы на Восточное побережье между Кейптауном и Аденом выполняли почтовые пароходы той же "Юнион Компани", по пути заходившие в Дурбан, Делагоа-Бей, Мозамбик и Занзибар. К моей досаде, судно ходило раз в месяц и покинуло порт на прошлой неделе.

Прочтя на моем лице нешуточное разочарование, агент в офисе "Юнион" предложил, если я категорично настроен отбыть, воспользоваться каботажным пароходом, идущим в Занзибар вдоль побережья. Правда, уточнил он, с заходом во все порты, игнорируемые океанскими лайнерами. Без сожаления распростившись с городом, я приобрел два места на разбитой лохани с несколько легкомысленным названием "Бахус", стоявшей у причала кейп-таунских доков.

Вояж начался несколько нестандартно. Конечно, я далек от идеализации порядков на торговом флоте, но тут, с изумлением, обнаружил, что дисциплина на борту судна не просто составляла желать лучшего — она отсутствовала напрочь. Большая часть команды была, мягко говоря, пьяна. Некоторых матросов, утративших способность держаться на ногах, доставляли на борт их заботливые и более стойкие товарищи. При этом никто не утруждал себя нежным обхождением с проспиртованными телами, просто перебрасывая их с пирса на палубу. На мой взгляд, даже некоторые офицеры напоминали сорвавшихся с цепи трезвенников. Однако, многочисленных пассажиров и провожавших подобное зрелище ничуть не тревожило, видимо, ввиду своей обыденности. Отход несколько раз откладывали из-за некомплекта экипажа но в конце концов звуки судового колокола попросили лиц, не занесенных в списки пассажиров и намеревавшихся провести ночь в домашней постели, убраться на берег, после чего мы, с горем пополам, отчалили.

Пассажиры на палубе грузопассажирского парохода

Стояла отличная погода, и этот факт, учитывая состояние команды, не мог не радовать. Море больше походило на озерную гладь, и любые серьезные неприятности казались невозможны. Не горя желанием спускаться в тесную, душную и не очень опрятную каюту, я задержался на палубе выкурить сигару, наслаждаясь мягким, нежным ветерком. Солнце едва закатилось за горизонт, и восточный небосклон окрасился глубоким синим. Над мачтами зажглись Толиман и Хадар, а ближе к горизонту засверкал желтоватый глаз Канопуса. Берег, начавший кутаться в вечерний туман, на мой взгляд, находился в опасной близости, что меня несколько удивило, однако источавший крепкое коньячное амбре второй помощник капитана снисходительно объяснил мне, что в местных водах суда держаться вблизи берега, избегая сильного встречного течения. Моряк, пребывая в благодушном настроении, заверил, что в такую спокойную погоду мы не подвергаемся ни малейшей опасности. Тогда я задал ему второй вопрос, волновавший меня куда более первого – почему, если мы направляемся на восток, берег все еще находится по правому борту? Безмятежное

выражение на лице моряка сменилось недоумением, и через мгновение, придерживая съезжавшую на бок фуражку, он умчался по трапу, бормоча проклятия в адрес "пьяных недоумков". Полагаю, на мостике состоялись краткие дебаты, в ходе которых вахтенного и рулевого удалось убедить в какой стороне село солнце, поскольку судно описало циркуляцию и легло на противоположный курс. Наши шансы попасть в Порт-Элизабет, вместо Порт-Нолот значительно возросли.

Проводив взглядом окурок, нырнувший в воды Атлантики, я решил полюбопытствовать, как Квин устроил нас на новом месте и спустился в каюту. Сняв плащ, я едва успел сделать шаг к койке, как почувствовал содрогание корпуса судна, после чего в ушах отчетливо раздался скрежет рвущихся о рифы бортов. Мгновение спустя последовал удар, думаю сбивший с ног не одного меня, после чего все замерло. Визг женщин и детей, слившийся с криками мужчин, не оставлял сомнений – случилось нечто, выходящее за рамки обыденного. Поспешно открыв кейс, я сгреб сверток с бумагами и деньгами в непромокаемый мешок, который быстро обвязал вокруг талии. Затем, вместе с Квином, поспешившим ко мне при первых сигналах тревоги, мы взялись помогать обезумевшим от страха женщинам и детям выбраться на палубу. Поднявшись следом, я на секунду опешил от царившего там хаоса. Судно было переполнено пассажирами, среди которых мелькало множество детей Израилевых – в большинстве своем германских евреев, направлявшихся на алмазные поля Кимберли. Эти колоритные красавцы, с их своеобразной эмоциональностью и причитаниями, производили шума, несравненно больше, чем самые истеричные женщины. Должен признать, что, возвращая паникерам душевное равновесие, со многими пришлось обойтись довольно грубо. Откликаясь на просьбу судового офицера, мы с Квином приняли настолько активное участие в подавлении разгула анархии, что костяшки на наших кулаках вскоре сочились кровью. Когда на палубе водворился относительный по-

рядок, мне удалось немного осмотреться. Ночь еще не полностью вступила в свои права, видимость была прекрасной и одному Господу ведомо, как вахтенный офицер с рулевым умудрились насадить нас на риф. В том, что судну конец – сомнений не оставалось. Команда безуспешно пыталась справиться с повреждениями, капитан и старший офицер ошарашено ходили вдоль борта, но, насколько я слышал, не отдали, ни единого распоряжения. Лишь второй помощник, не потерявши голову, вел себя, как должно британскому моряку, столкнувшемуся с опасностью, и именно его усилиями были спасены пассажиры этой винной бочки.

Когда стало ясно, что судну не помочь, он отдал приказ спустить две кормовые шлюпки. С горем пополам, слабо стоявшие на ногах матросы, сумели проделать этот трюк. Но шлюпка с левого борта, едва коснувшись воды, моментально наполнилась водой. Из-за отсутствия должного ухода она настолько разохлась на солнце, что стала совершенно непригодна. К счастью, вторая, хоть и текла, держалась на плаву.

Крепкая, в летах, стюардесса повязывала спасательные пояса женщинам. Вокруг нее царил нездоровый ажиотаж, и нам вновь пришлось сбить с ног пару еврейских парней, пытавшихся стащить столь ценные, по их мнению, аксессуары. Однако не только дети Израиля демонстрировали необоримую страсть к самосохранению. Упитанный миссионер, принадлежавший непонятно к какой конфессии, предпринимал решительные попытки отобрать пояс у тщедушного германского еврея, умудрившегося его где-то стащить. Схватка смотрелась довольно комично. Служитель культа спешил закрепить пояс на своем необъятном животе, в то время, как Шейлок, вцепившись в пробковое дерево словно краб, желал найти спасение внутри него же. При этом, доказывая свое право на жизнь, они ревели как пара гамадрил. Я не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за эпической битвой еврейского торговца и христианского "ловца челоуеков", но стюардесса прервала

представление, обратившись за помощью к Квину. Тот откликнулся на просьбу женщины в присущей ему быстрой и решительной манере. Едва спорщики отказали в просьбе вернуть пояс, высказанной Квином в весьма вежливой форме, он спокойно отправил в нокаун обоих и протянул трофей истинной владелице. Могу засвидетельствовать под присягой, что сентенции оскорбленного "изгонятеля Дьявола", возлежавшего в шпигате, заставили бы краснеть от стыда последнего погонщика мулов.

Тем временем спустили на воду еще один бот, который вместе со шлюпкой, полные женщин и детей, погребли к берегу. Благополучно высадив пассажиров, они вернулись к нам и, в кромешной тьме, успели совершить еще два рейса. К сожалению, при подходе к берегу обе скорлупки каждый раз получали повреждения и едва держались на плаву.

Когда лодки отошли в последний раз, мужчины, вынужденно оставшиеся на судне, поняли, что ночь предстоит нескудная. Пока море было спокойным, мы не подвергались опасности, тем не менее все понимали – если разгуляется волна, судно превратится в грудку досок и металла, и нас живо призовут пред копыта Деви Джонса¹⁹.

Раз уж нам улыбался смотр у столь могущественного владыки, следовало предстать перед ним в хорошо откормленном состоянии, а не тощим, как селедка. Подгоняемый голодным урчанием в животе, я предложил Квину прогуляться в местный салон и поискать там что-либо съестное, на что он с готовностью согласился. Спустившись по трапу мы обнаружили, что вода уже наполовину заполнила помещение, но в совершенно сухом буфете лежали ветчина, язык и другие холодные закуски. Добыча, завернутая в скатерть, была поспешно вынесена на палубу. Квин умудрился даже проникнуть в нашу каюту, откуда спас мое пальто и саквояж. Вторым заходом мы совершили

¹⁹ Дэви Джонс – злой дух, живущий в море

набег на бар, подняв на палубу достойный запас эля и джина. Запасы провизии были с благодарностью приняты нашими собратьями по несчастью и, усевшись на досках, мы вдоволь набили животы. Все это время капитан оставался в своей каюте, ни словом ни делом не участвуя в судьбе пассажиров. В свою очередь мы, добровольно оставшиеся на обреченном судне, не нуждались в его сочувствии или сострадании, поскольку были людьми, достаточно повидавшими на своем веку, осознававшими в каком положении находимся и готовыми, не скупя, взглянуть в лицо смерти.

По счастливому стечению обстоятельств в нашей компании оказался хозяин коммерческого судна, мистер Джексон и, передавая кiset, я обратился к нему:

– Джексон, вы, старый морской краб и хорошо знаете эти берега. Возможно, для всех нас будет лучше, если вы подскажете, что следует предпринять, чтобы пережить ночь.

– Понимаете, – несколько замялся моряк, – капитан судна еще на борту и неучтиво с моей стороны отдавать какие-либо приказы, демонстрируя, что командование перешло в другие руки.

Несомненно, Джексон был прав, и в другой раз я бы не стал оспаривать соблюдение субординации. Но поскольку шкипер "Бахуса" самоустранился, я считал, что он добровольно отказался от командования и нам стоит самим позаботиться о своей судьбе. Эту идею поддержали еще несколько человек, после чего Джексон неохотно согласился.

– Не думаю, что сегодня ночью будет ветер, – сказал он, – но если пойдут донные волны, что вполне возможно, судно разломится пополам, как раз за дымовой трубой, и носовая часть затонет. Возьмите канаты, какие только найдете, и закрепите их на кормовых кнехтах, затем вокруг грот-мачты и сходного люка. Если волнение отломит нос, прочно сидящий в камнях, я думаю, в течение ночи мы сможем удержать остальную часть корпуса на привязи.

Мы последовали его совету. Боцман и два матроса, к тому времени почти протрезвевшие, присоединились к нам. Дело двигалось споро и было завершено вовремя. Как и предсказал Джексон, около полуночи пошла тяжелая донная волна. Корпус судна с треском и грохотом раскололся. Нос исчез в круговороте пены, продолжая, подобно якорю, удерживать болтавшуюся на канатах корму. От гулявших по палубе волн все были мокрые, словно рыбы, зато, благодаря натянутым канатам, нам не грозила опасность оказаться смытыми за борт. О том, сколько рук и ног будет переломано, если хоть один из канатов лопнет, не хотелось даже думать.

Едва восточный горизонт посерел, на душе стало легче. Вскоре из океана вынырнула раскаленная кромка солнечного диска, и тяжелая зыбь ослабла, что было весьма кстати, поскольку едва державшиеся на плаву остатки корпуса грозили в любой момент развалиться на куски. Шлюпки, починенные за ночь, подошли к нам и стали вдоль борта. Желавшим попасть на берег оставалось всего ничего – перебраться с доживавшего последние часы "Бахуса" на, то взлетавшие до уровня палубы, то уходившие в бездонную яму, лодки. Превеселое занятие, особенно если наблюдать за ним со стороны. Пассажиру требовалось перелезть через борт и, вцепившись руками в планширь, а ногами в швартовый клюз, ждать, когда волна взметнет шлюпку повыше. При удачном раскладе, то есть, оттолкнувшись вовремя, акробат пролетал около метра, попадая в крепкие руки матросов, стоявших на подстраховке. Если же он чуть мешкал, шлюпка стремительно уходила вниз. Выпучив глаза, незадачливый трюкач мчался следом и, смею заверить, это падение казалось ему бесконечным. Вся процедура сопровождалась многочисленными и сочными комментариями участников, а ее счастливое завершение вернуло нам бодрое расположение духа, несколько упавшего после тяжелой и тревожной ночи. Джексон, руководивший спасательной операцией, покидал судно в числе последних. Уже перебросив ногу через

планширь, он окинул взглядом людей, усевшихся в шлюпки, и несколько раздраженно воскликнул: "А, где мистер Хьюз?". Чтобы понять нотки недовольства, сквозившие в столь невинном вопросе, следует вернуться немного назад.

Мистер Хьюз – щедедушный валлиец с громадными воинственно торчащими усами, прибыл из Англии последним почтовым пароходом. Еще в Канале²⁰, едва лайнер покинул Саутгемптон, Хьюз объявил, что не может совладать с охватившей его тоской по родине и взялся столь неистово служить покровителю виноградарства, вина и веселья, что капитан судна запретил подавать Хьюзу любые спиртные напитки, более двух недель удерживая беднягу в состоянии вынужденной трезвости. Естественно, едва нога валлийца ступила на кейптаунский пирс, Хьюз наверстал упущенное, устроив грандиозный кутеж. Поскольку у него был транзитный билет до Порт-Наталя, друзья подобрали его и, в невменяемом состоянии, занесли на борт "Бахуса", где он сразу же провалился в безмятежный сон. Когда пароход сел на камни, Хьюз наслаждался заслуженным отдыхом и проспал всю последующую суматоху. Мирно храпевшего поклонника горячительных напитков обнаружила стюардесса, совершавшая контрольный обход кают.

– Вставайте, сэр! Вставайте сейчас же! – закричала она, трясая усатую Спящую Красавицу.

– Э, где мой бренди? – пробормотал гуляка сквозь сон.

– Сэр, немедленно вставайте! Наше судно налетело на скалу и терпит крушение, – настаивала женщина.

– Что? Крушение? Если корабль потерпел крушение, иди и скажи капитану. Это его забота, а не моя. Я пассажир первого класса и собираюсь спать.

С этими словами невозмутимый пьяница перевернулся на другой бок и продолжил лечение сном.

– Но, сэр, вы должны встать! На самом деле должны! Пасса-

²⁰ Английский Канал или Ла-Манш

жиры покидают судно, — стюардесса трясла его изо всех сил.

— Мы еще не прибыли в Наталь, а у меня билет до Дурбана, — стоял на своем Хьюз.

Прекратив препирания, женщина выдернула упрянца из лежбища и, схватив в охапку, потащила на палубу, как, вероятно, не раз тащила мародерствующую курицу из цветника. Справившись с валлийцем, она занялась женщинами и детьми, в то время как Хьюз безутешно слонялся среди мечущейся толпы, не проявляя к происходящему ни малейшего интереса. Незаметно он вновь исчез с наших глаз до следующего утра, когда Джексон задался вопросом "где Хьюз".

На палубе его определенно не было, а поскольку ночью через нас не перекатывала волна достаточно тяжелая, чтобы смыть человека, мы предположили, что упрямец вновь спит в своей каюте. Чертыхаясь, Джексон спустился по трапу, ведущему в салон. Вода доходила почти до плеч. То вброд, то вплавь, он достиг каюты, которую делил с Хьюзом, и обнаружил философа сладко спящим на верхней койке. Воде, чтобы достичь ложа валлийца, оставалось подняться на какой-то дюйм. Джексон быстро и, боюсь, несколько бесцеремонно, растолкал компаньона. Тот, оценив обстановку, аккуратно собрал заранее сложенную одежду, вытащил из-под подушки часы и кошелек, закрепил все это простынею на голове и, неторопливо соскользнув в воду, последовал за своим спасителем. На палубе Хьюз тщательно обтерся, а затем спокойно оделся. Читатель, я оставляю вам право решать, было его невозмутимое поведение плодом дерзостной отваги или побочным продуктом неперегретого бренди. В любом случае, выигрыш остался за упертым валлийцем. Из всей толпы, выбравшейся на прибрежный песок, Хьюз единственный сумел насладиться полноценным ночным отдыхом.

Что касается меня, то я пережил кораблекрушение довольно благополучно, сумев сохранить деньги, ценности и, благодаря Квину, даже дорожную сумку с одеждой. Несмотря на уста-

лость, мы были хотя бы сыты, в то время как пассажиры, высадившиеся предыдущим вечером, провели на берегу унылую голодную ночь. Данное происшествие, в отличие от множества ему подобных, завершилось без печальных последствий, а карты и экипажи, прибывшие в течение дня, забрали всех нас обратно в Кейп-Таун.

Неудачный вояж

Я привел столь подробный отчет о кораблекрушении не потому, что в нем было нечто особенное, но лишь поскольку оно ответственно за последующие годы, проведенные мной в Южной Африке.

Неожиданно для себя, вновь оказавшись в Кейп-Тауне, я стал всерьез подумывать — не дожждаться ли мне лайнера "Юнион Компани"? Но, кейптаунские отели той эпохи отличались особой мерзостью, а неудачная партия в покер способствовала моему окончательному превращению в мизантропа. Опрометчиво решив, что смогу, с таким же успехом, убить время в каком-либо другом порту, где у меня будет шанс сесть на судно с Восточного Побережья, и руководствуясь чем угодно, кроме здравого смысла, я купил билет на океанский пароход до Ист-Лондона, являвшегося конечным пунктом его почтовой линии.

Судно пришло в Кейп-Таун с некоторой задержкой, так что

лишь во второй половине дня я узнал, что оно бросило якорь на рейде и отправляется дальше рано утром. В семь часов вечера мы с Квином направились в порт, где обнаружили, что судно стоит в двух милях от берега, а с моря дует чуть ли не ураган. Безуспешно пытаясь прикрыть глаза от носившихся в воздухе песка и пыли, я с трудом нашел владельца рыбацкого люггера, согласившегося в такую непогоду доставить нас на борт.

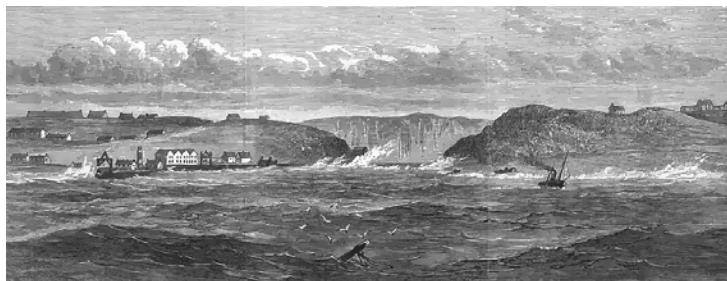
– Ветер очень сильный, – прокашлял старый рыбак, – и я хочу пятнадцать шиллингов, сэр.

Уплатив, мы с Квином устроились в небольшом кубрике на носу лодки. В проем были хорошо видны владелец люггера и его помощник, трудившиеся за штурвалом и парусом. Ветер поднял большую волну, и когда люггер катился вниз, гребни водяных валов закрывали звезды. В такие мгновенья казалось, что наша скорлупка пробирается по дну глубокого оврага. Однако оба рыбака великолепно знали свое дело и к удивлению всех, наблюдавших за нами с борта судна, мы с Квином благополучно запрыгнули на трап. Вахтенный признался, что в такую скверную ночь нас уже не ждали, как и все еще не вернувшихся семерых молодых пассажиров. Множество глаз продолжало всматриваться в сгустившуюся темень, когда, задорное: "Эй, на борту!", донеслось со спасательного бота, доставившего беззаботных повес.

О самом переходе рассказать собственно нечего, поэтому сразу перейду к моменту нашего прибытия в Ист-Лондон. По отзывам знатоков, городок был захолустьем еще тем. На словах звучало неважно, но реальность превзошла все ожидания. Едва ступив на берег, я понял, что здесь находится прообраз ада, заполненный последними ничтожествами и отбросами ближайших семи морей.

В те годы волнолом и бухту едва начали строить. Все суда, заходившие в порт, бросали якорь на открытом рейде, опасность которого доходчиво демонстрировали многочисленные

останки кораблей, выброшенные на местные пляжи. Пассажиры и грузы, предназначенные для Ист-Лондона, выгружались на баржи, которые затем тащили через отмель в реку, вручную выбирая толстенный трос, идущий от пристани к заякоренному в море бую. Это была дикая, тяжелая и очень опасная работа. Соответственно команды состояли из самых отъявленных сорвиголов, главным образом моряков-дезертиров всех наций. Могу с полным знанием дела засвидетельствовать — ист-лондонские лодочники того времени были проклятием всего южноафриканского побережья.

Ист-Лондон в 1881 году

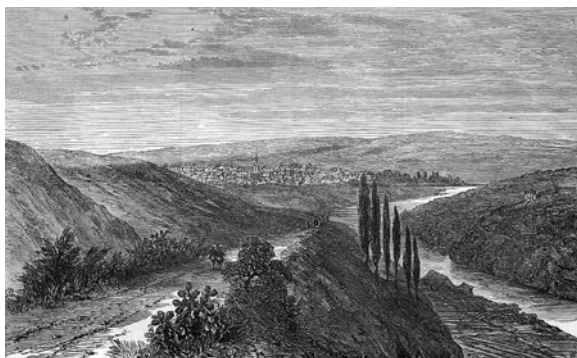
Легко понять, что маленький колониальный городок, населенный подобного типа человекообразными, имевшими деньги и возможность купить местный бренди по девять пенсов за бутылку, или добывавших более благородные напитки, сверля дырки в разгружаемых бочках — такой городок не был спокойным и приятным местом, в котором хотелось бы задержаться на пару недель. Спустя час, проведенный в затхлой, пропитой норе, по заблуждению именуемой отелем, я проклял это захолустье и мечтал об одном — быстрее из него убраться. Но куда? Я был совершенно невежественен в географии Южной Африки, к тому же в состоянии местных дел разбирался не лучше Государственного Секретаря по делам колоний правительства ее Величества. Угрюмо уставясь в окно и не имея понятия, в какую сторону направить стопы, я заметил идущего по дороге лейтенанта в форме 24-го полка. Выскочив на улицу не веря

своему счастью, я засыпал его расспросами о батальоне. Многие старшие офицеры 24-го пехотного мне были хорошо знакомы еще по Новой Зеландии, и я чувствовал себя на седьмом небе от счастья, узнав, что полк стоит неподалеку, у Кинг-Вильямс-Тауна.

Оказалось – мы остановились в одной гостинице. Пригласив нового знакомого вместе отобедать и разделить припасенную мной пинту кларета, я за разговором узнал, что лейтенанта зовут Энсти, он австралиец и прибыл в Африку совсем недавно. По словам собеседника, несколько моих старых друзей пребывали в полном здравии и продолжали служить в полку. Он также просветил меня, что Кинг-Вильямс находится неподалеку и в город можно попасть по недавно достроенной железной дороге. Утром Энсти предстояло возвращаться в батальон, так что, при желании, я мог ехать с ним. К тому же, по словам лейтенанта, отель в Кинг-Вильямсе несравненно комфортнее ист-лондонского. Это были воистину прекрасные новости, которые я предложил отметить бутылкой бренди. Время побежало быстрее, но еще до окончания обеда я почувствовал себя несколько странно и вышел на веранду глотнуть свежего воздуха. Мир перед глазами качался то в одну, то в другую сторону, а тело настаивало на праве жить собственной жизнью, что никак не объяснялось количеством выпитого. Не искушая судьбу, я незаметно пробрался в бильярдную и затих на софе, где меня и обнаружил Квин. Верный чувству боевого товарищества мой преданный слуга дотащил беспомощного хозяина до комнаты и уложил в постель, за что я признателен ему до глубины души.

Ночь прошла в каком-то бреду, но на утро я чувствовал себя вполне сносно и за завтраком поспешил объяснить вчерашнему знакомцу свое внезапное исчезновение. Энсти, несколько смутившись, ответил, что бренди с содовой произвел на него точно такое же действие и признался, что вечером совершенно не стоял на ногах. Позже меня просветили, что употреблять

спиртные напитки, предлагаемые в Ист-Лондоне, довольно рискованно. По крайней мере, никто из местных не искушал судьбу, предпочитая заказывать к столу содовую с небольшой добавкой голландского джина – слишком дешевого, чтобы домешивать в него всякую дрянь. Дьявольское варево, выпитое нами по неведению, называлось "Капский Дымок", также известный как "Примкнуть штыки" и "Удар молнии". Названия пошла говорят сами за себя, но как бы оно не именовалось, могу утверждать одно – это мерзкий напиток.

Окрестности Кинг-Вильямс-Тауна

Закончив обмен впечатлениями о вчерашнем вечере, Энсти посоветовал мне поторопиться, поскольку до отхода поезда оставалось не так много времени. Последовав дружескому совету, мы с Квином, наскоро перекусили и поспешили на станцию. Несколько часов мы беззаботно разглядывали мелькавшие в окнах вагона скалистые холмы и прозрачные речушки. Сойдя на пустыре, исполнявшем роль станции "Кинг-Вильямс", я навел несколько справок и еще до захода солнца договорился о съеме комнаты с миловидной вдовой, владевшей уютным домиком на южной окраине.

СТО ЛЕТ КАФРСКИХ ВОЙН

Старые друзья из первого батальона 24-го полка Ее Величества приняли меня весьма радушно. Пару недель я наслаждался теплым товарищеским отношением, на которое всегда можно рассчитывать в английском полковом клубе и, к собственному удивлению, обнаружил, что не горю желанием уезжать.

В это время Кинг-Вильямс полнился слухами о брожении среди туземных племен, главным образом *галека*. Некоторые даже считали, что существует реальная угроза набега кафров на Капскую Колонию.

На страницах этой книги, читатель не раз встретит упоминания о различных племенах и вождях кафров, поэтому позволю себе небольшое пояснение, кто такие кафры и что такое "кафрские войны".

Кафрами жителей восточного побережья Африки прозвали арабы. В глазах истовых почитателей Магомета упорствую-

щие чернокожие язычники не заслуживали иного прозвища, кроме как "неверный", т.е. "кафр". От арабов, утратив свою религиозную и уничижительную окраску, слово перешло к португальцам, а затем, к голландцам и англичанам.

В целом, всех южноафриканских черных относят к трем большим группам. В западной части Колонии (от мыса Доброй Надежды до Кей-Ривер) обитают, преимущественно, *готтентоты* – племена довольно высокоразвитых скотоводов, называющие себя "кой-коин", т.е. "люди из людей" и, родственные им, но дикие охотники – *бушмены*, удостоившиеся презрительной приставки "сан" – "кой-сан". Третья, наиболее многочисленная семья – племена *банту*, живущие на большей части территории Капской Колонии, в Натале, Зулуленде, Трансваале, Оранжевой Республике и португальских доминионах. *Банту*, не только разводят, а при удобном случае и воруют скот, подобно всем черным, но не гнушаются и обрабатывать землю. Эти крепкие, хорошо сложенные и сообразительные туземцы, несомненно, наиболее развиты из всей троицы. В качестве отдельного народа иногда выделяют полукровок-*гриква*, обитающих вдоль западной и южной границ Оранжевой Республики.

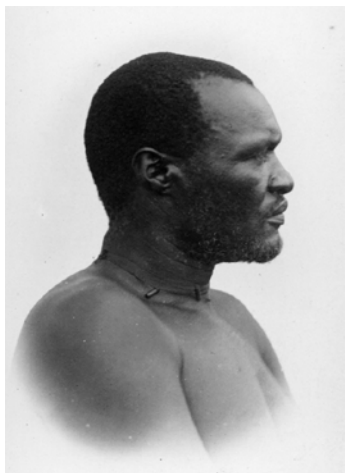
Бушмен

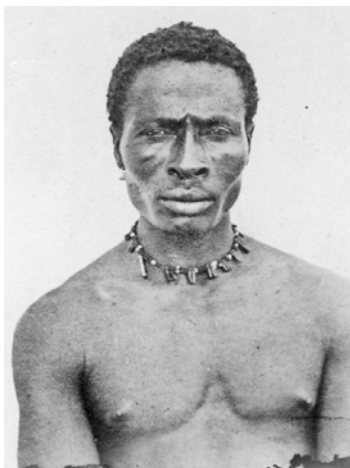
Горттентот

Прозвище "кафр" используют лишь применительно к племенам негров-*банту*, о войне с которыми и пойдет речь.

Итак, разобравшись с вопросом в общих чертах, перейдем к подробностям. Южноафриканские кафры делятся на две большие ветви: *зулусы* (племена *свази* и *тонга*), изгнанные бурами из Натала в Зулуленд и "истинные кафры" (племена *кхоса*, *тембу* и *пондо*) владеющие землями, лежащими между Капской Колонией и Наталем.

Гаика (один из кланов рарабе)

Тембу

Всякая большая семья имеет своих лидеров и своих отщепенцев. У кафров роли последних удостоились *финго* ("бродячие", "ищущие службы") – племена и кланы, разгромленные *зулусами* во времена великого Чаки. Ударяя от *зулусов* на запад, вдоль побережья Индийского океана, *финго* пытались осесть на землях "истинных кафров", но те, возмущившись подобной наглостью, быстро поставили непрошенных гостей на место. Тогда *финго* ушли еще западнее, на территорию Капской Колонии, где в 1835 году получили от британцев собственную землю.

Взаимоотношение туземных племен и кланов сложно понять без представления о генеалогии хотя бы главных из них. Следует иметь ввиду, что большинство племенных имен происходят от реальных или мифических основателей династий. Как

упоминалось выше, "истинные кафры" делятся на три большие группы: *кхоса*, *пондо* и *тембу*. *Кхоса* ведут свою родословную от легендарного вождя Кхосы, правившего где-то в середине шестнадцатого века. *Пондо* являются наследниками его старшего брата, а *тембу* – младшего. При этом *тембу*, хотя и представляют младшую ветвь, всеми "истинными кафрами" считаются королевской расой. Именно их женщины становятся первыми или "великими" женами вождей, и лишь их потомство имеет право наследования.

Финго

Натальский кафр

Девятый из прямых потомков Кхоса оставил двоих сыновей: старшего – Галека и младшего – Рарабе, от которых произошли племена *галека* и кланы *рарабе*. Само собой разумеется, что, будучи представителем старшей ветви, вождь *галека* считается верховным вождем всех "истинных кафров".

Войны с *кхоса* достались англичанам от голландцев вместе с Капской Колонией. Голландские фермеры не очень любили жаркое сухое лето Капского полуострова его холодную мокрую зиму и постоянные северо-западные шторма. Гораздо больше их влекли земли, уходившие вдоль побережья на восток. Зимы в этих местах теплее и суше, а летом идут обильные дожди, в отличие от лежащих к северу полупустынных Намак-

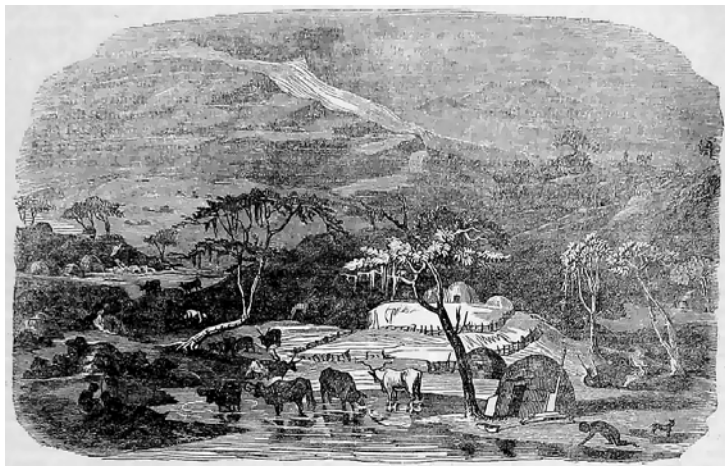
валенде, Кару и Калахари. Да и в целом, климат прибрежных районов гораздо мягче, а, следовательно, лучше растут пшеница, сорго, просо, и легче разводится скот. Естественно, голландцы настойчиво передвигали границу своей колонии в восточном направлении. Но, во второй половине восемнадцатого века, на берегах Большой Фиш, белые столкнулись с *кхоса*, не желавшими принимать конкурентов.

Поводом к Первой Кафрской войне 1779 года послужило убийство фермером Уильямом Принслоо какого-то кафра в окрестностях нынешнего Сомерсет-Ист. Европейцы, имея лошадей и огнестрельное оружие, обладали определенным тактическим преимуществом, зато *кхоса* отлично знали местность, и в их распоряжении была многотысячная дисциплинированная армия, закаленная в войнах с *зулусами*. К тому же, вскоре кафры также обзавелись огнестрельным оружием, а на пересеченной местности пеший воин-*кхоса* не уступал в мобильности всаднику-голландцу. Отчаявшись защитить свои дома и семьи в одиночку, фермеры организовали милиционные отряды, называемые "коммандо". Но, опасаясь надолго оставлять имущество и родных без защиты, коммандос не могли преследовать противника на большие расстояния или совершать длительные карательные экспедиции. Кроме того, обе стороны были связаны необходимостью сезонных работ и потребностью в рабочих руках во время жатвы. Как следствие, первые войны больше напоминали короткие разбойничьи набеги.

Первая Кафрская война закончилась установлением границы между реками Большая Фиш и Сандей. Во время Второй, кафры прогнали поселенцев обратно за Сандей. Третья подтвердила границу по Сандей.

В 1806 году на Кап пришли британцы, и характер войн изменился. Регулярная армия, не отягощенная фермами и семьями, не заботилась о сборе урожая. Солдаты строили форты, а карательные отряды преследовали туземцев, угонявших скот, дале-

ко за линию границы, продлевая "вразумление" настолько, насколько требовалось. Естественно, армейские колонны были не столь поворотливы, как коммандо, и хуже ориентировались на местности, тем не менее, в большинстве случаев, успешно справлялись с поставленной задачей.

Туземное поселение в Кафрарии

Четвертая Кафрская война 1811-1812 года стала первой войной с участием регулярной армии. К этому времени земли между Сандей и Фиш считались своего рода буферной зоной, однако *кхоса* намеревались их вернуть, изгнав из междуречья всех белых. Англичане поспешили освежить в курчавых головах ослабевшее чувство реальности, при этом "не проливая крови больше, чем необходимо для вселения в дикарей должной степени ужаса и уважения". Кампания закончилась изгнанием *кхоса* за Большую Фиш, а на месте штабного кемпа²¹ полковника Грэхема вырос городок, носящий его имя – Грэ-

²¹ Кемп – стоянка войск вне населенных пунктов. Иногда не делают различий между кемпом и лагерем, но в Южной Африке лагерем называют укрепленную стоянку, огороженную, как правило, кольцом поставленных вплотную друг к другу вагонов.

хемстаун. Вскоре сюда прибыли четыре тысячи британских колонистов, поселившихся на берегах Большой Фиш. Появление значительного числа новичков осложнило отношения не только с *кхоса*, на чьих землях они принялись хозяйничать. Подобным поворотом были недовольны и голландцы и союзные туземцы, успевшие положить глаз на лучшие участки.

В 1818 году разгорелась война между племенем *галека* и племенем *гаика* – одним из главных кланов *рарабе*. Междоусобные войны в Африке не большая редкость, чем в Европе. Обычно их главной причиной является чрезмерная скученность и зависть к благосостоянию соседа, но в данном случае конфликт вспыхнул на "идеологической" почве. Вождь одноименного племени – Гаика, отличался неумеренным потреблением горячительных напитков и постоянно нуждался в средствах. Дело дошло до того, что он принялся продавать белым собственных людей, чем несказанно возмутил родственные племена. Капская Колония, давно искавшая повода наказать *кхоса* за участвовавшие угоны скота и имевшая с *гаика* договор о военной помощи, использовала конфликт для вмешательства в драку. *Кхоса*, не желая оставаться в долгу, взялись за оружие. Воодушевленные обещанием своего пророка Маканы, уверявшего, что боги будут на их стороне, а "пули белых обратятся в воду", в апреле 1819 года несколько тысяч *кхоса* атаковали Грэхемстаун. Правда, обещанный фокус с водой не удался и кафры, потеряв около тысячи воинов, отступили. В итоге туземцы были изгнаны за Кейскама-Ривер. Пророк Макана сдался, был посажен в тюрьму на острове Роббен, пытался бежать и утонул. В результате войны, к 1820 году, на территории между Бушмен-Ривер и Большой Фиш возникла провинция Албани, а земли между Фиш и Кейскамой стали буферной зоной.

Когда Гаика, окончательно спился и умер, власть перешла к его сыну от "великой жены". Но поскольку этот сын, по имени Сандили, был совсем ребенком, делами управлял его сводный старший брат – Макома, изрядно досаждавший белым посе-

ленцам своим беспокойным характером. В 1829 году терпение британских властей лопнуло, и Макому решили выселить. Процедура обошлась без кровопролития, но не без ропота. На очищенной территории англичанам вздумалось поселить *готтентотов*, что дало *кхоса* повод к открытой вражде. Когда же во время очередного разбирательства, кто у кого больше украл, британцы расстреляли одного из вождей, приходившегося Макоме, то ли братом, то ли дядей, черные вскипели. Вдобавок ко всему, англичане согнали племя Макомы с земли в момент, когда зерно еще стояло на корню. В конце 1834 года, пылающий благородным гневом Макома, с десятью тысячами воинов, вторгся в Капскую Колонию грабя, сжигая фермы и убивая всех, кто оказывал сопротивление. Разразилась Шестая Кафрская война, известна как "война Хинтсы", хотя сам Хинтса – верховный вождь всех *кхоса*, не желал этого конфликта и не подстрекал к нему. Кафры, словно саранча, опустошили полосу в 100 миль длиной и около 80 миль шириной и, довольные, уволокли добычу в густые леса. Вследствие малочисленности регулярной армии, Колония была вынуждена наносить ответный удар собственными силами. Комmando голландцев-буров, под предводительством будущего героя Великого Трека – Пита Ретифа, разбило негров в Винтербергских горах. Вскоре после этого, прибыли долгожданные имперские войска. Комбинированные силы поступили под командование полковника Гарри Смитта, проявившего себя толковым и распорядительным командиром. После нескольких серьезных трепок большинство черных вождей поспешили перейти в подданство английской короны и обещали содействовать прекращению беспорядков на границе. Но два самых непримиримых – Макома и Тьяли, отступили к горам Аматола.

Долгая война истощала силы обеих стороны. Белые теряли людей, время и деньги, а кафры – земли, скот и краали. В сентябре 1835 года начались переговоры. Ответственность за войну британцы возложили на верховного вождя Хинтсу, которо-

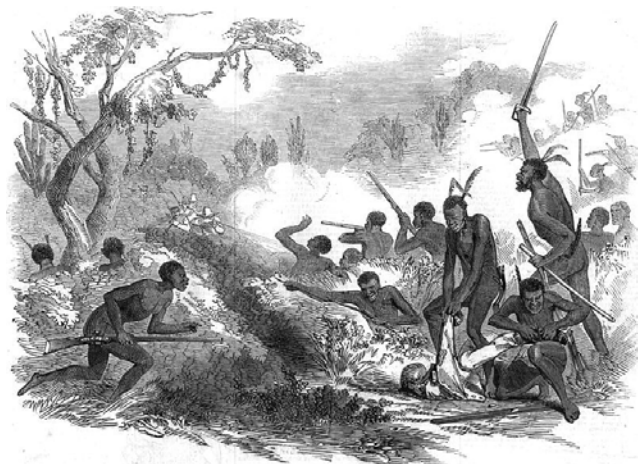
му и продиктовали условия мира. Получив заверения в личной безопасности, Хинтса прибыл улаживать разногласия, но, неожиданно для себя, оказался в роли заложника. Пытаясь бежать, он был убит, при этом лишившись ушей, отрезанных британским солдатом в качестве сувенира. Это бессмысленное убийство на протяжении десятилетий служило *кхоса* живительным источником, питающим драгоценную ненависть к белым.

По условиям мира, кроме обычной контрибуции в виде скота, *кхоса* лишились части территории. На этот раз в состав Капской Колонии вошли земли до Большой Кей-Ривер. Новый округ назвали Провинцией Королевы Аделаиды со столицей в Кинг-Вильямс-Тауне. В образованной провинции британцы позволили селиться лояльным племенам, племенам, сместившим своих мятежных вождей и *финго*, появление которых на данной территории имело далеко идущие последствия. С одной стороны британцы приобрели в лице *финго* верных союзников, с другой – источник постоянного раздражения для *кхоса*.

Вторым неожиданным, но чрезвычайно значимым последствием Шестой Кафрской войны, стал массовый исход недовольных буров из Капской Колонии на север – так называемый "Великий Трек". Честно говоря, буры имели все основания негодовать. Они потеряли людей, фермы, скот, а их попытки возместить свои потери за счет реквизиций у *кхоса*, не встретили понимания со стороны британской администрации. В результате, голландцы утратили веру в справедливость британской системы правления и возжелали жить по-своему. В довершение всех бед, Лондон посчитал содержание новой провинции экономически невыгодным и в декабре 1836 года ее дезаннексировал, восстановив границу по Кейскама-Ривер, чем окончательно оттолкнул от себя голландских колонистов.

Десять лет в Колонии царил относительный покой, что несколько не означало отсутствие конфликтов. По мере того, как

у кафров подрастало следующее поколение воинов, они становились наглее, а свирепствовавшая засуха побуждала их грабить колониальные фермы чаще обычного. Белые, в свою очередь, желали вернуть плодородные земли и изобильные пастбища, утраченные вместе с Провинцией Королевы Аделаиды. Повод для первого выстрела нашелся легко. *Готтентотский* эскорт, доставлявший в Грэхемстаун какого-то мелкого вождя, обвиненного в краже топора, подвергся нападению и был вырезан. *Кхоса* отказались выдать убийц. Как результат, в марте 1846 года началась Седьмая Кафрская война, известная под наименованием "Топорная".

Стычка в буше

С колониальной стороны ее вели имперские войска и местные "бюргерские силы", состоявшие из *готтентотов*, *финго*, английских поселенцев и бурских командос. Англичане, как бы неправдоподобно это не звучало, учли опыт предыдущих войн и организовали подвоз припасов морем до устья Буффало-Ривер, где располагалась штаб-квартира. К тому же власти возвели торговлю с кафрами в ранг преступления равного государственной измене. Столь крайняя мера объяснялась тем, что звон монет оказался громче патриотических воззваний, и

беспринципные торгоши в ходе войны продолжали исправно снабжать кафров оружием и порохом.

Со стороны *кхоса* в войне участвовали, главным образом, *гаика*, поддержанные частью кланов *рарабе*. Обзаведясь значительным количеством огнестрельного оружия, туземцы стали серьезным противником, и первое время британцев преследовали сплошные неудачи. Особенно много шуму наделало нападение туземцев на армейскую колонну, заплутавшую в лесистых предгорьях Аматола. Мало того, что *кхоса* посмели атаковать растянувшийся на три мили конвой и захватить часть вагонов. Они посягнули на самое святое – офицерский запас крепких напитков. Опыяненные удачей, в прямом и переносном смысле, черные вторглись в колонию.

Нападение кхоса на транспортную колонну

Войск не хватало. Поселенцев пытались активнее привлекать к войне, но без особого успеха. *Кхоса*, благоразумно уклоняясь от открытых столкновений, раз за разом пропускали британские колонны вглубь территории, а затем перерезали линии коммуникаций, доводя войска до полного истощения. Иногда

за стакан свежей воды офицеры платили по шиллингу, а за сухарь по шесть пенсов, при этом не всегда находилось и то и другое. *Финго*, помогавшие англичанам, ели свои кожаные щиты, а *готтентоты* по нескольку дней довольствовались тем, что крепко перетягивали ремнем живот.

Видя, что армия не может в одиночку справиться с туземцами, власти решили обратиться за помощью к бурам, которые в горах поросших бушем и лесом, действовали гораздо эффективнее регулярных войск. Командовавший бюргерами Эндис Стокенстрем собрал группу наиболее отчаянных бойцов и совершил рейд в самое сердце земель *кхоса*, к краалю их верховного вождя – Крели. В результате трудных переговоров, Крели согласился вернуть угнанный скот и отказался от притязаний *гаика* на земли западнее Кей-Ривер. Подписав мирный договор, довольные проделанной работой командос отбыли домой.

Неожиданно для всех, британский губернатор не признал соглашение и отправил верховному вождю оскорбительное письмо, с требованием более убедительной демонстрации покорности. Взбешенный Стокенстрем отказался от дальнейшего участия в боевых действиях, распустил своих людей по фермам и предоставил британским войскам сомнительное удовольствие продолжать войну самостоятельно.

Засуха сменилась ливнями, мгновенно превратившими театр боевых действий в сплошное болото, где намертво увязли и без того не слишком подвижные британские колонны. Конфликт перешел в вялотекущую стадию. Обе армии, терзаемые непогодой, голодом и лихорадкой, теряли боевой дух. Но, война формально продолжалась, до тех пор, пока вождь *гаика* – Сандили не был схвачен во время переговоров. К концу 1847 года кафры сдались. Собрав всех более-менее значительных вождей *кхоса*, новый губернатор Капской Колонии, теперь уже генерал-майор сэр Гарри Смит, на их глазах разорвал лист бумаги со словами: "Больше никаких договоров! Я ваш верхов-

ный вождь, а кафры мои собаки!". Затем для самых непонятливых он наглядно проиллюстрировал свой тезис, приказав одному из вождей (Макоме) стать на колени и театрально водрузил ногу на его шею. Расставляя точки над "i", Смит объявил междуречье Кейскамы и Кей зависимой британской территорией – "Британской Кафрарией" со столицей в Кинг-Вильямс-Тауне.

Продолжая политику расширения британских владений, неугомонный сэр Гарри, сгоряча, аннексировал у буров Оранжевую Республику, обратив прежних друзей в непримиримых врагов, после чего занялся устройством дел в подопечной ему колонии.

Сандили – вождь племени гаика

Зима 1850 года выдалась необычно холодной и засушливой. Как на зло, именно в это время, Смиту приспичило выгнать *кхоса* из долины Кет-Ривер. По всем правилам игры, в самый разгар выселения, среди возмущенных беспределом *кхоса* объявился очередной пророк, утверждавший, что пули колонистов

больше не смогут убивать его соплеменников, и самое время поставить белых на место, лучше всего – утопив в океане. Дело вновь запахло порохом.

Считая, что в волнениях виновны вожди, сэр Гарри Смит назначил им встречу. Часть приглашенных явилась, часть нет. В числе отсутствующих оказался Сандили. Помня, чем заканчиваются подобные душеспасительные беседы, он отказался от randevu и был объявлен мятежником.

Война началась в канун Рождества 1850 года. В этот день британская колонна численностью 650 бойцов попала в засаду, потеряв в бою сорок два человека. На следующий день, пользуясь праздниками как предлогом, множество негров наводнили приграничные поселения. Они от души пили, гуляли, веселились, а затем задали перцу, не ожидавшим подобного выверта, обитателям поселков.

Белые, по обыкновению, забрав скот, бросили фермы на произвол судьбы. Кто смог, бежал подальше от границ Кафрарии, кто не успел, или не посчитал нужным, ставил вагоны лагерем в поле или укреплял ферму.

Армия *кхоса* лавиной ворвалась в Колонию. Кафры блокировали губернатора в форте Кокс и сожгли несколько британских военных поселений. Одновременно восстали *готтентоты* у Блинквотер и на Кет-Ривер. Большая часть "Кафрской Полиции", набранной из туземцев для борьбы с угонщиками скота, присоединилась к *кхоса*.

Гарри Смит сумел вырваться из осады лишь для того, чтобы обнаружить, что покинут большинством местных союзников. Его решительная, но недальновидная политика оттолкнула от бывшего любимца Колонии, и местных бюргеров, и бургских командос, и *финго*, и *готтентотов*, составлявших основу местных сил самообороны. Сражаться отказалась даже часть Капских Конных Стрелков.

У *кхоса* также не все ладилось. После первоначального успеха, выяснилось, что с пулями у белых, несмотря на заверения

пророка, по-прежнему все в порядке. *Кхоса* понесли серьезные потери при штурме фортов, а вождь восставших *готтентотов* был убит.

К концу января британцы получили подкрепления из Кейптауна и перенесли боевые действия на территорию противника. Война приняла форму карательной экспедиции, поскольку губернатор, объявил кафров не врагами, а бунтовщиками.

Восставших возглавлял Макома, засевший в природной крепости у Ватерклоофа. Со своей базы он упрямо продолжал разорять и жечь окрестные фермы. Боевые действия у Ватерклоофа тянулись около двух лет. Их характер выглядит довольно однообразным. Кафры, атаковав какой-нибудь отряд, скрывались с добычей в неприступных горных убежищах, а англичане настойчиво их преследовали, вынуждая сдаться либо пулями, либо голодом.

Бой у Ватерклоофа, 1852 год

В феврале 1852 года британское правительство решило, что в неудачах повинен склочный характер сэра Гарри и заменило его Джорджем Кеткартом. Кеткарт провозился с мятежниками почти год, но в итоге Сандили сдался. Губернатор именем королевы объявил мир, по условиям которого *кхоса* разрешалось

жить в Британской Кафрарии, в строго указанных местах. Так закончилась Восьмая Кафрская война, но не злоключения *кхоса*.

Три года спустя, шестнадцатилетняя прорицательница объявила, что ей явились предки, обещавшие помочь *кхоса* избавиться от притеснения белых. Мертвые обещали восстать и сбросить врага в море при условии, что их хорошенько накормят. Мертвецы уточняли, что их будет много, поэтому для удовлетворения аппетита прародителей живым придется забить весь наличный скот и сжечь весь урожай.

Прорицательница Нонгкосе (справа)

Вначале сумасшедшей никто не поверил, и *кхоса* проигнорировали пророчество. Но, когда сам верховный вождь – Крели, принялся резать собственных коров, туземцы перестали хихикать и прониклись твердым убеждением, что девочка действительно говорила с мертвыми.

Один из знатных колдунов *кхоса* призывал в своих проповедях: "Не сейте! В будущем году колосья взойдут сами. Уничтожайте весь маис и хлеб в закромах, забивайте животных. Но

покупайте топоры и расширяйте краали, чтобы они вместили весь прекрасный скот, что восстанет вместе с предками... Бог гневается на белых, которые убили его сына... Однажды утром, пробудившись ото сна, вы увидите ряды столов, уставленных едой. Самые лучшие бусы и украшения наденем мы на себя".

Безумие прокатилось по всему восточному Капу. Власти, опасаясь голода и неминуемого хаоса, пытались вразумить кафров, но те откровенно игнорировали призывы белых к здравому смыслу. Явление предков было обещано 18 февраля 1857 года. Вожди *кхоса* тщательно следили, чтобы к этому дню их люди уничтожили всю пищу и одежду. К ужасу туземцев, прозревших слишком поздно, вместо обещанных мертвецов пришел неминуемый голод. Люди мерли как мухи, и численность *кхоса* значительно сократилась. В результате этого массового помешательства, аналог которому трудно сыскать в истории, *кхоса* сами подорвали свое могущество.

К моменту моего прибытия в колонию большая часть территории, шириной около ста миль, зажатой между побережьем Индийского океана и южными склонами Дракенсберга от реки Кей на западе и до границы Наталя на востоке, тем или иным образом контролировалась правительством Капской Колонии. На оставшихся формально независимыми землях обитали многочисленные племена и кланы, постоянно враждовавшие между собой. Часть из них, получив земли у Идутива, искали покровительства Капских властей, без которого не могли спокойно существовать. Эти кланы, не имея наследственных вождей высокого ранга, считали британских дипломатических агентов не консулами, а правителями, всячески демонстрируя свою готовность подчиняться. Кабинетные политики в Лондоне тешили публику рассуждениями, что мы привлекаем туземцев своими мудростью, милосердием и справедливостью, но любой местный пастух мог дать руку на отсечение, что кафры терпели белое правление лишь из уважения к силе.

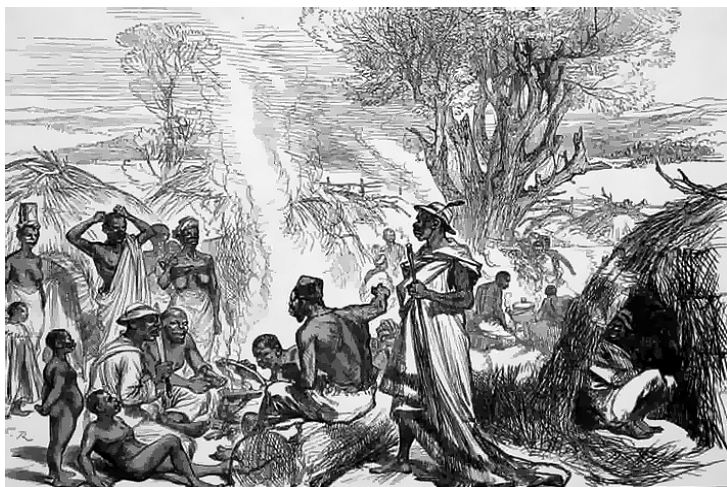
Наиболее последовательными союзниками англичан, традиционно, являлись *финго*, поселенные в междуречье Кей и Башии, на землях, в свое время отобранных белыми у *кхоса*. Имелось еще несколько мелких кланов, демонстрировавших определенную готовность двигаться по пути "прогресса", но большинство кафров цепко держались за идеалы и обычаи предков. Факт, что *кхоса* научились пахать, пользовались железными котелками, укрывались одеялами и покупали ружья, вовсе не указывал на то, что они приняли цивилизацию. Их чувство внутреннего достоинства, традиции, обычаи и верования побуждали их сохранять преданность своему верховному вождю. *Кхоса*, подобно всем кафрам, были твердо убеждены, что духи мертвых держат судьбы племен в своих руках. Отказаться от верности вождю – потомку и представителю того, чьему духу приносят жертвы и чьего гнева опасаются – тяжкое преступление, достойное самой суровой кары.

Смерть героя нескольких войн – Макомы, умершего в тюрьме острова Роббен, породила среди *кхоса* волну негодования. Вождь и великий воин сгинул на чужбине, не имея рядом ни родственников, ни друзей, способных воздать ему полагающиеся почести. По большому счету, он был алкоголик и полуманьяк, но нельзя не сокрушаться о судьбе старика, влачившего последние дни на голом клочке суши, вдали от зеленых лесов и прозрачных рек Кафрарии. Что должны были чувствовать *гаика*, зная, что их вождь умер, как пес? Что должен был испытывать Тини Макома – его сын?

.....

Наконец, возможно, утомив читателя затянувшимся, но, на мой взгляд, совершенно необходимым отступлением, перейду к рассказу о событиях в которых мне судилось принять непосредственное участие – последней Кафрской войне.

Крааль финго

КАФРСКАЯ СВАДЬБА

Мы, европейцы, связываем память о войне, большей частью со временем или местом, где она происходила, туземцы же с какой-либо легендарной личностью или событием, определившим ее начало. Нападение на Грэхемстаун 1819 года в памяти кафров неотделимо от имени великого воина-жреца – Маканы. Конфликт 1835 года – "Война Хинтсы", верховного вождя *галека*, убитого у Нкабара. "Война топора" началась в 1846 году, а воин-жрец Умланьени дал свое имя стычкам 1850-52 годов. Массовый забой скота всецело связывают с колдуном Умхлаказой и его племянницей Нонгкосе. Никому неизвестный вождь *финго*, по имени Нгкаесиби (болотная трава), остался в истории, связав свое имя с войной 1877-78 годов.

В британской истории, волнения конца семидесятых годов на

восточной границе Капской Колонии удостоились чести именовать Девятой Кафрской войной, но мне кажется, что стоит говорить именно о волнениях, поскольку на деле имело место не так много настоящих боев, а об особых лишениях речь не шла вовсе. По крайней мере, таково мое мнение, согласное с мнением Квина, а поверьте, после Новой Зеландии мы имели понятие о настоящей войне с дикарями.

С конца 1876 года берега Кей окутало предчувствие надвигающейся грозы. Клан *парабе*, формально признававшие власть британцев, обнаглели до предела. Сменив *ассегаи* на ружья, они угоняли скот белых в беспрецедентных ранее масштабах. Их родичи – *галека*, жившие на восточном берегу Кей, также успели подзабыть неприятности пятидесятых годов, а подросток молодому поколению, желавшему превратиться в полноценных мужчин, требовалось срочно выпустить пар. На роль "козлов отпущения" больше всего подходили жившие по соседству *финго* много лет служившие *кхоса* неисчерпаемым источником слуг и невольников. Заведя дружбу с "красными мундирами", бывшие парии чрезмерно возгордились и задрали носы. При этом я не говорю, что они осмелились выступить против *галека* на поле боя. Ни в коем случае. Однако тесно общаясь с миссионерами и нахватавшись сомнительных теорий о превосходстве христианина над идолопоклонником, *финго* утратили свое изначальное смирение. На почве вновь обретенных социальных пороков и неумеренного пьянства, они стали заносчивы и высокомерны, при каждом удобном случае давая понять своим прежним господам, что считают себя равней. Дерзость отщепенцев чрезвычайно задевала *галека*, все еще считавших *финго* за собак, и они не на шутку раздухарились, обнаружив, что абсурдные британские законы не позволяют им взять в руки палки и научить презренных рабов уму-разуму.

Оба племени владели большим количеством скота, и каждое с завистью поглядывало на богатого соседа. А когда негр чего-

нибудь страстно желает, будь он хоть, так называемый, христианин, хоть закоренелый язычник, он старается заполучить желаемое, прибегая к самому надежному, по его мнению, средству – воровству. Вполне закономерно, что вдоль границы участились взаимные угоны скота, раздувшие тлеющие угли неприязни в пламя войны.

Конфликт тлел около года, но все надеялись, что до реально-го взрыва дело не дойдет. Жившие у границы белые торговцы и поселенцы уважали и, как не странно звучит, даже любили старого Крели – вождя *галека* и верховного вождя всех *кхоса*, который, вместе со старейшинами своего племени, из всех сил пытался поддерживать мир. Крели, имея в своем распоряжении около двадцати тысяч воинов, не считая родственных кланов *парабе*, "сидевших" к западу от Кей, тем не менее, не желал войны, прозорливо предвидя ее финал. Однако у верховного вождя имелась пара проблем. Его собственный сын – Сигкава – любимец молодежи и воинов (двух наиболее беспокойных фракций в любом сообществе), страстно ненавидел, как *финго*, так и белых. Вторая проблема заключалась в натянутых отношениях с кузеном Мапасой, имевшим довольно много воинов и считавшим, что высокопоставленный родственник ему, в общем-то, не указ. Этот парень, вместе со своими прихвостнями, заносчивый, как все негры, утратившие чувство реальности, давно мечтал пощипать заживевших *финго*, игнорируя риск войны с белыми, но не находил достойного повода.

Таковой представился 3 августа 1877 года, когда в краале мелкого вождя *финго* – Нгкаесиби, жившего со своими людьми на берегу речушки Гкина, разделявшей Финголенд и Галекаленд, *финго* закатили грандиозную гулянку по поводу свадьбы. У гостеприимных кафров для посещения подобных мероприятий не требуется особого приглашения. Соседи приходят по собственному желанию и всегда встречают радушный прием. Несмотря на напряженные отношения между племенами, мо-

лодой вождь *галека*, по имени Умколи, с девятью или десятью сопровождающими заявился на празднество в крааль Нгкаеси-би. Обычно на таких мероприятиях молодежь демонстрирует мастерство и удачу, нещадно лупя друг друга палками, куда придется. Жаловаться на боль или травмы в таких случаях не принято. Порезавшись, молодец, покрытый вздувшимися рубцами, из последних сил натягивает улыбку на перекошенное от боли лицо и уверяет, что никогда в жизни так не веселился.

Но в тот вечер все пошло наперекосяк. Не получив достойную, по его мнению, порцию пива, Умколи обвинил хозяев в скупости и неуважении. Со словами: "Вы, финго, прячете от нас пиво!" – он и несколько его людей с вызовом опрокинули стоявший перед ними горшок с хмельным напитком. Между разогретыми танцами и спиртным неграми завязалась ссора, плавно переросшая в мордобой. *Галека* выстроились по одну сторону площадки, *финго* – значительно превосходившие их численно – по другую. Началось с легкой потасовки, затем пошли удары потяжелее, и наконец пролилась кровь. Один *галека* был убит, а вождю изрядно намяли бока. Вождь *галека* получил удар от финго! Побежденные, горя жаждой мести за понесенное оскорбление, пулей метнулись через границу к своим. На следующее утро ватаги возбужденных негров то и дело сновали через брод на Гкина-Ривер, паля друг в друга из ружей, а дети, женщины и скот ретировались вглубь территории. С течением времени конфликт не тух, а разгорался. Спустя неделю четыре больших отряда *галека* перешли границу и угнали у соседей сто сорок голов скота и шестьсот овец.

Финго, с воплями побежали требовать защиты у англичан. Британский резидент принялся вразумлять Мапасу – вождя клана *галека*, чьи люди участвовали в заварушке. Мапаса, чтобы от него побыстрее отстали, признал – его люди неправы и пообещал вернуть скот. Но, как обычно происходит в подобных случаях, лучшие из захваченных животных были немед-

ленно зарезаны и съедены, другие "отбились от стада и потерялись". Владельцам вернули лишь часть угнанного, причем далеко не лучшую, при этом никто не желал компенсировать недостачу.

Британцы апеллировали к Крели. Верховный вождь возложил всю вину на родственника и приказал Мапасе вернуть весь угнанный скот, не подкрепив, однако, свой приказ действенными стимулами. Возможно, он и не мог этого сделать, поскольку страсти с обеих сторон настолько накалились, что подобному приказу никто бы не подчинился.

Крели – верховный вождь кхоса

В это время в Южной Африке находилось необычно большое количество британских войск. С января 1875 года здесь несли службу первые батальоны 13-го и 24-го полков. В ноябре 1876 прибыл второй батальон "Баффс"²². В марте-апреле 1877-го из Сингапура перевели 80-й полк. Последние два должны были сменить 13-й и 24-й, которым подходил срок возвращаться

²² Прозвище 3-го пехотного полка. В семнадцатом веке, солдаты этого полка носили куртки из мягкой, некрашеной желтоватой кожи, толщиной около 3 мм, вполне защищавшей, как от плохой погоды, так и от удара клинком.

домой, но из-за обстановки в Натале и Трансваале их задержали. В июле 1877-го из Ирландии прибыл 88-й полк. Таким образом в Южной Африке собрались пять полных батальонов одновременно: 88-й полк (760 бойцов) в Кейп-Тауне, 13-й (805 бойцов) в Трансваале, 80-й (930 бойцов) и "Баффс" (563 бойца) в Натале и 24-й (872 бойца) в Кинг-Вильямсе. Дополнительно имелось около двух сотен артиллеристов и инженеров, разбитых на нескольких команд.

Тем временем правительство решило разобраться: кто прав, а кто виноват в беспорядках и привести виновных в чувство. Со стороны *финго* арбитром выступил мистер Джеймс Айлифф, а со стороны *галека* – полковник Юстас, недавно занявший пост британского резидента при Крели. Два джентльмена, как надлежит в подобных случаях добропорядочным британцам, неспешно принялись за работу. Заключение, к которому они пришли, было следующим: в случившемся виновны обе стороны, но каждая считала, что парни с другого берега провинились больше. Суть доклада сводилась к тому, что и *финго*, и *галека* страстно желали драки, которой, по-видимому, не избежать. Придя к подобным выводам, полковник Юстас уехал обратно в Галекаленд, а мистер Айлифф приготовился защищать земли *финго*.

В конце августа отряд *галека* перешел реку и напал на крааль *финго* у Баттерворта. Состоялась серьезная схватка, в которой погибли 24 *галека* и почти столько же *финго*. Отбившись от рейдеров, последние решили, что сумели показать надменным *галека* – кто есть кто. *Финго* плясали и заливались пивом с утра до ночи, даже не подозревая, что в это самое время девять тысяч воинов Крели стоят у границы, ожидая приказ грабить, жечь и убивать. Армия Крели хлынула бы через броды еще 26-го августа, если бы мистер Уэст Финн, служивший клерком и переводчиком британского резидента в Галекаленде, не шепнул на ухо верховному вождю маленький секрет, касавшийся его кузена Мапасы. Суть секрета заключалась в том, что род-

ственник вождя, имевший в своем распоряжении около 1500 воинов, не поддержит Крели в войне с *финго*. Пораженный подобным коварством человека, ответственного за разгоревшуюся бучу, Крели отозвал своих людей от границы и назначил общий сбор вождей, на который Мапаса, естественно, не явился.

Следует признать, что в данном случае черные боги явно приняли сторону *финго*, поскольку те были совершенно не готовы к масштабной войне, а у Гкина-Ривер стояло всего сорок пять бойцов Пограничной Конной Полиции. Интересно знать, была ли эта услуга мистера Финна по достоинству оценена и вознаграждена правительством, как и его добрая служба в целом.

Белые фермеры со всей округи, опасаясь восстания кланов *рарабе*, побросали хозяйство и в поисках защиты рванули в Кинг-Вильямс. Свободные квартиры в городе тут же исчезли. Даже прибывший на границу губернатор, сэр Бартли Фрир, поселился в армейских бараках. Дела за Кей шли все хуже, и приютивший меня первый батальон 24-го полка растащили по различным постам на западном берегу реки.

В последней попытке погасить смуту личным присутствием, губернатор отправился за Кей и добрался до Баттерворта, где собрал несколько европейцев, двух сыновей Крели, мелких вождей *галека* и толпу *финго*. Последние, естественно, тут же заявили о своей полной лояльности и готовности безоговорочно исполнять любые приказы губернатора. Крели, помня, чем закончилось подобное приглашение для его отца, уклонился от встречи, очевидно опасаясь за целостность ушей. К тому же он предвидел возмущение своих людей, поскольку воинственная партия сочла бы его согласие на встречу с губернатором величайшим бесчестьем. *Кхоса* были готовы отдать за Крели свои жизни, но взамен ожидали, что старик будет вести себя как достойный и независимый вождь, а не как собака, которую поманил белый человек.

Формальным поводом для отказа Крели выдвинул опасение появляться в Финголенде из-за "недолжного поведения его собак, когда бренди торговцев и кафрское пиво излишне будоражат людей", но написал, что с радостью примет губернатора в своем краале, где специально построил дом, достойный великого белого вождя. Сэр Бартли отклонил приглашение и, тщетно прождав у Баттерворта несколько дней, вернулся в Кинг-Вильямс-Таун.

За порядком в округе наблюдал инспектор Чалмерс, командовавший полицейскими в кемпе у Ибека. 23-го сентября, после четкого заявления Крели, что он не может удержать своих людей от нападения на *финго*, хотя и надеется сохранить мир с белыми, Чалмерс отвел полицейских к Кинг-Вильямсу. Все торговцы и миссионеры получили распоряжение незамедлительно отойти в безопасные районы. Для защиты фермеров, вдоль западного берега Кей возвели цепь укрепленных постов. Железная дорога от Ист-Лондона действовала до Кабуси-Ривер, а станции и дома путевых рабочих приспособили к обороне. В общем, по всей границе недостатка в убежищах не наблюдалось. Кафры, работавшие на строительстве большого моста через Кей-Ривер, разбежались, но работники-европейцы, возвели небольшой форт, в котором и засели.

Мапаса, чьи люди, собственно, повинны в конфликте, поджав хвост, поспешно пересек Кей, прося защиты у колониального правительства. Четыре тысячи человек из его клана последовали за ним, но лучшие воины присоединились к армии Крели.

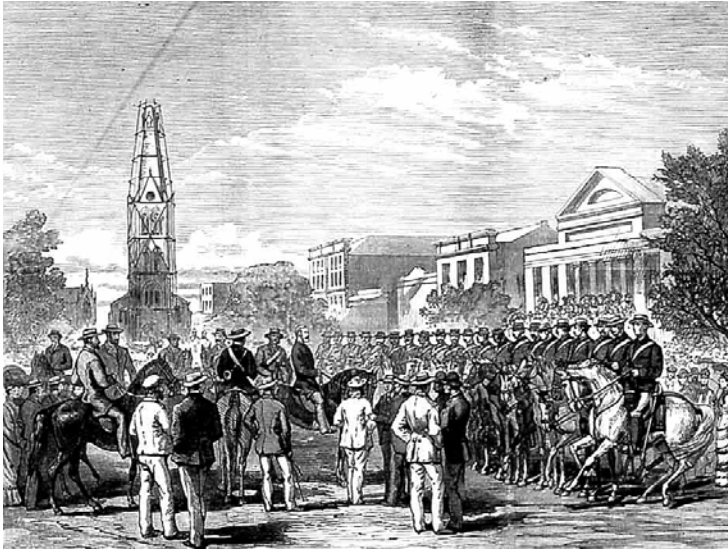
Сомнений в том, что война начнется со дня на день, ни у кого не оставалось, и Крели, признавая ее неизбежность, благородно выделил для эскорта мистера Уэста Финна, его семьи и нескольких миссионеров три сотни воинов под командованием собственных сыновей. С этим отъездом связан небольшой инцидент, немало повеселивший тех, кто о нем слышал.

Семья Финнов владела старым фамильным клинком – пред-

метом их немалой гордости. Подготовка к отъезду была в самом разгаре. Клинок лежал в коробке, готовой к погрузке, когда проходивший мимо вагона молодой воин-галека сделал неуважительное замечание в отношении миссис Финн. Сущность ремарки состояла в том, что, утопив белых мужчин в море, он придет и заберет ее в жены. В мгновение ока клинок вылетел из ножен, и молодая женщина бросилась на наглеца. Не ожидавший подобного оборота, туземец помчался словно оса, в то время, как оскорбленная маленькая леди наседала ему на пятки, размахивая сверкающей сталью. Юноша почувствовал себя в безопасности, лишь взлетев на громадный валун, стоя на котором принялся вопить о помощи.

Торговцы, фермеры и миссионеры в Галекаленде также смогли беспрепятственно покинуть территорию, которой вскоре судилось стать ареной боевых действий. Подобной распродажи седел, одеял, одежды и прочих товаров Галекаленд еще не видел. Деньги через прилавки лились рекой, и лавочники едва успевали подавать товар. Естественно, лишь влияние Крели удерживало его людей от, само собой разумеющегося, грабежа торговых складов и другого имущества европейцев.

Конные Волонтеры Грехэмстауна

ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ПИКНИК

Новости о рейде *галека* достигли Кинг-Вильямса в ночь на двадцать шестое августа, накануне моего предполагаемого отъезда. Шанс поучаствовать в драке заставил меня задуматься, стоит ли отказывать себе в подобном развлечении. Боевой азарт и энтузиазм моих друзей оказались настолько заразительны, что вместо покупки билета на поезд я предложил свои услуги генералу сэру Артуру Каннингхему, командовавшему имперскими войсками. Выразив желание записаться в любой иррегулярный отряд, созданный в связи со сложившейся обстановкой, я недолго ждал решения. Генерал согласился принять мои услуги, и через пару дней ваш покорный слуга уже

сидел в седле. За время конфликта мне повезло принять участие в достаточном количестве стычек по обе стороны Кей-Ривер, которые при наличии богатого воображения можно называть боями и совершить несколько набегов за скотом.

Я не служил в регулярной армии, но, насколько мне позволяют судить личные наблюдения – жизнь волонтера на войне, бесспорно, легче и веселее жизни солдата. Конечно, всегда найдутся типажи, ворчащие на необходимость выполнять обычную солдатскую работу и скверное, по их мнению, снабжение. Но эти существа, как правило, выросшие на скудных обедах с хозяйской кухни, могли бы найти недостатки в меню ресторана "Савой" или "Сесил-Отель".

Лично я люблю хороший обед, мягкую постель и не виню людей, ищущих комфорта, даже в полевых условиях. Но, не смотря на это, не могу без презрения относиться к сущности, позиционирующей себя как мужчина, ноющей по поводу грубости рациона, когда должно радоваться, что вообще есть чем перекусить и требующей постель, когда нормальный солдат счастлив прикорнуть в грязи. Отвратительный типаж – совершенно неуместный во фронтовой жизни. Таким людям следует поскорее закопать свою винтовку и отправляться скрестить полы в лондонской харчевне.

Естественно, боец должен быть накормлен и накормлен хорошо. Но я утверждаю, и готов публично отстаивать свое мнение, что мобильность войск Ее Величества в Южной Африке, как имперских, так и колониальных, всячески стеснялась бесконечными вереницами вагонов, тащивших ненужную дребедень и излишества, о которых новозеландский солдат мог только мечтать.

Первая же вылазка открыла мне глаза, насколько обременительно снаряжение, считающееся по местным меркам абсолютно необходимым патрулю или небольшому отряду.

Я третью неделю изнывал от безделья в Кинг-Вильямсе, когда подполковник Пуллайн, исполнявший обязанности ком-

манданта города, вызвал меня к себе. Не успел я доложить о прибытии, как он в своей обычной, благожелательной манере, изложил суть предстоящего дела.

Генри Пуллайн

— Браун, — Пуллайн пригласил свои роскошные бакенбарды, — я хочу, чтобы вы взяли бойцов, которых мне удалось наскрести и сегодня же отправились поездом до конца ветки у Кей-Роуд-Стейшн. Оттуда, не теряя времени, направитесь к железнодорожному мосту через Буффало-Ривер. Это еще несколько миль вдоль недостроенной линии.

— Случилось что-то серьезное, сэр? — проявил я естественное, в подобном случае, любопытство.

— Не думаю, — усмехнулся Пуллайн, — но ночью я получил донесение от офицера волонтеров, охраняющих мост через Буффало, с настоятельным требованием подкреплений. Он утверждает, что толпа кафров собралась его атаковать. Мне это не очень понятно, поскольку я никак не ожидал проблем в нашем районе, тем не менее, обязан выслать запрашиваемую

помощь. К сожалению, ближайший пост на Кей-Роуд не имеет свободных людей. Надеюсь, вы понимаете, что у меня их тоже нет, поэтому я отдал приказ собрать по городу всех мужчин, способных держать винтовку в руках. Из дальнейших разъяснения я понял, что мне достанется неважнецкий отряд, состоящий из офицерских слуг, совершенно негодных к службе, разбавленных разношерстой компанией "томми" и волонтеров, выписавшихся из госпиталя.

– Это все люди, которых я могу вам дать, хотя повторяю, не верю, что существует малейшая вероятность боя. Вы получите рационы на Кей-Роуд, а по прибытии на пост примите командование. Есть вопросы?

– Нет, сэр! – возможно, чересчур радостно ответил я, чувствуя, что жизнь обретает былую остроту и не в состоянии скрыть охватившее меня возбуждение

– Тогда, поскольку ваш поезд отходит в полдень, вам лучше пойти собраться. Счастливого пути, Браун!

Вскочив в седло и пустив пони галопом, я поспешил на нашу квартиру, где чуть не оглох от восторженного вопля, исторгнутого Квином при магических словах былых дней: "Пожитки и ранцы. Поезд в полдень. Идем в поход". Я знал, что с моей стороны подробные разъяснения или указания излишни, поэтому ускакал, будучи убежден, что только землетрясение или внезапная смерть помешают Квину в 11.45 прибыть на станцию с нашими вещами и рационом на четыре дня.

Времени оставалось в обрез. Бараки располагались довольно далеко от станции, поэтому мою разношерстую толпу следовало построить к 10 часам, и у меня не было возможности задать лагерному адъютанту все волнующие меня вопросы.

Как вы уже поняли, это был первый отряд, которым мне предстояло командовать в Южной Африке, и я был изрядно удивлен, обнаружив, что бойцы выстроились без вещей и даже шинелей, имея при себе лишь винтовки, патронные сумки и фляги с водой.

– Полковник Пуллайн говорил, что мы получим рацион на Кей-Роуд, но как насчет одеял? Люди получают их там же? – поинтересовался я у лагерного адъютанта.

– О, нет! Одеяла, ранцы и все остальное отправлено на станцию в вагоне, – ответил тот, вызвав мое искреннее восхищение и удивление.

По прибытии на станцию я обнаружил Квина с нашими вещами, упакованными на обычный новозеландский манер. Люди без заминок погрузились в вагоны, и после короткого путешествия мы прибыли на Кей-Роуд – конечную станцию на главной линии от Ист-Лондона к Квинстауну и важный транзитный пункт. Отсюда британские войска в Транскей получали продукты и боеприпасы, доставляемые далее воловьими упряжками. Линию закончить не успели, но строительные работы в связи с напряженной обстановкой приостановили.

Нас встречали капитан, командовавший охраной станции, и офицер комиссариата. Последний после обычных приветствий затащил меня к себе в палатку требуя подписать ведомости с рационом, снаряжением и т.д. Меня чуть не хватил удар. Перед глазами мелькали длиннейшие списки продуктов, которыми, по мнению местного командования, следовало нагрузить сотню человек, отправлявшихся в короткую вылазку. В своей невинности и незнании южноафриканских реалий, я подразумевал, что, как в Новой Зеландии, каждый человек получит четыре фунта вяленого мяса или бекона плюс четыре фунта бисквитов, которые вместе с одеялом и личными вещами взгромоздит себе на спину. По крайней мере, Квин упаковал наши ранцы исходя из подобного предположения. Но, что я увидел, изучая ведомости? Строчки, строчки, строчки... Я протер глаза, но, написанные твердой рукой клерка, они и не думали исчезать. Свежее мясо на два дня, мясные консервы на шесть дней, на столько же дней муки, бисквитов, соды, консервированных овощей. Чай, кофе, сахар, лущеный горох, лимонный сок, ром, перец, соль, какао и, о Господи! – я не верил

собственным глазам – джем!

– Всемогушие боги! Это все нам? – боюсь излишне эмоционально, я тряс перед носом сержанта-снабженца тем, что он назвал дополнительным списком продуктов, закупленных добросердечными колониальными женщинами для наших войск, – Это что, розыгрыш?

Я еще раз взглянул на проклятый листок. Там четким каллиграфическим почерком значилось сгущенное молоко, мука маранта, кукурузная мука и Бог знает, что еще. Опасаясь, что должно быть схватил солнечный удар, я ошеломленно обернулся к офицеру-снабженцу.

– Мне кажется, здесь какая-то ошибка. Я отправляюсь на боевое задание и, возможно, через несколько часов мне предстоит вступить в бой. Как, во имя всех святых и праведников, вы думаете, ми люди взгромоздят эту бакалею на свои горбы?

– Взгромоздят на горбы! – удивился он, – зачем? Для вас реквизированы два вагона, к тому же они уже упакованы. Пройдемте в столовую. Пока запрягут волов, предлагаю выпить и перекусить.

Я счел предложение вполне уместным, решив, что еда поможет восстановить душевное равновесие. К тому же раздраженные нервы требовали пары глотков джина.

У входа офицерской палатки меня догнал сержант-снабженец, потребовавший чтобы я подписал еще одну накладную на тенты, чайники, котелки, инструменты и прочую дребедень, в количестве достаточном для открытия скобяной лавки.

– Сэр, – доложил он, беря под козырек, – все упаковано в вагоны. Будете проверять?

– Нет, благодарю, – ответил я, – поскольку, опасаясь обнаружить грелки и бутылочки для кормления младенцев.

Бифштекс с жареными бананами оказался на удивление неплох, но настроения все равно не было. В мозгу вертелись бесконечные перечни припасов, и я задавался вопросом – это вой-

на или грандиозный пикник? Перед глазами плыли видения из не такого далекого прошлого. Сырой новозеландский буш. Покрытые снегом папоротниковые поляны и русла рек с ледяной водой. По ним, груженные словно мулы, бредут одетые в рваные джемпера и закутанные в обрывки шалей худые, полуголодные люди, которых от истощения отделяют несколько кусков прогнившей солонины и заплесневелые бисквиты.

Я непроизвольно вздохнул, глядя на яркий, залитый солнцем вельд. Новая страна, новые правила. Возможно, с ремнями, еле сходящимися на животе, лущеным горохом, корицей и джемом, мы послужим нашей милостивой Королеве и Старому Лоскуту столь же славно, как в былые дни, когда ремни болтались на тощих талиях, а диета состояла из тухлой свинины и сухарей.

Но, я не мог понять одного: как можно гоняться за мобильным, вертким противником, таща за собой столько барахла. Оставалось предположить, что здешние нигтеры подходят по свистку и позволяют убивать себя пристойным образом.

За столом я расспросил о дороге, по которой нам предстояло идти и предполагаемом характере боевого столкновения во время перехода или по прибытии на пост. Мне сообщили, что дорога очень хороша, идет по открытой местности без каких либо укрытий или подлеска, дающих противнику малейший шанс устроить засаду. Меня также заверили, что воловь упряжки великолепны, а вагоны в исправном состоянии, поэтому я смогу достичь моста задолго до заката солнца, что меня вполне устраивало.

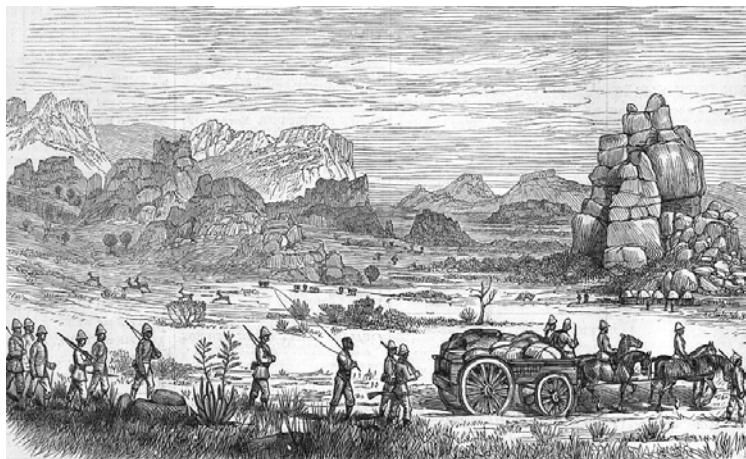
Когда я заговорил о шансах стычки, по лицам собеседников забегали плохо скрываемые улыбки.

– По возвращении вы просто обязаны рассказать нам все подробности боя, – обратился ко мне капитан, – но лично я не верю, что вы встретите хоть одного враждебного негра.

– Тогда, какого дьявола, командир поста вопил о помощи? – с искренним недоумением спросил я, чувствуя, что перспекти-

ва даже легкой драки тает словно дым.

– У вас будет возможность задать этот вопрос непосредственно ему, – усмехнулся собеседник.

Доставка продовольствия. Дорога к форту Вебер

Труба заиграла построение и, поблагодарив хозяев за гостеприимство, я направился к своим вагонам, где обнаружил, что волы запряжены, а люди, выстроившись в одних рубашках, готовы выступать. Я, в очередной раз, молча подивился местным порядкам, но distinguished Квин просто потерял голову от возбуждения и необычности экипировки.

– О, святые волынщики, игравшие перед Моисеем, – подскочил он ко мне, – взгляните на это, сэр! Вы уверены, что они посылают нас воевать с неграми. Взгляните на эти вагоны! Каждый с тентом! А волы, сэр! Их рога достанут от преисподни до Голуэя²³. Сэр, представляете, ни один из этих лодырей ничего не несет, кроме своих костей, и будьте уверены, если устанет по дороге, то сразу полезет под тент. Сэр, тут овсянка, перловка и, только благословенная Святая Бидди²⁴ знает, что

²³ Графство в Ирландии

²⁴ Святая Бриджита

еще. И вот, что я вам скажу, сэр – если они тут дерутся хотя бы вполовину как едят, то Африка – суровое место.

– Квин, не морочь мне голову, и становись в строй, – прервал я панегирик своего верного оруженосца.

Быстро осмотрев маленькую колонну, я приказал выступать. Дорога, действительно была хороша, вагоны не перегружены, а волы в отличном состоянии. Люди шли без кителей, с винтовками на плечах, и, двигаясь скорым шагом, мы достигли места назначения за пару часов до заката.

Рассматривая в бинокль большой железный мост, переброшенный через реку, я несколько встревожился. По обе стороны моста высились стены из мешков с песком, превращавшие его в неприступный форт. Неприступный, по крайней мере, для дикарей, не имевших артиллерии, поскольку рядом не было доминирующих высот. Защитники очевидно были начеку, поскольку баррикады буквально ошетинились штыками. Все палатки лежали приспущены, выставив основания опорных шестов во входные проемы. "Эге, – сказал я себе, обшаривая оптикой берега реки – похоже, тут идет серьезная драка". Но, местность действительно была открытая, прятаться было негде и я, не увидев ни малейших признаков присутствия противника, приказал колонне осторожно продолжать движение. Без происшествий достигнув моста, мы несколько минут ждали, пока гарнизон разберет проход в стене. Затем из форта навстречу мне вышел плотный, благообразный бородач, пребывавший в состоянии крайнего нервного возбуждения, представившийся командиром поста.

– Слава Господу, вы прибыли вовремя! – с чувством воскликнул он.

Протянув ему приказ, полученный от полковника Пуллайна, я первым делом поинтересовался обстановкой.

– Как обстоят дела? Где негры и когда вы ожидаете нападения?

– О! Я ожидаю атаку в любой момент. Этот буш, – он указал

на едва заметную полосу леса, лежавшую, по меньшей мере, в пятнадцати милях к северу – полон дикарей, но я принял меры предосторожности и держу людей на боевых постах.

– Давно держите?

– Со вчерашнего утра!

– В таком случае, не были бы вы столь любезны отозвать их и отправить на обычные работы. Одного часового на вершине вашего мешочного Монблана, считаю, будет вполне достаточно.

Через полчаса палатки подняли на нормальную высоту, а люди спокойно готовили сытный ужин из доставленного нами роскошного рациона.

На следующий день я отправил трясшегося от страха офицера в Кинг-Вильямс. Впоследствии я узнал, что медицинская комиссия, обследовавшая бедного парня, нашла у него проблемы с головой, возникшие вследствие тяжелого солнечного удара, перенесенного еще в Индии. Его комиссовали в Кейп-Таун, где он вскоре скончался, до последней минуты пребывая в уверенности, что окружен ордами нигтеров, жаждущих его крови.

ПЕРВЫЙ НАБЕГ НА ГАЛЕКАЛЕНД

До определенного момента *галека* всячески подчеркивали, что имеют претензии только к *финго* и не желают ссориться с европейцами. Но 26-го сентября их армия, численностью около пяти тысяч человек, вторглась в Финголенд и в нескольких милях восточнее полицейского кемпа возле Ибека столкнулась с людьми инспектора Чалмерса. По мнению инспектора Хука – одного из немногих полицейских старой закалки, служивших еще под командованием сэра Уолтера Карри²⁵ – люди Чалмерса сами навались на неприятности.

Все началось с того, что новый командант Пограничной Конной Полиции, Чарльз Дункан Гриффит, обрел полномочия

²⁵ Уолтер Карри – первый командант Пограничной Конной Полиции, организованной в 1855 году

руководить всеми военными мероприятиями на восточном берегу Кей.

Коммандант Чарльз Гриффит

Едва прибыв на базу в Ибека, он выслал к Идутива небольшой патруль с одним орудием под общим командованием инспектора Чалмерса. Двигаясь по маршруту, вблизи горы Гвадана, патруль услышал перестрелку. Высланные вперед скауты доложили, что идет бой между отрядом *финго* под командованием Джеймса Айлиффа и *галека*. Чалмерс, не раздумывая, поспешил на помощь Айлиффу, но тут его атаковало большое импи²⁶ кафров, подкравшееся к британцам под прикрытием густого тумана. Полицейских было восемьдесят человек, но они разительно отличались от великолепных бойцов, служивших в прежние дни под командованием сэра Уолтера. Это были преимущественно мальчишки, недавно завербованные в Англии и не умевшие ни толком ездить, ни толком стрелять. В отличие от молодых колонистов прежнего отряда, в прежней

²⁶ Импи – своего рода полк у туземцев, численностью от 2-3 до 4-6 тысяч воинов

жизни они почти не имели дела с кафрами, не говоря уже об опыте реальных боев. Безусловно, что касается почерпнутого из книг образования – ребята были превосходны, но отличались дремучим невежеством по части всевозможных хитростей и уловок, позволяющих опытному бойцу поддерживать в должном состоянии себя и свою лошадь. Восемьдесят людей сэра Уолтера могли повстречать армию *галека* и спокойно выбраться из переделки, но восемьдесят городских юнцов, пришедших им на смену, нельзя было считать серьезной силой.

В ходе столкновения помощник инспектора и шесть полицейских были убиты, лафет единственного орудия сломан, *финго* разбежались и Чалмерс с трудом отвел своих людей к базовому кемпу. Много позже, когда командовавший неграми Джеймс Айлифф стал опытным и авторитетным офицером, мне довелось довольно коротко с ним сойтись, и естественно, разговор коснулся событий начального периода войны.

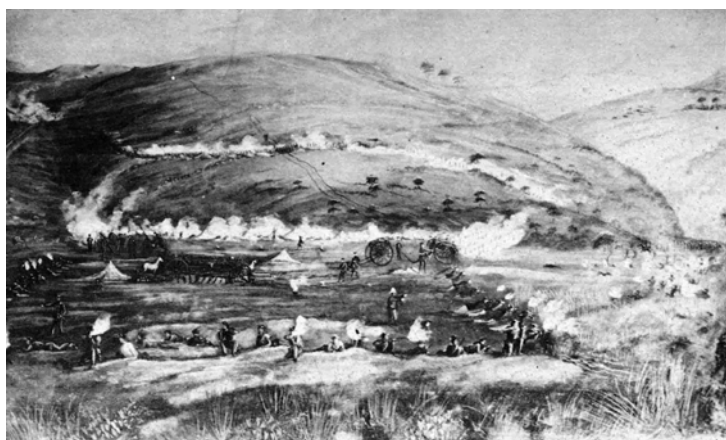
– Айлифф, что вы делали у Гвадана? – поинтересовался я у команданта, на что он лаконично ответил:

– Удирал.

После боя у Гвадана, Крели отправил в Ибека парламентаря выразить соболезнование по поводу смерти людей Пограничной Полиции и повторно заверить, что не желает ссориться с белыми. Вождь просил полицейских держаться в стороне и позволить его людям сразиться с *финго*. Ответ британцев гласил, что это невозможно, и предупреждал – если какой-либо отряд *галека* пересечет границу, он встретит отпор европейцев.

29-го сентября, вдохновленные успехом, воины Крели наведались в Ибека. В распоряжении Гриффита было 180 белых и около двух тысяч *финго* под командованием помощника инспектора Алана Маклина и туземного офицера Вельдмана Бикитши. Численность гостей оценивалась тысяч в шесть-семь. Бой начался в три часа дня. До самой темноты *галека* атаковали кемп с разных направлений, раз за разом останавливаемые

огнем трех семифунтовых орудий и залпами защитников. Наконец, потеряв лучших воинов и утратив боевой задор, *галека* решили отступить. Увидев, что противник уходит, два отряда *финго* – Маклина и Бикитши бросились в контратаку. В тот день бывшие парии, вынесшие на себе основную тяжесть боя, оплатили немало старых счетов. Потери *галека* оценивались в двести человек, в то время как британская сторона насчитала убитыми лишь шесть *финго*. Еще шестеро черных и один белый получили ранения. На рассвете следующего дня *галека* вновь предприняли попытку захватить кемп, но были отброшены, а после того, как *финго* при поддержке шестидесяти конных полицейских выступили им навстречу, противник бежал.

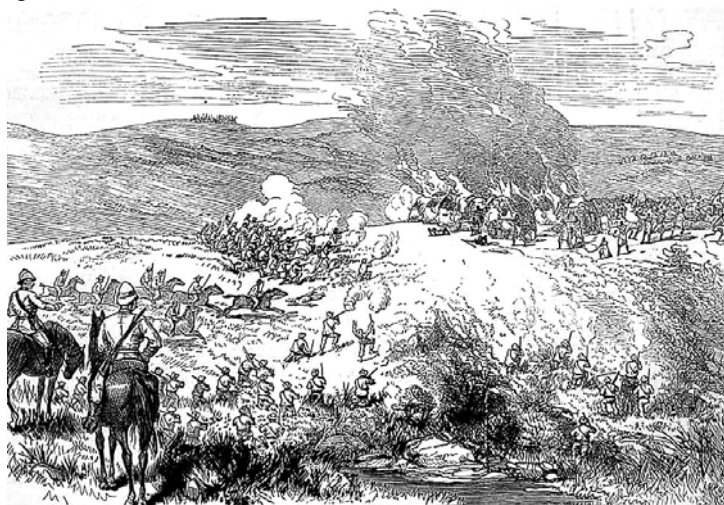
Бой у Ибека

Такова официальная версия событий. По мнению же инспектора Хука, высказанного в неформальной беседе за партией в покер, *галека* просто проводили демонстрацию, надеясь выманить защитников в открытое поле. Видимо, они хотели сойтись с *финго* врукопашную, а не перестреливаться с британцами, и тем более не подставляться под огонь их орудий, поскольку считали, что воюют с *финго*, а не против Колонии. На второй

день *кхоса* вновь попытались выманить *финго* из кемпа, но, не добившись своего, ушли. О реальных потерях противника Хук нечего определенного сказать не мог, поскольку *галека* унесли с собой всех убитых и раненых.

Эти две демонстрации, на языке официальных реляций удостоились громкого названия "битвы у Ибека", а командант Гриффит получил чин полковника.

Вскоре в район конфликта начали прибывать подкрепления из различных частей колонии и к концу первой недели октября, теперь уже полковник, Гриффит стоял во главе 580 конных полицейских, 620 конных волонтеров и 370 волонтеров-пехотинцев. Нельзя сказать, что Колония поскупилась на содержание людей, выразивших желание ее защищать. Офицеры получали плату в соответствии с рангом, конные волонтеры имели пять шиллингов в день с рационом для себя и лошадей, а пехотинцы четыре шиллинга в день и рацион. Но основным материальным стимулом волонтера, как всегда, оставались призовые деньги за захваченный скот.

*Стычка между финго и галека у Батерворта
4-го октября 1877 года*

Также в поле находились большие отряды рекрутов-*финго* под командованием Джеймса Айлиффа. Туземные контингенты жили преимущественно на маисе из кладовых ям разоряемых краалей, так что их содержание обходилось дешево.

Третьего октября в Ибека прибыл майор Генри Эллиот с тремя тысячами *тембу*. Негров этого племени переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, у них продолжался застарелый конфликт с *галека*, с другой, подобно всем "истинным кафрам", они терпеть не могли *финго*. В подобной ситуации поведение воинов-*тембу* всецело зависело от решения их верховного вождя – Гангелизве. К счастью, майор Эллиот имел на него сильное персональное влияние, и вождь принял решение прислушаться к настойчивым советам британского магистрата. Используя Гангелизве, как своего рода пчелиную матку, Эллиот вынудил его пересечь Башии-Ривер и занять округ Идудива, покинутый обитателями из-за угрозы вторжения *галека*. Младшие вожди со своими людьми последовали за верховным, и вскоре Эллиот обнаружил себя во главе мощной колонны *тембу*, усиленной впоследствии третьим отрядом Пограничной Конной Полиции под командованием майора Балли²⁷ и Квинстаунскими Волонтерами капитана Харви.

Насколько я могу судить по личному опыту и со слов людей, которым склонен доверять – *тембу* были серьезными бойцами. Их детские игры, межплеменные драки, природная храбрость, активность и выносливость, делали кафров прекрасной легкой пехотой. Они великолепно использовали особенности местности, особенно в критической ситуации. В отношении белых офицеров *тембу* нередко демонстрировали случаи необычной преданности, и сражавшиеся с ними бок о бок европейцы, отзывались о *тембу*, как о достойных союзниках.

Магистраты, клерки, торговцы и другие, более-менее подхо-

²⁷ Опытный офицер, имевший большой опыт общения с туземцами. В дальнейшем – начальник штаба колонны Эллиота

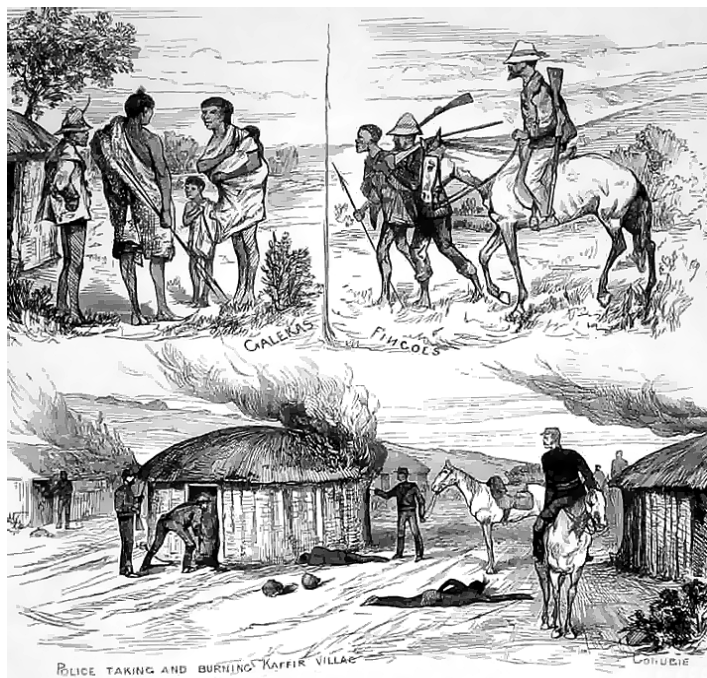
дящие белые получили в туземных контингентах звания капитанов, лейтенантов и сержантов, выполняя соответствующие обязанности.

Пикет на границе Галекаленда

Пятого октября, в ходе подготовки к вторжению в Галекаленд, губернатор колонии издал распоряжение, лишавшее Крели всех прав и привилегий верховного вождя. С этого дня европейское правительство считало его рядовым кафром. Как и следовало ожидать, *галека*, а точнее, все кафры по обе стороны Кей, оставили напечатанную прокламацию без внимания, поскольку не умели читать и, в массе своей, едва ли подозревали о ее существовании. К тому же – по их убеждению, никакая сила кроме смерти, не могла отнять у верховного вождя права, дарованного ему по рождению. Так что данный клочок бумаги был напечатан скорее для самооправдания правительства Колонии, которое, прикрываясь сомнительным документом, отбирало земли у Крели и резервировало их для собственных нужд.

Вскоре начали поступать донесения, что импи *галека* вновь направляются к Идугива, в связи с чем кемп у Ибека дополнительно укрепили. Однако слухи оказались ложными, и 9-го октября состоялось первое вторжение полковника Гриффита в Галекаленд. План Гриффита был прост: от каждого британского поста выступала отдельная колонна, которой следовало соединиться с другими у "великого дома" Крели на Кора-Ривер, в шести милях юго-восточнее Ибека.

Галека и финго. Конная Полиция сжигает кафрское поселение

Гриффит покинул главный кемп на рассвете, ведя два отряда Конной Полиции под командованием инспектора Хука, два полевых орудия капитана Робинсона и отряд бюргеров из Кинг-Вильямса. Три больших контингента *финго* под командованием, соответственно, Айлифа, Маклина и Патла высту-

пили из трех различных пунктов на границе Финголенда. *Тембу* майора Эллиота, Конные Полицейские под командованием инспектора Бейли, квинстаунские бюргеры капитана Хея двинулись от Идудива, а волонтеры капитана Спригга и туземные волонтеры из Гонуби под общим командованием капитана Грея наступали от Спрингс.

Первое боевое столкновение произошло у Спрингс. В нем участвовал отряд кафров численностью 98 человек, прозванный "Наши бои". Кроме капитана Грея, командовавшего туземцами, в отряде имелось еще несколько белых офицеров и сержантов.

Едва спустившись в долину реки Гкува, Грей наткнулся на две тысячи *галека*, занимавших удобные позиции на поросших бушем холмах и намеревавшихся уничтожить его отряд в рукопашной схватке. К счастью ни пули, ни летевшие со всех сторон ассегаи и бунгуза²⁸, ни свирепые вопли не возымели действия на маленькую партию. Сохранив присутствие духа, "Наши бои" засели за валунами и открыли ответный огонь. Перестрелка затянулась на несколько часов. Обе стороны не решались покинуть укрытия, и, таким образом, бой плавно перерос в тест на выносливость. Воды не хватало. Достать ее было негде. Неожиданно для *галека*, стрельба белых офицеров оказалась весьма эффективной, и постепенно противник начал чувствовать себя неуютно. Наконец, предприняв последнюю попытку, *галека* прибегли к тактике "залпового огня". Метнув штук сорок палиц и завопив, они откатились назад, оставив поле боя за "Нашими боями". К концу стычки отряд расстрелял практически все боеприпасы, и капитан Грей решил вернуться в кемп, пополнить бандольеры и оказать помощь раненым.

Главной целью колонны майора Эллиота был крааль одного из вождей *галека* – Ситшаки, расположенный вблизи Идудива.

²⁸ Бунгуза – боевая палица

За исключением нескольких стрелков, с которыми наши люди обменялись дюжиной выстрелов с дальней дистанции, воины Ситшаки не оказали сопротивления. При движении этой колонны произошел инцидент, лишний раз убеждающий в отваге и дерзости черных воинов.

Британцы сжигают краали у Спрингс

"Кейптаунские Стрелки" у Спрингс

Когда колонна спускалась с холмов к краалю, два конных кафра, по внешнему виду принадлежавших к туземному контингенту, ехали неподалеку от майора Эллиота и инспектора Балли. Достигнув края крутого, покрытого бушем склона, они неспеша отъехали в сторону и, разрядив ружья в британских офицеров, скрылись в зарослях. К счастью, командир колонны и его начальник штаба остались невредимы.

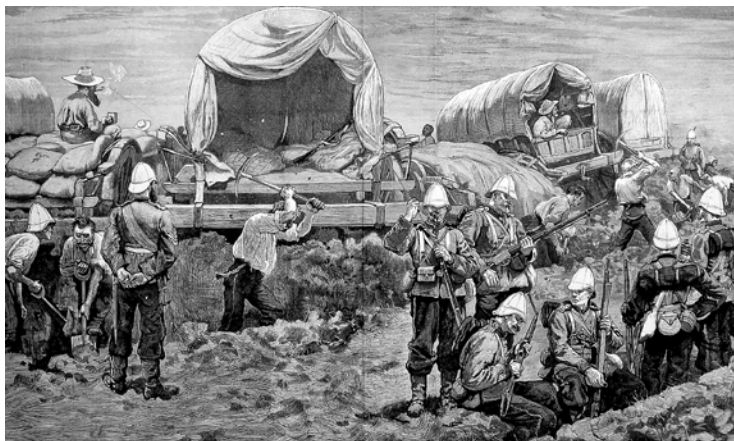
В туземных войнах существует старая, испытанная практика сжигать краали противника. В полном соответствии с традицией, поселение Ситшаки и соседствующие с ним вскоре были объяты пламенем. К сожалению, обитатели предусмотрительно покинули краали, успев спрятать скот и утащить с собой нехитрые пожитки.

Зато колонна полковника Гриффита, на рассвете подкрав-

шись к столице Крели, застала противника врасплох. Два орудия открыли интенсивный огонь по ничего не подозревавшим *галека*, посеяв в их рядах смятение, а затем и панику. Дело довершили *финго*, бросившиеся в атаку и захватившие крааль. Другие партии разоряли соседние поселения, в том числе крааль старшего сына вождя – Сигкавы. В качестве трофеев у противника отобрали большие запасы маиса и проса, составившие долю *финго*, а также 20 лошадей. Все краали в округе, вместе с хламом, которой не удалось унести, были сожжены.

Под давлением британцев *галека* уходили в сторону побережья и за Баншии-Ривер. Это вполне соответствовало планам Гриффита, который, не имея достаточных сил, опасался оказывать слишком сильное давление на противника и провоцировать вторжение воинов Крели в Капскую Колонию.

"РЕЙНДЖЕРЫ ПУЛЛАЙНА"

В конце сентября, гостя в первом батальоне 24-го полка, я навестил полковника Пуллайна. После достойного обеда, затянувшись сигарой, полковник сделал мне неожиданное предложение.

– Послушайте, Браун, я создаю отряд волонтеров, который будет называться "Рейнджеры Пуллайна", но у меня нет возможности присматривать за ними самому. Эти люди высокой пробы, однако, требуют твердой руки. Как вы смотрите на то, чтобы завтра отправиться в их кемп за рекой и принять командование.

– Сэр, – заколебался я, – вообще-то я кавалерист и, честно говоря, не хочу связываться с "топтунами".

Но Пуллайн настаивал, апеллируя к тому, что у меня уже имеется успешный опыт командования пехотой, намекая на недавнее хождение "выручать" пост. Несколько минут полков-

ник щедро расточал комплименты, а я всячески увиливал от столь лестного предложения, поскольку до меня уже докатились слухи о его отряде, за короткое время успевшем заслужить специфическую репутацию. "Овечек Пуллайна", как они себя называли, больше опасались местные обыватели, чем кафры. Но приказ, даже завуалированный под дружескую просьбу, есть приказ. Естественно, к концу беседы мне пришлось подчиниться. Так вопреки своей воле я стал командиром Рейнджеров Пуллайна.

Ядро подразделения составляли две сотни крепких землекопов старой закалки, в наши дни почти исчезнувшей. В свое время, чтобы заполучить механиков и рабочих, необходимых на строительстве железных дорог и других общественных работах, в Англию отправили специального эмиграционного агента. В конце 1873 года он прислал в Колонию первую партию завербованных рабочих, а за два последующих года в общей сложности нанял более двух с половиной тысяч человек. Заполучить достаточное количество рук в Британии оказалось проблематично и несколько сотен мастеров кайла и тачки нашли в Бельгии и Германии. Землекопы, в своем большинстве, были сложившиеся мужчины, преимущественно в возрасте тридцати пяти – сорока лет. Большие, крепкие, сильные, способные в случае нужды вкалывать как мулы, а в свободную минуту поглощать спиртное, как пустыня поглощает влагу.

К началу боевых действий железная дорога считалась готовой на участке от Кей-Роуд до Квинстауна. С первыми выстрелами работы свернули. Перед властями встала проблема, что делать с людьми, занятыми на ее строительстве. Прочие общественные работы также тормознули, в результате чего Рейнджеры Пуллайна превратились в последнее прибежище для невостребованных и отверженных всеми местных буянов и гуляк. Мне рассказывали, что человеку, представшему перед судьей за пьяную драку или другое, не менее достойное занятие, предлагали нехитрый выбор – отправляться в тюрьму или

записаться в Рейнджеры Пуллайна.

В городе "Овечки" опостытели всем. Военные, наравне с гражданскими, не переносили одного их вида. Для армии присутствие Рейнджеров значило выделение дополнительных патрулей, а гражданские знали, что город будет раскрашен алым цветом гораздо щедрее, чем того желал колонист из самого дальнего захолустья. К своей чести, Рейнджеры, насколько мне известно, никогда не задирали женщин, детей и корректно ведущих себя мужчин. Зато их пьяный кутеж и веселье повергали в шок самых закаленных местных дебоширов.

Законопослушные горожане, не разделявшие фундаментальных жизненных принципов новоявленных защитников Колонии, с трудом выносили созерцание двух драк одновременно. А поскольку в воскресенье "Овечки Пуллайна" давали до дюжины представлений на каждой улице, их пребывание в городе считались нежелательным, несносным и нетерпимым.

Язык "Овечек" также отличался завидной степенью свободы. Правда, рядовой Рейнджер был несколько ограничен в наборе эпитетов, но с лихвой наверстывал этот изъян их многократным повторением. То, что "Томми" называли тяжелой работой: прокладывание дороги, рытье траншей, строительство форта — они считали детской забавой. Смотреть, как эти люди перебрасывают землю, на их жаргоне "навоз", было чистым наслаждением, а процесс поглощения данным контингентом спиртных напитков попадал в категорию чуда. Готов признать, если рядом обнаруживался трактир, "Овечки" становились несносны. Но стоило их вытащить в поле, подальше от пива и "Капского Дымка", дать их мозгам день-два проветриться, как с людьми происходили удивительнейшие метаморфозы.

Конечно, в определенном понимании, превратить таких людей в обычных солдат было невозможно. Но в вельде, проявив малую толику такта, вы могли делать с ними все, что пожелаете. Рейнджеры, несомненно, имели довольно ограниченное представление о воинской дисциплине. По своей сути они ос-

тавались прирожденными браконьерами, и самый тощий цыпленок на окрестных фермах не мог чувствовать себя в безопасности. Но в поле подобные мелкие пороки не имели значения, поскольку спиртного там не найти днем с огнем, курятники встречаются редко, а законы об охоте в военное время не слишком-то соблюдались. Несомненно, среднестатистический Рейнджер Пуллайна не принадлежал к типу, который бы рискнули бы пригласить в приличное общество на чашку чая или кекс, зато в драке любой предпочел бы иметь их на своей стороне и, чем жестче была драка, тем больше вы их ценили. Готов биться об заклад с кем угодно: Рейнджеры Пуллайна были отличным подразделением и, после "синих курток", наверное, самыми славными солдатами, с которыми мне пришлось иметь дело.

Но в октябре 1877 года мое знакомство с этими парнями едва намечалось. Миновав мост через реку и подъезжая к кемпу "Рейнджеров" я считал, что судьба повернулась ко мне в лучшем случае спиной. При расставании Пуллайн просветил меня, что в здешнем жарком климате построение принято проводить перед восходом солнца, поэтому я приехал в расположение части на рассвете. Кемп я видел, что само по себе обнадеживало, но, где же люди? Более того, где часовой? Оглядевшись, я заметил ствол винтовки, торчавший из куста, а подъехав ближе, обнаружил бойца, отдыхавшего в тени. На нем не было ни ботинок, ни носков, а об изношенных рубашке и штанах, чем меньше скажешь, тем лучше. Под глазом бродяги сиял восхитительный синяк, хотя, по правде говоря, я вообще затруднялся отыскать на его физиономии живое место. Шляпа на голове отсутствовала, что бойца, похоже, мало беспокоило. Зато в огромных ладонях жалобно поблескивала оловянная миска с каким-то варевом, которую он пристально изучал вторым, менее разукрашенным глазом.

– Дьявол тебя побери, ты кто такой? – начал я разговор с простого и, на мой взгляд, наиболее уместного вопроса.

– Я часовой и если меня не сменят, то, будь я проклят, если буду и дальше сидеть тут, как ворона. А ты, что за фрукт, и какого черта на меня орешь? – ответил он без лишних эмоций.

Я по возможности доходчиво объяснил бездельнику, что являюсь его новым командиром. Очевидно он не считал полученную информацию слишком важной, поскольку соизволил ответить, лишь неспешно расправившись с содержимым миски.

– Тогда двигай в сраный кемп и передай сраному капралу, что мне надоело тут торчать.

Аргументы в беседе с этим парнем выглядели бессмысленными, и мне оставалось лишь удрученно последовать его совету. Вскоре я подъехал к кемпу в котором не было ни души. Заглянув в караульную палатку, мне удалось обнаружить слегка помятый, крепко спящий караул. Полосонув по тенту хлыстом и не добившись реакции, я направился на офицерскую линию. Спешившись у крайней правой палатки, я увидел, что она плотно зашнурована. Это было уж слишком! Вскипев, я несколько минут стегал по тенту хлыстом и орал что есть мочи. Спустя какое-то время на меня все-таки соизволили обратить внимание, и донесшийся изнутри сонный голос лениво поинтересовался.

– Кто там бушует, мать твою?

Любопытствующий был проинформирован, что прибыл и бушует его новый командант.

– Вылезайте сейчас же и доложите, что у тут вас происходит!

Изнутри донеслось невнятное бормотание, перемежающееся восклицаниями. Затем послышалась какая-то возня, и в проеме нарисовались два всклокоченных субъекта, способные быть кем угодно.

– Ваше имя и звание, сэр? – обратился я к пугалу с более осмысленным взглядом.

– Лейтенант Брукс, – ответило оно.

– Почему люди не на построении?

– Я не думаю, что они в такую рань захотят выползть из па-

латок, — невозмутимо, но, должен признать, вполне доходчиво объяснил лейтенант.

— Отправляйтесь и разыщите сержант-майора²⁹, если здесь таковой имеется, — приказал я ему, после чего, не до конца проснувшееся существо, куда-то пошаркало.

Второго парня я отправил будить остальных офицеров. К этому времени меня переполняла решимость сделать жизнь нескольких обитателей этого балагана жалкой, а заодно подрезать хвосты остальному стаду баранов. Вскоре появился неплохо выглядевший, но все еще весьма хмельной субъект, пытавшийся застегнуть пуговицы мундира непослушными пальцами. Он оказался сержант-майором и, судя по всему, кадровым.

— Я попытаюсь, сэр, но не думаю, что они выйдут, — заметил он в ответ на мой приказ, вытряхнуть людей из палаток.

— У вас есть старые солдаты, конные полицейские или люди, помнящие, что такое дисциплина? Если да, то приведите их сюда.

Он отдал честь, и через десять минут привел небольшую колонну, численностью человек в тридцать. Сообщив бойцам о своем намерении немедленно произвести в жизни отряда некоторые перемены, я приказал им помочь сержант-майору извлечь людей из палаток. Сила армейской дисциплины превозмогла все. Последовало несколько жизнеутверждающих минут, во время которых я оттаивал душой. Бойцы, если на их понукания не наблюдалась немедленная реакция, бесцеремонно врывались в палатку, после чего оттуда появлялась туго соображавшая голова, а затем выкатывался и сам "Рейнджер Пуллайна". Таким образом, они извлекли на свет божий около двух сотен тел, которым я тут же устроил инспекцию. О, Господи! Что за толпа пьяных засранцев!

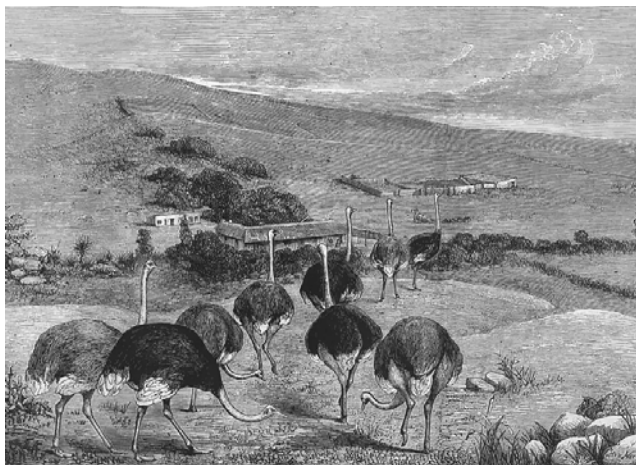
По окончании построения, офицеры получили приказ немед-

²⁹ Старший сержант

ленно приступить к занятиям с людьми. Оказалось, что лишь один из них имел представление о строевой подготовке и нельзя сказать, что его познания были обширными. Но, твердо намерившись продемонстрировать, кто здесь старший, я все-таки сумел заставить этих висельников, как бы маршировать. Добившись своего, но полный самых мрачных раздумий, я уныло взгромоздился в седло и поехал докладывать полковнику Пуллаину, что до тех пор, пока треть бродяг не будет уволена, и мы не задействуем нескольких компетентных офицеров, отряд нам не сформировать. Полковник воспринял мое заявление всерьез и таким образом мы породили "Овечек Пуллайна" – ужас округа и мою непреходящую головную боль.

В результате недели тяжелого труда кемп Рейнджеров Пуллайна у Кинг-Вильямса перестал вызывать ассоциации с загонем баранов, и мне приказали принять командование постом на одной из приграничных ферм. Хозяйство принадлежало местному колониальному тузу, как выяснилось требовавшему особого такта в обхождении. Гарнизон поста состоял из роты Рейнджеров Пуллайна, двух отделений регулярной пехоты и отряда Конницы Каррингтона. Ежедневно, владелец фермы, которому без британского гарнизона пришлось бы бросить на произвол судьбы все свое добро, приходил в палатку дежурного с пустяковыми жалобами: то мои солдаты сидят в тени его деревьев, то они обнесли какой-то ягодный куст. В один из вечеров почтенный землевладелец заявился, скуля, что мои разбойники украли с фермы лучшего самца страуса. Разведение страусов в то время быстро распространялось по всей колонии и считалось более выгодным, чем другие предприятия. Конечно, прибыль от продажи перьев, зависела от моды в Европе и Америке, но, разве может что-то сравниться со страусовым пером в качестве украшения женской шляпки. Плюмажи различались по качеству и степени белизны, поэтому при разведении была необходима тщательная селекция, и цены на некоторых птиц достигали фантастических высот. Считалось,

что страусы в Северной Африке имеют перья более чистого цвета, чем на юге континента, и в 1876 году из Берберии в Порт-Элизабет привезли четырех селективных птиц. К несчастью, стоимость их покупки и доставки оказалась настолько велика, что эксперимент более не повторялся. Именно об одном из "берберских" самцов и сокрушался хозяин нашей фермы.

Страусовая ферма в Капской Колонии

– Что за вздор! Скорее всего, он просто отбилсЯ от стада, – ответил я на его нытье, хотя в глубине души сразу же поставил на птице крест, будучи твердо уверен, что наиболее аппетитные куски элитного мяса давно нашли последний приют в желудках моих бойцов. Но вместилище концентрированного чванства продолжало меня донимать, и, отчаявшись от него отделаться, я приказал горнисту играть тревогу, означавшую, что каждый должен прибыть на свой пост. Кемп опустел.

– Теперь, – предложил я, – давайте пройдемся и посмотрим.

Мы заглянули в каждую палатку, в водовозки, обшарили пустые ящики из-под боеприпасов. Нигде не было ни перышка. Раздраженный, что при наличии кучи неотложных дел мне приходится заниматься подобной ерундой, я язвительно пред-

ложил сквалыге заглянуть в мою собственную палатку. Каково же было мое негодование, когда этот тип имел наглость принять подобное предложение.

Мгновенно отбросив язык притч и образов, я простыми незамысловатыми словами высказал ему все, что думаю о сложившейся ситуации, после чего важная шишка резво побежала к дому, бормоча под нос обещания не забыть, не оставить и не спустить.

Ночью Рейнджеры затеяли основательную потасовку.

"Дьяволы, вы что, страуса не поделили?!", – была первая мысль, спросонья пришедшая мне в голову. Но выйдя из палатки, я понял, что дело обстоит намного серьезнее. Драка шла отчаянная. Воздух дрожал от проклятий, и за пять минут бездельники пролили больше крови, чем за всю Кафрскую войну. Я поднял по тревоге остальной кемп, отловил смутьянов и приказал привязать их к колесам вагонов, после чего, с чистой совестью, отправился досматривать сон. На следующее утро, позавтракав, я распорядился привести ко мне главных затейников ночных забав.

Первым ввели громилу-землекопа, известного под прозвищем Кентский Джим.

– Вы обвиняетесь в создании беспорядков и сопротивлении патрулю. Что можете сказать в свое оправдание?

На стол обрушился кулак размером с баранью голову.

– Я вот, что скажу! – прорычал Кентский Джим.

– Стоять смирно! – одернул бойца сержант конвоя, ухватив его за плечо.

– Отвали, хренов ополченец, когда я говорю с командантом, – могучая рука в мгновение ока отправила оторопевшего сержанта в проем палатки. Затем Кентский Джим повернулся ко мне.

– Вы джентльмен и вы задали мне вопрос. Я хочу на него ответить. И, будь я проклят, если я позволю этой рыжей морде готовить в моем горшке...

Я дал парню три дежурства вне очереди, лишний раз убедившись, как непросто ладить с людьми, не имевшими представления о дисциплине.

На следующий день гигант предстал предо мной вновь. В этот раз он обвинялся в том, что, охраняя двух арестованных "томми", передал свою винтовку одному из них, а другого послал в лавку. Когда я поинтересовался, о чем он в тот момент думал, Кентский Джим разразился пламенной тирадой.

— Послушайте, мистер, я уже рассказывал этим хреновым говнюкам, как было дело. Утром сержант подошел ко мне и говорит: "Джим, сегодня у тебя дополнительное дежурство". Я сказал: "Хорошо, сержант". Я приоделся, начистил ружье, которое мне дали. Затем он поставил меня охранять двух недоумков, которым поручили выкопать яму к двенадцати часам. Тогда я сказал: "Хорошо, мистер лейтенант" и увел арестантов. Я сказал "томми" копать эту нору, на что они ответили, что мое дело стоять на часах. И сэр, я, до боли в животе смеялся, глядя, как эти охламоны держат лопаты. Потом я им сказал: "Парни, джентльмен приказал вырыть нору к двенадцати часам. Вы больше знаете о ружьях, так что возьмите винтовку, а я пока перекидаю навоз". Один "томми" взял винтовку, и я быстренько вырыл нору глубже своего роста. Тогда я сказал другому: "Возьми крону и дуй в лавку за пивом и табаком". Он сбегал. Мы уселись возле норы покурить и сполоснуть глотки. Тут вернулся офицер и сказал мне, что я арестован. Теперь я вас спрашиваю, сэр, какая от этого польза, черт возьми?

Что мне прикажите делать с человеком, имевшим столь смутные понятия об армейских порядках!?

Какое-то время вопрос наказаний в поле был моей непреходящей головной болью. Я не имею ввиду серьезные преступления, поскольку там нечего было пить и красть, а подразумеваю незначительные проступки. Такие нарушения, как опоздание или грязная форма на построении требовали соответствующих небольших наказаний, которые обычно представляли

собой лагерные работы – копание всевозможных ям для нужд кемпа. "Томми" ненавидели лопаты, но с моими людьми эта мера не работала.

Через какое-то время пребывания у фермы все земляные работы, до каких я додумался, были выполнены. Территорию кемпа по всему периметру окопали траншеями и, кроме патрулирования, тяжелых работ не осталось. Но разве можно было считать патрулирование тяжелой работой? Однажды мне потребовалось наказать трех бойцов, заявившихся на построение в грязной форме. Им было приказано выкопать яму для золы. Естественно, к провинившимся следовало приставить часового. Этот наряд, по злой иронии судьбы, вновь достался Кентскому Джиму. Совершая обход форта, я прошел мимо тройцы, лениво ворочавшей лопатами и караулившего их Джима.

– Извиняюсь, сэр, – обратился он ко мне.

– Не теперь, – прервал я, – если вы хотите поговорить, зайдите ко мне после несения службы.

Он выглядел несчастным, но больше не проронил ни слова. Вечером, увидев его слонявшимся поблизости, я подзвал Джима и спросил:

– Что вы хотели мне сообщить?

Он почесал затылок и несколько нерешительно начал:

– Послушайте, сэр. Этим утром, я только раздал карты, как сержант подошел ко мне и сказал: "Джим, ты назначен часовым над теми тремя, которых командант наказал утром". Я ответил: "Хорошо сержант". И пошел. Но, мне хотелось бы знать, кого из нас наказали, меня, или этих мудаков? Вы сказали им: "Вы, трое грязных ублюдков, я желаю вас затрахать, потому, что вы не держите себя в чистоте", так вы сказали.

Читатель, клянусь, что не говорил ни единого подобного слова, но, не желая препираться с Джимом, лишь протянул:

– И...

– Сержант приказал мне взять этих свиней и заставить их выкопать яму, а самому стоять пока они будут ее рыть, или

ходить вокруг с чертовым ружьем на плече, присматривая, чтобы они не сбежали. Куда, черт возьми, они могли сбежать? Единственное, чего они хотели, это чтобы в двенадцать часов принесли обед. Они не желали сбежать, а я хотел вернуться к игре. Вместо этого, я как дурак, ходил вокруг проклятой ямы. И вы считаете, что вы их наказали? Выкопать такую яму можно не выпотев даже пинту пива, если бы повезло ее иметь. Нет, командант! Когда вам будет нужна яма, скажите мне и я с радостью ее выкопаю, а эти свиньи пусть играют со своими винтовками. А если нужно кого-то наказать, то только скажите и Джим по-землекопски разберется с людьми, которые не желают выполнять ваши приказы.

Мне нравился Кентский Джим и, в глубине души, импонировало его предложение, но, к глубокому сожалению, я был вынужден отказаться, объяснив великану, что предложенный им метод наведения порядка противоречит уставу армии Ее Величества. Джим скептически на меня посмотрел и резонно заметил:

– Не думаю, чтобы наша добрая королева, благослови ее Господь! думала о подобной чепухе. Нет, это работа старого дурака Гладстоуна³⁰ и его прихлебаев.

Судя по всему, Джим был закоренелый "тори". Но, несмотря на различие наших политических пристрастий, я воспринял его подсказку и отставил в сторону наказания хозяйственными работами, заменив последние строевой подготовкой с полной выкладкой и стоянием на посту возле водовозки или кухни. Парни это дело ненавидели и очень скоро повсюду царили пунктуальность и чистота.

³⁰ Уильям Гладстоун – английский государственный деятель, консерватор, четыре раза возглавлявший Кабинет Министров.

This map illustrates the administrative divisions and geographical features of the Cape Colony and its neighboring territories. Key elements include:

- Regions and Chief Magistracies:**
 - BASUTOLAND** (Northwest)
 - CAPE COLONY** (Central and South)
 - CHIEF MAGISTRACY OF GRIQUALAND EAST** (Central)
 - CHIEF MAGISTRACY OF TEMBU LAND** (South Central)
 - CHIEF MAGISTRACY OF FINGO LAND OF TRANSKEI** (South)
 - PONDOLAND** (East)
 - INDIAN OCEAN** (Southeast)
- Towns and Settlements:**
 - Mt. Fletcher, Mt. Frere, Maclear, Qumbu, Tsolo, Libode, Ngqeleni, Port St. John's, Willowvale, Kentani, Butterworth, Tsoomo, Nqamakwe, Cala, Elliot, St. Marks, B. M. S., and others.
- Rivers and Waterways:**
 - Umzimkulu, Umzimvubu R., Bizana, Tugela R., Kei R., and others.
- Geographical Features:**
 - Drakensberg mountains, Natal, and various smaller hills and valleys.
- Scale and Orientation:**
 - Scale bar: 0 to 50 English Miles.
 - Latitude and longitude markings along the borders.

131

Часовой-финго

ПОКОРЕНИЕ ГАЛЕКАЛЕНДА

Лишившись своего крааля, но ускользнув из-под удара, старина Крели предпринял очередную попытку миром уладить конфликт с колониальным правительством. Он обратился с просьбой вернуть ему британского резидента и мистера Финна, заранее принимая любое решение губернатора относительно ссоры между его людьми и *финго*. Но британские власти, к тому времени принявшие решение включить Галекаленд в состав Колонии, отказали вождю под предлогом, что старик не контролирует "военную партию" и, следовательно, с ним бес-

полезно обсуждать какие-либо условия. Ему предложили сдаться, пообещав жизнь и максимально короткий срок заключения, отлично понимая, что Крели не примет подобных условий. Естественно, ответа не последовало.

Правительство проинформировало полковника Гриффита, что в будущем намерено управлять территорией Галекаленда, как неотъемлемой частью южноафриканского доминиона Ее Величества. Соответственно, всем обитателям гарантировалась защита жизни и собственности, взамен на обязательства платить налоги для содержания органов управления. Гриффиту вменялось в обязанность разоружить *галека*, пожелавших сдаться, и вернуть их к мирным занятиям. Вожди не признаются. Скот, в случае захвата, не распределяется как приз. Земли племен, участвовавших в войне, продаются для возмещения расходов. Таким образом, Гриффит получил задачу разбить армию *галека*, разрушить краали, чтобы воины не могли собраться вновь и конфисковать скот, чтобы привести туземцев к покорности.

Восемнадцатого октября, выполняя правительственные указания, полковник тремя колоннами двинул своих людей параллельно побережью, вытесняя *кхоса* к границе Бомваналенда, в долину Башии-Ривер. Правая колонна, которой командовал он сам, направилась к устью Кей, а затем повернула на восток, выше леса Мануби. Европейцы и артиллерия, можно сказать, совершали прогулку, в то время как основную работу выполняли *финго*. Черные союзники зачищали территорию вдоль маршрута, жгли краали и выискивали скот. *Галека* практически нигде не оказывали сопротивления и лишь пытались выйти из-под удара.

Левая колонна состояла, преимущественно, из *тембу* под командованием майора Эллиота, а центральной, насчитывавшей 255 европейцев и 2000 *финго*, при одном 9-фунтовом оружии, командовал инспектор Хук. Колонна Хука получила приказ двигаться к лесу Мануби и, заняв удобную позицию, дать

возможность людям Гриффита зайти противнику во фланг, от берегов Кей. Таким образом, планировалось поймать основные силы *галека* в сеть, не позволяя им вторгнуться на территорию Колонии.

Я встретил Девида Хука в Ибека, за неделю до планируемого выступления. В тот день определенные административные неурядицы требовали моего присутствия в главном кемпе. Инспектор Хук прибыл туда же принять под свое командование отряд бюргеров из Крадока.

– Браун, не желаете прогуляться к побережью, – были его первые слова при встрече у входа в штабную палатку.

– И прихватить купальный костюм? – отшутился я. – С удовольствием окунуться в океан, чтобы смыть с себя бочку дерьма, которую мне только что вылили на голову.

– Проблемы с личным составом? – посочувствовал Хук.

– Скорее с мясным рационом, – и я, вкратце, поведал инспектору о своих злоключениях на ферме и страусе, уже упомянутом в предыдущей главе.

– Тем более, Браун, предлагаю вам исчезнуть на пару недель с начальственных глаз, пока все утрясется, а заодно немного развеяться.

Инспектор Хук, прекрасно ориентировался в колониальной иерархической лестнице. Замолвив пару слов здесь, пару там, он легко добыл мне временное откомандирование в свою колону.

Мы выступили 18-го числа. Уже к вечеру следующего дня, оставив позади сожженный в первом набеге крааль Крели, колонна достигла верховий реки Лусизи, где поставила кемп. По дороге мы миновали нескольких разоренных торговых постов, сожгли десяток покинутых хижин, но не встретили даже следов противника. *Финго*, зачищая территорию по обе стороны маршрута, где-то откопали припрятанные в ямах запасы маиса и, набив животы зерном, были счастливы, как дети, укравшие яблоки в соседском саду. Утром 21-го октября, две партии ту-

земцев отправили на рекогносцировку к лесу Мануби. Вскоре они вернулись, пригнав толпу женщин и детей, а также пять сотен овец. По словам разведчиков, в лесу укрыто большое количество скота и лошадей, которых *финго* страстно желали заполучить.

Кемп у Лусизи

Галека нанесли ответный визит в два часа пополудни. Наш кемп располагался на небольшой возвышенности. Впереди темнел лес Мануби, слева – густо заросший клооф³¹ Кора. Справа и в тылу виднелись глубокие ложбины с лесистыми склонами. Таким образом, удар мог последовать с любого направления.

Несколько тысяч воинов *кхоса* атаковали нас от леса и с левого фланга. *Финго* тут же выступили им навстречу. Черные сошлись настолько близко, что наше орудие не могло стрелять, опасаясь попасть по своим. Европейцы, не вмешиваясь, оставались позади, готовые в любой момент отразить возможную атаку с правого фланга.

Это был один из лучших туземных боев, которые мне дово-

³¹ Клооф – глубокое узкое ущелье

дилось видеть. Противники развернулись двумя плотными цепями. Одни спинами к лесу, другие к нам. Две черные ленты то схлестывались, то расходились, паля из ружей и швыряя друг в друга ассегаи. *Финго* имели намного больше стволов и поддерживали горячий огонь, в то время как выстрелы *галека* звучали относительно редко. Вожди обеих сторон: Сигкава, командовавший *галека* и командир *финго* – чернокожий капитан Вельдман, находились впереди, подавая пример своим людям. Должен признать, с их стороны это выглядело довольно безрассудно. Особенно рисковал командир *финго*, имевший намного больше шансов получить шальную пулю в спину, чем намеренно брошенный ассегаи в грудь.

Бой, без видимого преимущества какой-либо из сторон, продолжался около получаса. Неожиданно, *галека* дрогнули и побежали к лесу и Кора-клооф. Наши *финго* с победными воплями погнались за ними. Было жаль, что столь красочное и напряженное действо, так быстро закончилось. К тому же противник не был разгромлен, а просто покинул поле боя.

В ходе преследования мы потеряли двух белых офицеров туземного отряда – братьев Госс, в азарте боя углубившихся за противником в густой буш, где нарвались на смертельные удары ассегаев. Молодые парни были англо-голландского происхождения, родом из Крадока. Оба превосходные наездники, а Майкл Госс, к тому же отличный боксер, говорят, бравший уроки у настоящего призового бойца и сумевший расквасить нос собственному учителю. К сожалению, для войны в буше хладнокровие и терпение предпочтительнее силы и азарта. Мы похоронили братьев в глубокой могиле, над которой инспектор Хук прочел краткую молитву. Это все, что мы могли для них сделать.

Полковник Гриффит, услышав о бое, поспешил к нам, но опоздал. Он одобрил действия инспектора Хука, но долго сокрушался, что *галека* столь поспешно ретировались, не дав себя как следует выпороть.

Клооф, где погибли братья Гоос

Хук поручил адъютанту составить список потерь с обеих сторон. В ходе боя мы потеряли около сорока *финго* убитыми и ранеными, насчитав шестьдесят семь мертвых *галека*. Было подобрано около тридцати дульнозарядных ружей и захвачено пятнадцать лошадей. Схватка подобного масштаба давала возможность рапортовать о 500-1000 убитых *галека*, но инспектор Хук ненавидел приписки. Он со смехом вспоминал, как в прежней войне, согласно сводному списку убитых *кхоса*, племя поголовно вырезали три раза, хотя на деле, к концу боевых действий его численность практически не уменьшилась.

Мы как раз обсуждали эту тему, когда проходивший мимо офицер поинтересовался:

– Хук, как вы доложили об этой акции?

– Что тут докладывать? – усмехнулся инспектор, – я рассказал полковнику Гриффиту, что случилось, и весь доклад.

– Я бы, на вашем месте, составил хороший рапорт. Оценка боя, всегда зависит от рапорта, старина! Что-нибудь в духе

великого римлянина: "Veni, vidi, vici"³²

– Что меня всегда умиляло, так это потуги муравьев сравняться с великими, – заметил Хук вслед удаляющемуся офицеру.

Ближе к ночи погода испортилась. Небеса разверзлись, и на кемп обрушился водопад. Иссохшая земля, недавно звеневшая словно камень, мгновенно превратилась в вязкое болото. Штормовой ветер рвал парусину тентов. Несколько палаток сложились, пикетные колья повалило и они, сбившись в плавающий островок, дружно дрейфовали к дежурной палатке. Покинув штабной тент в сгущавшихся сумерках, я добрался к себе, промокший до копчика. Надев единственный сухой жакет и закутавшись в одеяло, я едва согрелся, как вокруг раздалась истошные вопли: "Тревога! Подъем! Нас атакуют!" В подобных случаях мешкать не стоит. Схватив винтовку, я выскочил под ливень, но не успел сделать и пару шагов, как почувствовал, что земля разверзается под ногами, и в мгновение ока оказался по шею в воде! Проклятый муравьед! Меня угораздило провалился в глубокую нору, вырытую безмозглой тварью рядом с палаткой. Самостоятельно выбраться из ловушки, заполненной липкой грязью, не было никакой возможности, так что оставалось лишь звать на помощь, надеясь перекрычать стоявший гвалт. Мимо, щедро окатывая мое лицо то брызгами, то комьями раскисшей земли, мелькали чьи-то ноги. Проклиная и отплеиваясь, в такие мгновения я искренне опасался, что мне вот-вот снесут голову. Суматоха стояла невообразимая. Бедлам, обычный при угрозе ночного нападения, усугубляли эмоциональные чернокожие, носившиеся по всему кемпу и оравшие, словно уже заполучили ассегай в зад. Раздалось несколько одиночных выстрелов, за ними последовал залп, затем еще один.

³² "Veni, vidi, vici" – "пришел, увидел, победил", слова Юлия Цезаря о победе над Фарнаком, сыном Митридата

Я пытался нащупать край воронки, но он постоянно оплывал, не давая возможности зацепиться. Положение было, не из приятных. Наши люди вступили в бой, а я принимаю грязевые ванны!

Внезапно зазвучали команды "Прекратить огонь" и наступила тишина. К счастью, тревога оказалась ложной, но об этом я узнал лишь, когда объявился Квин, выискивавший меня по всему кемпу. Попеременно проклиная дождь, паникеров, негров и представителя отряда неполнозубых, он, не без труда, извлек меня из западни. Отмывшись, насколько представлялось возможным, в ручье, мы понуро брели к моей палатке, когда наткнулись на двух столь же понурых офицеров Капских Конных Стрелков, чьи люди, неся службу во внешнем пикете и стали причиной паники. Как зачастую бывает в подобных случаях, караульный выстрелил во что-то, показавшееся ему силуэтом крадущегося *галека*, после чего пикет столь поспешно и шумно отошел, что его топот приняли за атаку *кхоса*. Опасаясь угодить под дружественный залп, приятели нырнули в реку и теперь, мокрые и несчастные, искали, где бы укрыться от непогоды. Посмеявшись над их злоключениями и рассказав о собственных, я пригласил парней к себе, где наша компания приняла лечебную дозу добротного французского коньяка.

На следующий день, мне пришлось выслушать на свой счет немало шуток и ремарок. Часть из них касалась необычного цвета моей кожи. Острословы заверяли, что я стал слишком походить на *галека* и советовали быть осторожнее. Дело в том, что земля в распроклятой норе оказалась какого-то едкого ярко-оранжевого цвета, вследствие чего мои руки и лицо приобрели странный оттенок. Вторым благодарным объектом для шутников стал наш забавный резидент в Галекаленде, полковник Юстас, всю ночь простоявший по-щиколотки в воде, подпирая грозивший рухнуть шест своей палатки.

Тридцатого октября полковник Гриффит продолжил преследование противника, поспешно уходившего за Башии-Ривер, в

Бомваналенд. Войска двигались несколькими колоннами, достаточно близко друг от друга, чтобы в случае необходимости, собраться вместе, в то же время зачищая достаточно широкую полосу. Впереди колонн сновали скауты-*финго*, а промежутки контролировали *тембу* майора Эллиота и несколько отрядов *финго* под командованием своих вождей. Наши черные союзники с нескрываемым энтузиазмом сжигали все встреченные хижины и выгребали маис из зерновых ям. Европейцы брезговали питаться найденным зерном из-за его отвратительного вкуса, зато черные от души набивали животы этой гадостью, демонстрируя великую силу привычки! Нас донимали постоянные дожди. Транспортные вагоны увязли в грязи, а вместе с вагонами увязла и провизия. Иногда единственной пищей был кусок мяса, отрезанный от туши вола, и тогда мы с Квином поминали старые дни у Таранаки и Вангануи.

Перестрелка волонтеров с галека

Разведчики сообщали, что *галека* с женщинами, детьми и скотом, разбившись на небольшие группы, уходят на восток. Иногда такие партии удавалось перехватывать, при этом, пораженные отчаянием и паникой, они не оказывали сопротив-

ления. Мы считали, что противник задержится в большом лесу на правом берегу Башии-Ривер, близ устья реки, но *галека* переправились на другой берег и ушли в Бомваналенд. Казалось, они утратили остатки доблести и всякую надежду на успешное сопротивление, желая одного – убраться подальше и рассеяться среди других племен.

Полковник Гриффит, желая перед вторжением в Бомваналенд скоординировать действия основных сил с колонной майора Эллиота, обратился ко мне с просьбой доставить майору определенные инструкции. Я с удовольствием согласился и в компании нескольких Конных Полицейских, совершил переход к форту Малан, где, как и предполагалось, нашел майора Эллиота с контингентом *тембу*, ожидавшего дальнейших указаний.

Выше упоминалось, что британцы вторглись в Галекаленд тремя колоннами, параллельно береговой линии, вытесняя *галека* в долину Башии-Ривер. При этом колонна майора Эллиота двигалась несколько по диагонали, оставляя Башию по левую руку и заходя с фланга.

Первое столкновение Эллиота с противником произошло недалеко от границы, у крааля Нкаду. *Галека* занимали удобную позицию под прикрытием скал и буша, но их огонь был слаб и неточен. Туземцев быстро вытеснили с опушки, однако, вступив в заросли, наши люди утратили огневое преимущество, оказавшись с противником в равных условиях. Работу в буше выполняли преимущественно *тембу*, действовавшие следующим образом: растянувшись в боевой порядок, отряд приближался к кромке леса, делал несколько залпов в сторону зарослей, а затем бросался в атаку. Продвигаясь в густом кустарнике, *тембу* великолепно держали линию, используя определенную систему сигналов. Время от времени, вдоль строя проносилось зловещее "шши-шши", означавшее, что еще один враг получил удар асsegаем, и тот, кто слышал этот полусвист-полушипение, никогда его не забудет. Пощада редко проси-

лась и еще реже даровалась. По обычаям кафров, пленник, которому даровали жизнь, выкупался или присоединялся к племени победителя. Но, в сложившихся обстоятельствах, *галека*, как товар, ценились слишком дешево, чтобы с ними возиться.

Я припоминаю один из немногих примеров милосердия, случившийся гораздо позже, в войне с восставшими *басуто*, проявленный при обстоятельствах, делающих честь победителю. Это произошло туманным утром в Драконовых горах, где *бака* гнали, уходивших от преследования *басуто*. Когда туман несколько рассеялся, скаут *бака* обнаружил, что стоит напротив одинокого воина *басуто*. Оба имели ружья и выстрелили друг в друга почти одновременно. Оба промахнулись. Отбросив ружья, они бросились друг на друга с ассегаями в руках. Вскоре *бака* был слегка ранен, но схватился с противником врукопашную. Оба были сильными и ловкими воинами и оба отчаянно боролись за жизнь. Сцепившись, они покатались по склону горы, при этом каждый пытался стать "верхней собакой". *Бака* выиграл у *басуто* и тот запросил пощады. Даже разгоряченный боем, *бака* пощадил противника, довольствуясь оружием врага, как доказательством победы. Спустя годы кафр из Восточного Грикваленда доставил послание: "Если увидишь Салану, сына Ндумдум, который пощадил меня в горах, скажи ему, что я все еще жив, и если он придет меня повидать, я дам ему корову". Долг чести не был забыт!

Следующее после Нкаду столкновение произошло у Шиксини. Хотя это были лишь мелкие стычки, успех воодушевил *тембу*. Они видели, как старый и грозный враг бежит, бросая скот и имущество.

Фланговый маневр майора Эллиота оказался весьма эффективным. После короткой задержки у Форт-Малан, где он дожидался доставленного мной приказа, Эллиот возобновил движение. Я принял приглашение капитана Уолтера Стэнфорда присоединиться к его отряду и послал с возвращавшимися Полицейскими записку инспектору Хуку, сообщая о своем

решении.

Стэнфорд более четверти века отдал службе в Пограничной Конной Полиции. Он великолепно знал Кафрарию, прекрасно ладил с туземцами, понимая их язык, носил бороду "а ля бур", мало праздновал начальство, но был исправным служакой. В колонне Эллиота, Стэнфорд командовал тремя сотнями *тембу* – отличными воинами из клана вождя Умгудхлвы, во главе со старшим сыном вождя по имени Ланга. Часть контингента *тембу* составляли люди другого вождя – Манделы. С нами также был небольшой отряд *финго* из округа Идутива, под командованием Хедмана Печаны (за умение писать прозванного соплеменниками "клочок бумаги"), в жилах которого текла индийская кровь. В качестве лейтенантов Стэнфорд привлек четверку отличных парней из Квинстаунских Волонтеров.

Отряд шел налегке. Европейцы имели легкие патрульные тенты, увязанные на спинах лошадей, а несколько маневренных "шотландских" картов, запряженных волами, везли довольно ограниченный запас продуктов. К счастью Стэнфорд имел замечательного офицера по снабжению – капитана Джона Скотта, одно время подвизавшегося на миссионерском поприще, а затем исполнявшего должность магистрата в Тембуленде. За годы общения с кафрами Скотт хорошо изучил их уловки, доставая провизию, в прямом и переносном смысле, из-под земли. Если еды не хватало, никто не роптал, зная, что Джон и так делает все возможное. Его энергия и азарт иногда ставили в тупик. Как-то, имея неосторожность пойти с ним "коротким путем", я обнаружил, что для этого придется лезть через колючую изгородь высотой не менее пяти футов.

Ознакомившись с распоряжениями полковника Гриффита, командир колонны приказал своим людям продолжить наступление. Первым делом он выслал усиленный патруль, в состав которого вошел и отряд Стенфорда, в район горы Мбондо. Командовал патрулем инспектор Балли. Местность была очень гористой. Командир патруля приказал идти с облегченными

седлами, предполагая к вечеру вернуться в кемп. Отряд выступил, едва посерел восточный горизонт и уже к полудню достиг гребня Мбондо. Противника нигде не было. Инспектор Балли решил продолжить движение в направлении долины Башии-Ривер и, разделив патруль на две колонны, с одной из них свернул к Рамра-Дрифт³³.

Отряд Стенфорда, усиленный Квинстаунскими Волонтерами, составлял костяк второй колонны, принявшей правее. Едва мы начали спуск к Башии, как попали под огонь *галека*, скрывавшихся за валунами и в кустарнике. При первых выстрелах я заметил, что вождь Мандела, стоявший поблизости, снимает с себя штаны, передавая их помощнику. "Если нам придется бежать, – объяснил он, заметив мое недоумение – без них легче". После чего философски добавил: "Бог не сделал все сердца одинаковыми". *Тембу* и *финго* развернулись в боевую линию, предприняв попытку взять противника "на испуг", но через 200 ярдов их боевой задор поутих. Прячась от пуль, кафры залегли за укрытиями, которых на гребне хватало. На этом рубеже капитан Стэнфорд, не желая напрасно рисковать жизнями своих черных воинов, решил дожидаться подхода Квинстаунских Волонтеров, способных оказать серьезную огневую поддержку.

Двое молодых полицейских доставили записку командира патруля просившего поторопиться и встретить его внизу, у дрифта. Вручив бумагу Стенфорду, они поинтересовались мнением капитана:

– Сэр, как вы полагаете, инспектор Балли не будет возражать, если мы останемся с вами?

– Конечно, нет! – успокоил их капитан, обрадовавшись двум дополнительным стволам, и через минуту пареньки лежали за валунами, опустошая патронные подсумки.

Когда на сцене возник капитан Уэбб со своими Волонтерами,

³³ Дрифтом в Южной Африке называют брод.

Стенфорд отдал приказ атаковать.

Это был первый бой рядового Мюхленбека, впоследствии капитана, прекрасно зарекомендовавшего себя в войне с Трансваалем три года спустя. Сгорая от нетерпения и боевого задора, молодой человек чуть ли не бежал, значительно опережая остальных. Проходя мимо меня, он возбужденно поинтересовался:

– Где? Где они?!

– Там, – указал я на позицию *галека*.

Мюхленбек пошел дальше и, естественно, стал главной мишенью стрелков противника. Вскоре он молнией мчался обратно с возмущенным криком:

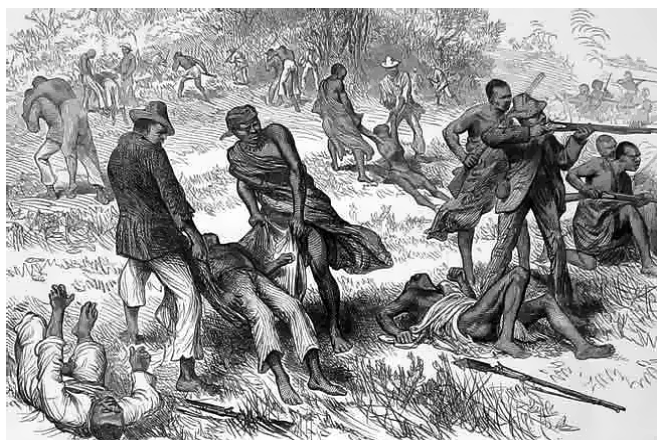
– Эти мерзавцы по мне стреляют!

– Ложись и стреляй в ответ, – посоветовал я, чем малец и занялся с большим энтузиазмом.

При огневой поддержке Квинстаунских Волонтеров мы быстро оттеснили противника в буш, куда за ним устремились наши негры. Рукопашная свалка в зарослях обошлась нам в несколько раненых, одним из которых стал *финго* по имени Умзиньелва, получивший удар асsegаем. В охотничьем азарте он преследовал убежавшего *галека* и не заметил другого, в свою очередь гнавшегося за ним. "Обернись!" – крикнул кто-то из соплеменников. Умзиньелва оглянулся в тот самый момент, когда в него полетел асsegай. Лезвие слегка прошло негру по носу, следует сказать – весьма выдающемуся. Незадачливый охотник, в мгновение ока превратившийся в дичь, благоразумно решил покинуть поле боя и, придерживая кончик носа, болтавшийся на лоскуте кожи, побежал искать доктора. Доктор Халл проявил неожиданную гуманность, очевидно спровоцированную длительным бездельем. Вместо того, чтобы просто оттяпать лишнее, наш эскулап на удивление удачно обработал рану Умзиньелвы, который с тех пор весьма гордился шрамом, отметившим удар вражеского асsegая.

Сбив *галека* с позиции, мы беспрепятственно спустились к

реке, где у брода встретились с инспектором Балли. Наш патруль достиг границы Галекаленда. Далее, за рекой простирались земли *бомвана*. Большие стада скота, охраняемые лишь пастухами, вызывая бродили по другому берегу – слишком большое искушение для наших людей. После непродолжительного военного совета отряд перешел границу, сбил вражеский заслон, прикрывавший скот и хорошо поживился. Наконец у нас было свежее мясо. Вернувшись на западный берег с животными, по капризу судьбы столь часто менявшими владельцев, мы поставили кемп.

Кафры уносят своих раненых

На следующее утро Балли решил прочесать долину Нкабара, где в 1835 году расстался с ушами верховный вождь *кхоса* – Хинтса. Двигаясь вверх по долине, мы постоянно наблюдали скаутов *галека*, но не встретили ни одного большого отряда. Патруль сжег несколько краалей и добыл какое-то количество коз и овец.

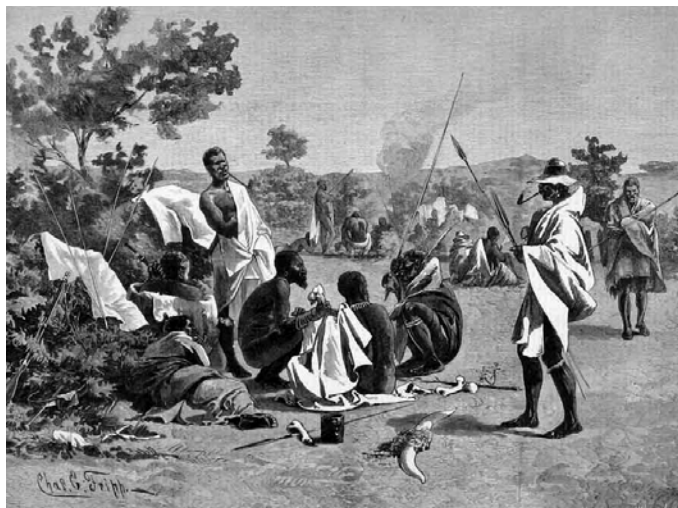
В одном из краалей мы со Стэнфордом обнаружили несколько еще не сожженных хижин. Рядом сидела слепая женщина *галека* на лице которой застыла твердая решимость принять любой удар судьбы. Стенфорд обратился к ней на ее языке и

спросил, знает ли она безопасное место поблизости, куда ее можно провести, чтобы она не пострадала от наших кафров. Слепая попросила отвести ее к скоплению больших валунов под скалой, неподалеку

– Благодарю тебя, мой друг, – обратилась слепая к Стенфорду, дипломатично изобразив, что не понимает, кто перед ней, – я боялась, что белые люди причинят мне зло, если я останусь в краале.

Едва мы возобновили движение вверх по руслу Нкабары, как на склоне гребня, слева от нас заметили безоружного *галека*, убежавшего от троицы *финго*. Выскочив на участок, покрытый зарослями тамбуки³⁴, он нырнул в них, словно куропатка. В этот момент к преследователям присоединилась еще пара *финго*, и пятерка, растянувшись в линию, двинулась по заросшему участку, словно охотники, загоняющие дичь. В центре травянистых зарослей виднелась небольшая группа деревьев, очевидно росших из какой-то впадины. Там *финго* и окружили свою добычу. У двоих преследователей имелись ружья, трое держали наготове ассегай. Раздались два выстрела, не причинивших беглецу видимого вреда, и я видел, как ассегай полетели в цель. *Галека* оказался отличным бойцом. На лету поймав один из брошенных в него ассегаяев, он выскочил из укрытия и, делая оружием выпады во все стороны, отогнал *финго*. Затем, игнорируя смущенных противников, издал победный клич и, на виду всей колонны, побежал к вершине холма. Туземец находился от нас не далее шестисот ярдов, и на него обрушился град пуль. Но хранимый судьбой, благоволящей отважным, *галека* сумел перевалить за гребень невредимым, насколько я мог судить. Не скрою – мне было приятно видеть, что доблестный человек спасся. Несколько лет спустя я услышал о нем от другого *галека*, рассказавшего, что эта история была широко известна, и парень действительно не пострадал.

³⁴ Травя-тамбуки – гипаррениа, разновидность высоких злаковых трав.

Кемп финго

Третий день патрулирования застал нас плетущимися вверх-вниз по бесконечным склонам хребта Мбонго. Все изрядно устали и изголодались. Инспектор Балли, благоразумно сцадя лошадей, приказал людям спешиваться на крутых участках и вести животных в поводу. Изнемогая от жары, способной расплавить камни, люди ворчали, но следовали примеру командира патруля, коренастый силуэт которого неизменно маячил впереди. Инспектор шел наравне со всеми, поэтому никто не смел жаловаться. Дрифт, по которому мы пересекли Башии и вступили в Бомваналенд, известен под названием Гамгха. Это, как мне объяснили, *готтентотское* слово, означающее "лев". Где-то в этих местах экспедиция ванн Реенена в 1789 году искала выживших с потерпевшей крушение "Гросвенор". В состав экспедиции входили слуги *готтентоты*, возможно и давшие броду подобное имя. Другой местный топоним, связанный с первой экспедицией, посланной сюда голландцами – "Тафа-ле-хаше", что означает "равнина лошадей". Ван Реенен сообщал, что обнаружил в Бомваналенде лошадь, бегавшую со

стадом антилоп. Когда ее поймали, выяснилось, что она уже обьежена.

Вечером посыльный доставил патрулю приказ майора Эллиота возвращаться в Форт-Малан. Мы достигли кемпа как раз в момент выступления контингента, остававшегося с командиром колонны. Часть *тембу* сразу же присоединились к нему, но основному составу "голодающего патруля", как нас в шутку прозвали товарищи, дали возможность отдохнуть. Выспавшись и наевшись, мы догнали колонну Эллиота ниже Гамгха-дрифт на следующий день.

По широкой полосе вытопанной и съеденной скотом травы, по остаткам временных укрытий, наскоро сложенных отступавшим противником, мы поняли, что основная масса *галека* уходит через Бомваналенд в восточном направлении. Также стало ясно, что наша колонна опережает остальные британские колонны. Будучи уверенным в своих людях и имея в распоряжении несколько орудий под командованием лейтенанта Кохрейна, Эллиот решил преследовать противника, не дожидаясь подхода основных сил.

При спуске с высот Башии и переправе через реку, мне поручили присматривать за транспортировкой орудий, а также картов с боеприпасами и провизией – должен признаться, довольно сложная и утомительная работа, требующая определенных навыков. Решив заново не изобретать колесо, я отобрал людей, занимавшихся перевозками в мирной жизни, или умевших обращаться с упряжками, предпочтя не вмешиваться в их работу. Не могу сказать, что все прошло гладко, но столь нехитрым образом мне удалось избежать существенных задержек на моем участке ответственности. К сожалению, в густом буше, отягощенные орудиями и повозками, мы не имели реальных шансов перехватить *галека*, поэтому командир колонны решил, что инспектор Балли сформирует летучий отряд и налегке пойдет вперед. Капитан Стенфорд и я также были откомандированы в этот патруль.

Конные Волонтеры Албани

Ближе к вечеру отряд спустился с восточных склонов Башии и до полуночи продирался через буш, изрезанный бесконечными оврагами. Туман сильно ограничивал видимость. То и дело срывающийся дождь промочил всех до нитки. Люди, натываясь на ветки и спотыкаясь в темноте о камни и коряги, двигались все медленнее. Один отряд вообще потерялся. Опасаясь растерять людей и сбиться с дороги, командир патруля приказал остановиться и дожидаться рассвета. Учитывая возможность внезапного нападения, лошадей не расседывали. Люди замотались в плащи и одеяла и, кто как исхитрился, пристроились на раскисшей земле в надежде немного отдохнуть. Не обошлось без курьеза. Один излишне предусмотрительный волонтер привязал поводья своей кобылы к ноге. Среди ночи животное чего-то испугалось в темноте и понесло. Бивак, едва согревшись и задремав мокрых коконах, был поднят воплями бедолаги, несшегося куда-то вдаль, стуча задом по мокрым кочкам. К счастью для бойца, дело обошлось без серьезных травм.

Наконец к общему облегчению наступил рассвет. К этому времени подтянулся заблудший отряд. Его офицер искренне и пылко доказывал, что придерживался правильного направления, а с пути сбились все остальные. Продрогший и не выспавшийся, с первыми лучами солнца патруль продолжил движение. Следы уходивших *галека* становились все горячее. Нам повстречались несколько групп телят, брошенных в ходе бегства. Жалобно мыча, они стояли, понунив головы. В зарослях вблизи Гксвалени, несколько раз попадались небольшие отары овец и стада коз. К середине дня отряд прошел Бомваналенд насквозь, вступив на территорию *аматшези*, которые, подобно *бомвана*, объявили себя "сидящими тихо" и, насколько я могу судить, действительно придерживались нейтралитета.

Инспектор Балли решил разделить патруль. Взяв с собой Полицейских, он направился к устью Умтата-Ривер, приказав Стенфорду переправляться через реку выше по течению, по, так называемому, "приливно-отливному" дрейфу. У холмов Умтата, мы вошли в огневой контакт с противником, значительно превосходившим нас численно, и остановились. Арьергард *галека* вел интенсивный огонь с кромки буша, прикрывая большое стадо скота, уходившее за реку. Лишь когда к нам вернулся отряд Балли, не сумевший переправиться на другой берег в районе устья, противник покинул позицию на гребне.

Тропа, извивавшаяся вверх по склону, пробегала мимо скопления огромных валунов, представлявших весьма удобное место для засады. Естественно, командир патруля отдал приказ выслать скаутов. Наш неугомонный снабженец, капитан Скотт, пребывая в философском расположении духа, решил воспользоваться случаем и проверить собственное поведение под огнем. Природа обязанностей долго удерживала бывшего миссионера от непосредственного участия в вылазках и перестрелках. Но в этот день, словно по наущению дьявола, наш отважный капитан зашагал напрямик к валунам, не обращая

внимания на предостерегающие окрики. Он успел уйти ярдов на двести, когда один из полицейских, несомненно посланный ангелом-хранителем, направился следом за Скоттом. Дойдя до валунов, Скотт жестами показал, что все чисто и, довольный собой, присел отдохнуть, дожидаясь подхода колонны. Едва он достал трубку, как совсем рядом пролетел и воткнулся в землю асsegай. Капитан встрепенулся, словно кролик, и лишь тут заметил четверых *галека*, успевших подкрасться к нему довольно близко. Нашего храброго, но легкомысленного кормильца от верной смерти отделяло несколько мгновений. Но, видимо, Парки были заняты другим делом, или попросту поленились перерезать нить судьбы. Винтовка, трубка и шляпа капитана остались там, где он присел, а сам Скотт мчался вниз со стремительностью горного потока, преследуемый попятаям четверкой кафров. Помочь ему было решительно невозможно. Никто, включая поднимавшегося по тропе полицейского, не мог стрелять, не рискуя попасть в капитана. На счастье, парень не последовал заразительному примеру старшего товарища, а, посторонившись и пропустив его мимо, с безрассудной отвагой юности, заслонил дорогу преследователям. Вскинув винтовку к плечу, понимая, что успеет выстрелить лишь раз, он переводил ствол с одного кафра на другого. Пока те колебались, решая кому броситься на верную смерть, на выручку юноше подоспели несколько наших бойцов. Затрещали выстрелы. Один *галека* поймал пулю в голову, остальные благоразумно нырнули в буш. Если бы не отважный парень, задержавший кафров, ставя на карту собственную жизнь, капитан Скотт не пережил бы приступ собственного безрассудства, граничившего с откровенной глупостью.

С нашего берега Умтата-Ривер, было хорошо видно, как стада скота, уводимые *галека*, расползались по холмам на противоположном берегу – уже в Пондоленде. Но мы не могли их преследовать, поскольку брод контролировал большой отряд кафров. Инспектор Балли некоторое время колебался, не ата-

ковать ли противника имевшимися силами, но благоразумно принял решение дожидаться майора Эллиота с основным контингентом *тембу*.

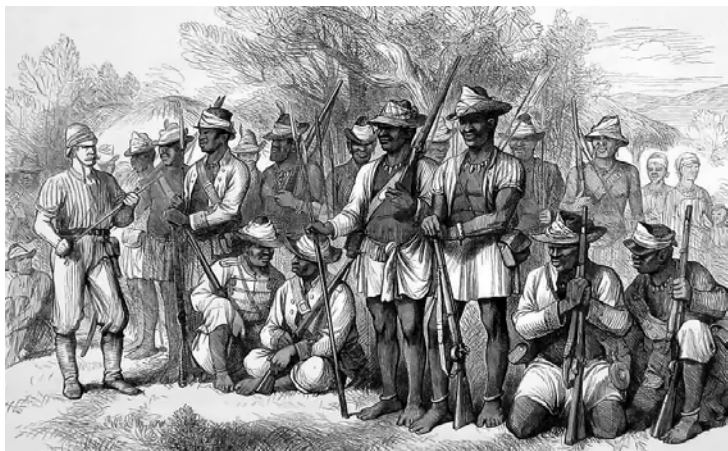
Я упоминал, что колонна Эллиота несколько опережала другие колонны, в том числе и отряд инспектора Хука, состоявший из 522 европейцев, преимущественно белых волонтеров, при двух полевых орудиях. Хук подошел к Башии-ривер 7-го ноября. Полковник Гриффит разрешил командиру отряда построить плот и с его помощью перебросить людей на другой берег. Но из-за прилива, несшего громоздкое плавсредство куда угодно, только не к нужному берегу, с большим трудом удалось перебросить лишь небольшую партию Капских Конных Стрелков Маклина и два десятка людей Хука. Остальные направились к дрефту, расположенному выше по реке.

Таким образом горстка счастливчиков оказалась на левом берегу Башии, лицом к лицу с *галека*, прекрасно их видевшими. Глубоко убежден, что лишь благодаря высокому стратегическому искусству, именуемому "везение", их не порвали на куски. Более чем резво двигаясь вдоль поросшей бушем цепи холмов, отряд благополучно достиг следующего дрефта, где соединился с основными силами.

Третья колонна волонтеров и *финго*, под командованием Джеймса Айлиффа, численностью в 510 человек, наткнулась на *галека*, прятавшихся в лесу на берегу Башии-Ривер. В результате удачной охоты, кроме большого количества скота, на шее Айлиффа повисло несколько тысяч туземных женщин и детей. Не имея возможности и желания с ними возиться, Айлифф приказал пленникам возвращаться в их прежние дома, но, едва британская колонна скрылась из виду, те возобновили бегство на восток.

Полковник Гриффит гнал *галека* через Бомваналенд и Тембуленд до самой Умтата-Ривер, но за все это время отловил лишь несколько бродяг. Наконец, он пришел к заключению, что *галека*, как народ, перестали существовать.

15-го ноября в трех милях за рекой, войдя в Пондоленд, Гриффит встретился с двумя наиболее влиятельными вождями *пондо*.

Инспекция патруля финго

Наша колонна также подтянулась к этому месту, и я имел возможность присутствовать на встрече командующего с вождем западных *пондо* – Нквилисо. В качестве переводчика выступал капитан Стенфорд. Вождь демонстрировал готовность помогать колониальному правительству, но из всех сил делал вид, что не знает, где скрываются Крели и Сигкава. По его словам верховный вождь *кхоса* перебрался в Восточный Пондоленд, но это все, что ему известно.

Гиффит обвинил Нквилисо в том, что тот впустил *галека* в свою страну и требовал выдачи угнанного скота. Нквилисо, не признавая вины, огрызнулся, что у него самого есть причины жаловаться. Правительственные силы, напомнил вождь, не предупредив и не потребовав закрыть броды через Умтату, выгнали *галека* на его земли. "Однако, – продолжал он, – *галека* сейчас находятся недалеко. Дайте мне один из ваших отрядов. С ним и моими собственными людьми я могу зайти вперед и не дать *галека* уйти вглубь моей страны. Вы можете ата-

ковать с этой стороны. Поскольку скот *галека* все еще с ними, вы можете разобраться с *галека* и их скотом самостоятельно".

Полковник Гриффит обсудил предложение вождя с майором Эллиотом. Майор, поддержанный присутствовавшими при разговоре офицерами, настоятельно советовал прислушаться к словам Нквилисо. Гриффит вначале склонялся принять предложение, но после консультаций со своим начальником штаба, решил свернуть боевые действия и настоял, чтобы Нквилисо выдал британцам скот *галека*. Вождь отверг ответственность, которую на него пытались возложить британцы, но согласился выдать животных Гриффиту, насколько было возможно в сложившихся обстоятельствах.

После обеда колониальные силы возвратились на правый берег Умтата-Ривер и, после небольшого отдыха, направились домой. За ужином инспектор Балли в своей откровенной манере заметил, что командант совершает большую ошибку, отвергая предложение Нквилисо. Он пророчил, что *галека*, не будучи окончательно разбиты, вернуться из-за Умтаты и возобновят войну. В свою очередь Гриффит считал основные цели кампании достигнутыми. Противник сломлен, деморализован и рассеян, поэтому добивать его не имеет смысла.

Полковника можно понять. Люди вымотались, лошади находились на грани истощения, *финго* и *тембу*, отказываясь идти дальше, причитали, что стерли все ноги. От постоянных дождей земля раскисла и транспортные вагоны увязли в грязи. Провизия почти закончилась, а местность была очень сложная. В этих краях не было дорог и, значит, отсутствовала возможность быстро пополнить запасы продовольствия и боеприпасов. В сложившихся обстоятельствах, или скорее, воспользовавшись сложившимися обстоятельствами, Гриффит отдал приказ возвращаться домой.

На второй день обратного пути, несколько молодых полицейских из отряда Стенфорда, подстрекаемые Квином, за время кампании отшлифовавшим свои потускневшие качества

мародера до былого блеска, захватили в плен жирную индейку, в числе прочей живности обитавшую на покинутой торговой станции. Добычу быстро лишили жизни, распотрошили и приготовили для офицерского стола. Индейка, бесспорно, была великолепна, но командир, голодавший не меньше нас, к ней даже не притронулся. Краденная индейка? Нет, ни кусочка этой индейки не коснется его губ, и он скорбит по поводу беспринципности, проявленной его офицерами – людьми, о которых он всегда был самого высокого мнения. К негодованию майора, мы продолжали невозмутимо наслаждаться сочным жирным мясом, не обращая внимания на метавшегося за нашими спинами тигра. Позже, встретив владельца торговой станции, Ричарда Келверли, мы признались ему в своем самоуправстве. Келверли выразил удовлетворение, что индейка послужила пищей для его друзей и категорически отверг предложенные за нее деньги. Несмотря на улаженный вопрос, "индейка Келверли" долгое время оставалась опасной темой разговора в присутствии майора Эллиота.

Офицерский ланч в полевых условиях

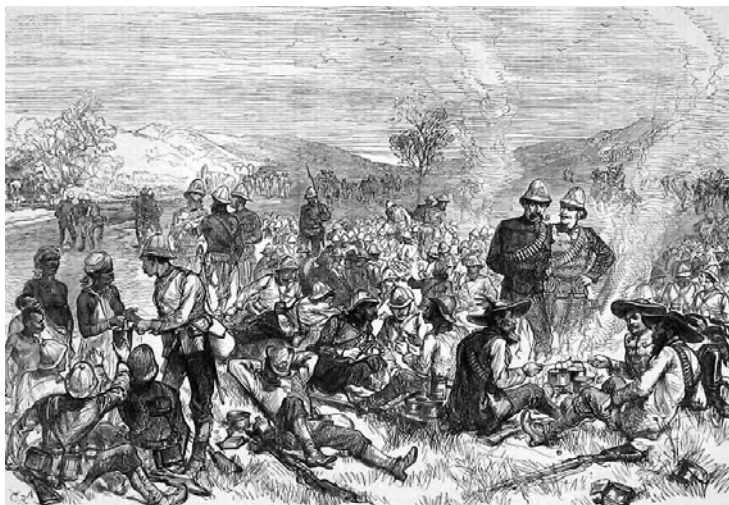
В Колонии полагали, что война в Галекаленде закончилась, а сами *галека*, как ветвь *кхоса*, перестали существовать. У туземцев отобрали около тринадцати тысяч голов крупного скота, еще больше овец и коз, а также несколько сотен лошадей. Их краали сгорели, боеприпасы иссякли, а около семисот вои-

нов полегли в боях и перестрелках.

Правительство весьма оперативно определило режим заселения Галекаленда. Мапаса и его клан вернулись в свои краали, а наблюдать за порядком поручили полковнику Юстасу. Всем *галека*, возвращавшимся и признававшим авторитет Юстаса, разрешали селиться на прежних землях. Изучался вопрос выделения земель под пятьсот ферм, площадью в три сотни акров каждая, для раздачи их европейцам, способным заплатить пять фунтов землемеру и один фунт в качестве ежегодного налога. Остальную территорию зарезервировали для *галека*, которые, как предполагалось, вернуться, сложат оружие и будут жить под британским правлением.

19-го ноября часть волонтеров поблагодарили за службу и распустили по домам. Под расформирование попали и "Рейнджеры Пуллайна".

КОНЕЦ "ОВЕЧЕК ПУЛЛАЙНА"

По возвращении в главный кемп британских сил у Ибека, мне предоставили возможность несколько дней отдохнуть и выспаться, после чего полковник Пуллайн извлек меня из палатки и попросил доставить в Кинг-Вильямс партию его "Овечек", которых командование решило расформировать ввиду окончания операций в Галекаленде. В ответ на мой резонный вопрос: почему он не распустит своих душегубов здесь? Пуллайн объяснил, что часть "Овечек", получивших недавно расчет в Ибека, создали местным властям определенные проблемы. Сорвавшись с цепи, с деньгами в кармане, они принялись беспробудно пить, напропалую буянить и теперь слонялись по округе, задирая поселенцев, возвращавшихся на свои разорен-

ные фермы. В итоге фермеры стали остерегаться "Овечек Пуллайна" больше, чем кафров.

Наученный горьким опытом, полковник решил, что для окружающих будет безопаснее, если его "Овечки" выпустят пар в Кинг-Вильямсе, под присмотром тамошнего гарнизона. Наиболее слабым звеном столь гениального плана была задача, выпавшая на мою долю: довести толпу учуявших запах свободы босяков до места назначения.

Мы выступили утром. Провожая отряд, Пуллайн предложил пари, что я не доставлю в Кинг-Вильямс всю партию целиком.

– Ставлю на обед, – засмеялся он, протягивая руку.

– Идет! – согласился я, в душе сильно сомневаясь в успехе предприятия.

Когда, на второй день, наша партия подходила к броду через Кей-Ривер, я с досадой заметил, что отель и лавка уже функционируют, поэтому, прищипав коня, поспешил вперед.

– Вы можете продать моим людям все свое пиво, – предупредил я огненно-рыжего шотландца, заправлявшего заведением, – но никаких "гвоздей" (как называли спирт на местном жаргоне). Поверьте, если у вас хватит ума их напоить, они сотрут эту богадельню в порошок и развеют по ветру.

Хозяин с готовностью согласился. Зная репутацию Рейнджеров Пуллайна, он поклялся не продавать им ни капли спирта. Когда люди прибыли к дрейфу, я дал им возможность отдохнуть, предупредив, что пивом могут хоть залиться, но спирт запрещен. А сам, разгоряченный долгой ездой, в компании Квина и четырех офицеров, направился к реке, искупаться. С наслаждением плавая в прохладной воде я внезапно услышал хлопок выстрела и заметил взметнувшийся фонтанчик. Оглядевшись, я увидел трех моих молодцов, стоящих на мосту и беруших меня на мушку. Сказать, что я расвирипел, означает не сказать ничего. Из всех сил гребя к берегу и поочередно поминая всех святых, я мечтал лишь об одном – добраться до прибрежных кустов без дырки в черепе. Почти у кромки воды

над головой просвистела еще одна пуля. Вскочив на песок, я не стал тратить время на одевание и голый, словно праотец Адам, помчался наперехват ухарям, безмятежно спускавшимся с моста. По пути я подхватил увесистую корягу и во всеоружии настиг весельчаков у отеля, верша импровизированный, но, с моей точки зрения, праведный военно-полевой суд, подавивший мятеж в самом зародыше. Я далек от мысли, что парни замыслили убийство. Убежден, они лишь намеревались меня немного припугнуть, протестуя против несправедливой, с их точки зрения, попытки ввести сухой закон. Тем не менее, воздаяние последовало незамедлительно. Один из них рухнул со свернутой челюстью, другой со сломанным плечом. Третьего с трудом удалось спасти, вырвав из рук Квина, усердно выбивавшего мозги из бестолкового черепка о дорогу. Бедняга обязан своей никчемной жизнью Кентскому Джиму, который, схватив бесчувственное тело в охапку, утащил его от разъяренного Квина и привязал к колесу вагона, где горемыка провисел всю ночь.

Осмотрев окрестности поля боя, я заметил женские головы, торчавшие из окон отеля со следами некоторого замешательства на лицах, и лишь тогда сообразил, что мне не мешало бы одеться.

Я довел людей до Кинг-Вильямса, но двух пострадавших "Овечек" пришлось сдать в госпиталь Кумгху. Формально пари было проиграно и, как следствие, Пуллайн получил свой обед.

Вскоре был получен приказ окончательно расформировать отряд, и я вновь повел 120 человек к месту расформирования. Предыдущая партия, получив расчет, закатила на глазах высокопоставленного колониального и имперского начальства в Кинг-Вильямсе такой дебош, что на этот раз я вознамерился осчастливить другой населенный пункт, избрав, в качестве жертвы, Кумгху – городок в половине полпути до Кинга. Там, по моей задумке, "Овечки" смогут выпустить пар, поссорить

деньгами и немного поутихнуть перед тем, как войти в Кинг-Вильямс.

Кумгху представлял собой невзрачный поселок, с бараками Конной Полиции, тремя лавками, несколькими складами и церковью. Зато там стояли несколько рот 88-го полка, которые не дали бы "Овечкам" чрезмерно разгуляться.

Мы прибыли в Кумгху около полудня, поставив кемп на окраине. Казначей к тому времени был на месте, и после обеда раздал людям причитавшиеся деньги. Сдав оружие, боеприпасы и снаряжение на склад, рейнджеры принялись кутить.

Я не намерен подробно останавливаться на всех выходах и потасовках расшалившихся "Овечек". Будет достаточно упомянуть, что они скупили все женские платья в лавках, напялили их на себя и устроили, мягко говоря, несколько непристойные публичные танцы. Остальные их эскапады, по своей сути, мало отличались в лучшую сторону. Они затеяли с десяток больших драк и щедро измазали поселок кровью. К счастью, мои дебоширы не слишком задирали местных обывателей, и патрулям Коннаутских Рейнджеров не пришлось вмешиваться.

Из всей компании лишь восемь человек не принимали участия в столь содержательном времяпровождении. Это были тихие, степенные люди, дружившие много лет, давно работавшие вместе и сообща владевшие кое-какими пожитками. Они занимали одну палатку и всегда, по крайней мере, сколько я их видел, держались вместе, несколько особняком от остальных. В отряде их называли "Неразлучные дружки".

"Неразлучные", получив расчет, потратили часть денег на хлеб, сыр, бекон, пиво, джин, табак и т.п. Прихватив покупки и одеяла, они отправились на берег реки, где самым романтическим образом расположились под сенью старых ив. Оградив импровизированный кемп веревкой, восьмерка очертила территорию, захваченную во временную собственность, которую намеревались защищать. Расчистив место и оборудовав себе постели, они принялись есть, пить и наслаждаться отдыхом.

"Дружки" привечали у себя любого посетителя, но, согласно дипломатическому протоколу, после короткого официального приема тому следовало удалиться.

На следующий вечер, проезжая мимо их кемпа с одним из офицеров 88-го полка, мы, к моему изумлению, стали свидетелями нешуточной драки. Не в силах совладать с любопытством, я подозвал самого старого члена их бригады.

– Жаль видеть, что ваши парни дерутся. Что они не поделили?

– Нет никакой драки, сэр, и мы будем рады, если вы и ваш друг выпьете с нами пивка.

Очевидно, заметив следы сомнения в моих глазах, он попытался прояснить ситуацию.

– Вы же знаете, мы все приятели, но нас ждет неплохая работа, когда мы прибудем в Кинг.

От подобных аргументов мое недоумение лишь возросло, но мы спешились и приняли их приглашение вместе с пивом.

После приветствия парни, включая парочку, только что мутизившую друг друга, вальяжно расселись по своим местам и закурили трубки, не произнося ни слова. Неожиданно один из них поднялся и подошел к другому, очевидно близнецу, по крайней мере, касательно роста и ширины плеч.

– Бил, спорим, я дерусь лучше чем ты, – произнес великан, без малейшей неприязни или вызова в голосе.

Другой, подняв на него глаза, лениво вынул трубку из рта, вытер ее об рукав и аккуратно отложив в сторону, флегматично возразил.

– Нет, Дик.

После чего они спокойно, безо всякой спешки, сняли рубахи и принялись обрабатывать двоих, дравшихся до этого. Четверка махала кулаками без всякой злобы. Они бились четыре коротких раунда и когда в конце четвертого Дик растянулся на траве после мощного хука своего противника, победитель сразу же помог ему подняться. Умывшись и одевшись, парни вер-

нулись к пиву и трубкам, совершенно не возбужденные победой и не огорченные поражением. Остальные вообще не почитали происходящее достойным внимания.

Поблагодарив за пиво, мы садились на коней, когда повторилось то же самое. Один гигант ленивой походкой подошел к другому с той же классической формулировкой.

– Альф, спорим, я дерусь лучше, чем ты.

– Нет, Джек.

И вновь, без всяких признаков враждебности они начали новую отчаянную драку, сопровождая процесс эпитетами не выходящими за границы лексического набора мирной беседы двух землекопов.

Мое недоумение достигло крайней степени. Отведя старшего в сторону, чтобы разговор остался между нами, я спросил его о причине драк.

– Тут такое дело, сэр. Мы товарищи. Каждый из нас не хуже другого. Как только вы нас распустите, мы возьмем контракт на строительстве дороги. Поэтому, сейчас мы выясняем, кто из нас лучше и кто будет боссом, – почесав затылок, ответил он.

– Он будет получать больше денег, чем остальные?

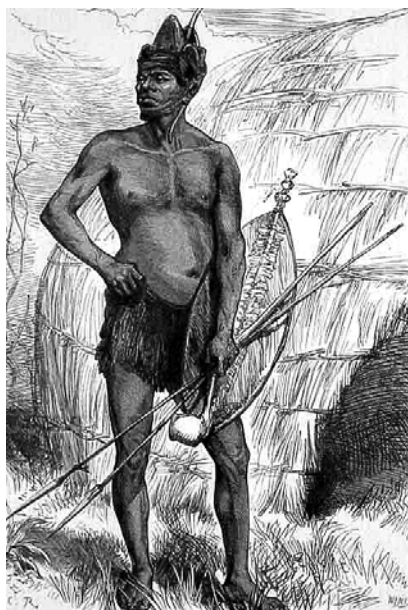
– Нет, мы держим все наши деньги в одном кошельке, но мы должны иметь бригадира и им станет лучший из нас.

Мне открылся еще один оригинальный путь выяснения, кто есть лучший. Этой длинной и болезненной дорогой каждый из нас идет всю жизнь. В данном случае вопрос могла решить подброшенная монета. Но нет! В распоряжении парней было несколько дней отдыха, и они твердо вознамерились провести их приятно и с пользой – разбивая друг другу носы и попутно решая стоявшую перед ними проблему.

Я уверен, что человек, без проклятий способный дубасить своего товарища и без ворчания принимать удары в ответ, был бы дьяволом в рукопашной схватке с врагом. К сожалению, мне не довелось вести это великолепное подразделение в бой, но я видел, как хороши эти парни. Никакой переход для них не

был слишком долгим и никакой рацион слишком скудным. Этот удивительный типаж, лучше которого я не встречал ни до, ни после, в наше время совершенно исчез как в Англии, так и в Колониях. Некоторые из них позже служили под моим командованием в Зулуленде, доказав, что настоящая доблесть встречается в сердцах неграмотных землекопов ничуть не реже, чем в сердцах их более образованных соотечественников.

Воин галека

ВОЙНА С ГАЛЕКА. ВТОРОЙ КРУГ

Войну считали законченной, но в воздухе продолжало ощущаться неладное. Несмотря на показушную лояльность, демонстрируемую вождями кафров при каждом удобном случае, воровство скота возобновилось, причем его размах приблизился к довоенному. Белые поселенцы не доверяли черным соседям. Даже мелкое происшествие в туземном краале служило поводом для паники, а слухи раздували любое подозрительное телодвижение черных вождей в намерение поднять восстание. В конце концов немногочисленные фермеры, еще остававшиеся в приграничных районах Колонии, забросили обработку

земли, сочтя благоразумным увезти свои семьи подальше от Кей-Ривер. Двадцать второго ноября кафры, работавшие на строительстве железной дороги, исчезли, побросав тачки и лопаты. Считалось, что вожди отозвали их домой для участия в войне.

Недоразумения с кланом Ндимбы также подлило масла в костер разгоравшейся паники. Дело было в следующем. Пока полковник Гриффит гонялся за *галека* в Пондоленде, вождь Мапаса, не принимавший участия в войне, люди которого, как вы помните, собственно и развязали конфликт, получил разрешение британцев вернуться на свои старые земли в Галекаленд. Одним из условий была безоговорочная сдача оружия. Мапаса не мог уклониться от разоружения и его люди сложили 454 ружья и 2418 ассегав. Но, один из кланов Мапасы не подчинился британским властям и бежал вместе со всеми пожитками за Кей к своим сородичам – племени *гаика*. А точнее, под покровительство клана вождя Ндимбы. Едва стало известно об их бегстве, в погоню отправили отряд Полицейских, перехвативших кафров как раз у крааля Ндимбы. Британцам удалось отбить 56 голов скота, около 500 овец, четыре ружья и 20 ассегав. Во время стычки люди Ндимбы пришли на помощь родственникам, и прозвучало несколько выстрелов. Хотя никто не был ранен и Полицейские спокойно удалились со своей добычей, жителей пограничных округов охватила паника. Этот случай был первым актом открытого неповиновения на территории Колонии и мог послужить сигналом к восстанию черных.

Армейское командование оказалось в затруднительном положении. На востоке, в Зулуленде, дела шли весьма скверно. Колониальные власти и армейское командование не исключали, что король *зулусов*, Кетчивайо, в любой момент может начать войну. Регулярных войск на берегах Кей едва хватало для обороны основных постов, соответственно требовалось любой ценой оттянуть возобновление боевых действий, по крайней мере, до тех пор, пока не придут подкрепления.

23-го ноября бывший инспектор, а теперь капитан, Чалмерс отправился к Ндимбе, пытаясь уговорить мятежного вождя подчиниться. Встретившись с вождями племени *гаика* – Сандили и Ндимбой, Чалмерс встретил демонстративную покорность кафров, тут же согласившихся сдать британцам в качестве компенсации морального ущерба полсотни голов скота, семь ружей и девятнадцать ассегав. Чалмерс удовлетворился достигнутым, и нависшая над колонией угроза война с *рабе*, казалось, миновала.

Но в тот же день, 2-го декабря 1877 года, когда уладился конфликт с Ндимбой, выяснилось, что армия *галека* не разбита и рассеяна, как все полагали, а цела и жаждет реванша. Совершив великолепный стратегический маневр, *галека* увели свои семьи и скот в безопасные районы, под защиту родственников в нейтральном Бомваналенде, а сами, вернувшись в Галекаленд, возобновили боевые действия. Отряды *галека* видели на участке между реками Кора и Кобонкаба, где они угрожали сородичам, сохранявшим лояльность Капскому Правительству.

Я в то время командовал постом, располагавшимся у старого форта Боукер, неподалеку от Идутива, откуда было удобно отслеживать движения *галека* в Бомваноленде. В конце ноября нам доставили прокламации губернатора и Верховного Комиссара, которые следовало распространить среди *галека*. Само по себе задание было довольно странным, если не сказать бессмысленным, но я сумел передать пару листов кафрам, после чего представители какого-то мелкого вождя явились к форту, под предлогом уточнения содержания документа. В течение нескольких дней, от меня потребовались титанические усилия, чтобы хоть что-то им объяснить.

Желая расспросить об условиях сдачи, вождь назначил мне свидание у подножья ближайшей горы. Мы с моим заместителем пришли без оружия, в то время как кафры, не доверяя белым, притащили с собой весь привычный арсенал – щиты, дубинки, ассегав. Я понимал, что после легенды об ушах Хинтсы

они едва ли они явятся на встречу без оружия. К тому же дру-гой неприятный инцидент – с арестом вождя Сандили, имев-ший место в ходе прошлого конфликта, лишь утвердил их во мнении, что белым верить нельзя. Все хорошо помнили исто-рию, как конце Восьмой Кафрской войны Сандили попал в плен. Недоразумение вышло из-за того, что вождь *гаика* при-шел в британский кемп полагая, что участвует в переговорах, в то время, как британцы считали, что он сдается безо всяких условий.

Галека, назначившие мне randevu, были первоклассными воинами – крепкими, осторожными, но не пугливыми.

Я с переводчиком, выехал вперед и встретил их на большом лугу, демонстрируя, что доверяю им и сам заслуживаю дове-рия. Состоялось несколько подобных встреч, готовность к ко-торым мы обозначали, привязывая белый платок к пикетному колышку. Естественно, наши люди в кемпе постоянно находи-лись начеку, готовые в любой момент прийти на помощь.

Появилась надежда, что душеспасительные беседы принесут хоть какой-то результат, но изучение губернаторской прокла-мации со стороны *галека* оказалось всего лишь уловкой. Пока одни *галека* отвлекли наше внимание, другие возвращались на земли, которые британцы уже считали своими. Не будучи отя-гощены семейным балластом, *галека* решили начать тоталь-ную войну и подстрекали родственные кланы *рарабе*, жившие под британской юрисдикцией, принять в ней участие.

Только сейчас полковник Гриффит осознал, насколько он по-горячился, распустив волонтеров. Галекаленд лежал перед противником совершенно беззащитен. Территорию прикрыва-ли лишь пятьсот Конных Полицейских и двести волонтеров-пехотинцев, а единственными оборудованными постами были главный кемп у Ибека и мой Форт-Боукер. Даже *финго* и *тем-бу* получили разрешение разойтись по домам. Гриффита впо-следствии часто упрекали в допущенном промахе, но в его оправдание можно сказать, что волонтеров, как белых, так и

черных, весьма непросто удержать в поле, когда им решительно нечем заняться.

Галека произвели свой маневр скрытно и, в высшей степени, великолепно, хотя он вызывает восхищение большей частью у тех, кто не имел удовольствия видеть в открытом вельде импи кафров, шевелящийся подобно гигантскому скоплению термитов.

Первого декабря Гриффит выслал из Ибека к побережью патруль под командованием инспектора Боурне. Отряд насчитывал 225 человек при двух орудиях и паре вагонов со всякой всячиной. В конце ноября во всем Галекаленде при большой удаче можно было наткнуться на несколько горсток бродячих *галека*, с которыми патруль справился бы без труда. Исходя из этого поход считался скорее практическими занятиями, чем боевой работой.

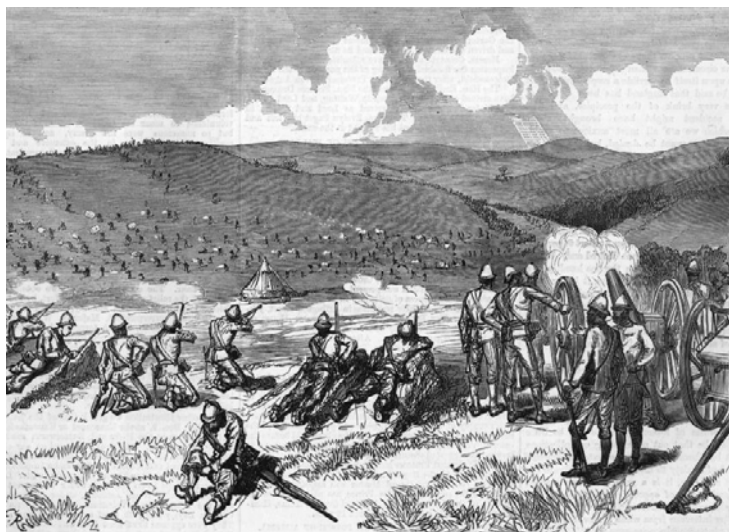
Британцы разбили бивак на ночь возле сожженного краала Сигкавы, на хребте между долиной Кора и бывшей резиденцией Крели. Все это время не наблюдалось ни малейших признаков, указывавших, что данная территория вновь обитаема.

Утром второго декабря Боурне планировал вести колонну к краалю Умзитсани больше известному европейцам как "Голландская лавка". Встав в дурном настроении, раздраженный неповоротливостью пехоты, он взял сорок Конных Полицейских, одно орудие и, оставив колонну позади, направился к заросшим бушем ущельям, окаймлявшим долину Кора. Командант Бейли с волонтерами-пехотинцами, поворчав, двинулся следом.

Не прошло и часа, как, с вершины очередного холма, перед Бейли открылась довольно драматичная картина. Конница инспектора Боурне спешно отступала по долине, преследуемая толпой кафров, а на орудийном передке скачущего по камням семифунтового орудия лежал раненый. Видя в какую переделку попали Полицейские, Бейли, не мешкая, выслал упряжку со вторым орудием на высоту возле Голландской Лавки и прика-

зал открыть огонь по черным, мелькавшим меж валунов. Люди Боурне оказались на линии огня, мешая стрельбе, и Бейли послал к ним верхового с просьбой принять правее, чтобы его орудие могло действовать свободнее. Одновременно он отправил второго посыльного поторопить собственную пехоту. Все время, пока инспектор Боурне осуществлял свой "стратегический отход", орудие команданта Бейли вело бой в одиночку. Чуть позже выяснилось, что патруль британцев наткнулся на большой импи *галека*, решивших извлечь максимум пользы из подвернувшейся удачи.

Пехота заняла позицию в долине у реки, называемой Умзитзани, а противник накапливал силы на холмах, очевидно, решая, что предпринять далее.

Бой у Умзитзани

Воспользовавшись передышкой, командант Бейли расположил своих людей в подобие каре, отвел орудие и открыл огонь по стрелкам *галека*, засевшим на удобной позиции.

Инспектор Боурне, командовавший патрулем, и командант

Бейли были одного ранга и примерно одного возраста, но обладали совершенно разным темпераментом. Командир пехотинцев отличался рассудительностью и хладнокровием, в то время, как инспектор был азартен до безрассудства, но при этом справедлив и не лишен чувства благодарности. Понимая, что без своевременной помощи команданта, ему пришлось бы туго, Боурне не стал напоминать о своем статусе командира патруля и отдавать какие-либо распоряжения. Он ограничился тем, что приказал своим людям присоединиться к пехоте Бейли. Полицейские привязали лошадей к вагонам и заняли место в каре.

В шесть часов вечера не менее тысячи *галека* начали атаку, продолжавшуюся до темноты. Кафры атаковали вверх по долине Умзитзани.

Бой шел на просторной открытой местности с пологими холмами, покрытыми травой и редким кустарником, и чистой рекой, змеившейся по долине. Вообще, вся местность вокруг Кораны чарует глаз сочными красками, оттенками и тенями. Здесь уютные долины и невысокие холмы соседствуют с величественными скалами и обрывистыми, заросшими лесом, провалами, спустившись в которые, попадаешь в Затерянный Мир.

Отважные темнокожие *галека* приближались по ярко-зеленому лугу во всей своей пестрой дикой красе, стремясь сойтись в честном бою за землю предков с хорошо экипированными, энергичными колониальными солдатами, рискувавшими жизнями за Империю. На мой взгляд – большая удача драться под открытыми небесами, на свежем воздухе, напитанном ароматом цветов и трав, а не в колючих, темных зарослях буша, не видя, ни неба над головой, ни противника, метящего в тебя с пяти шагов.

И орудиям, и винтовкам британцев работы хватило с избытком. Грохот стоял такой, что лошади и волы сорвались с привязей и, разорвав каре, убежали, попав в руки противника. Один волонтер был убит, а семеро бойцов ранены. К счастью,

галека оказались не лучшими стрелками, к тому же из большинства их ружей попасть в цель было делом большого везения, иначе потери белых оказались бы на порядок больше.

Кафры демонстрировали великолепную отвагу. Несмотря на жестокий огонь, они почти достигли каре. Если бы запас патронов не позволил оборонявшимся поддерживать максимальную плотность огня, дело дошло бы до рукопашной, в которой британцы были бы неминуемо смяты. Следует отметить, что командант Бейли все время оставался пешим и находился в стрелковой цепи до конца боя.

У наших людей уже заканчивались патроны, когда нападавшие отступили, казалось ничуть не обескураженные неудачей и обещая продолжить утром.

К счастью, ближе к полуночи на помощь патрулю подошел младший инспектор Хаттон с подкреплением. Патруль приветствовал товарищей троекратным "ура". Вновь прибывших включили в каре, и люди до самого рассвета оставались на позиции, не выпуская оружие из рук. Утром выяснилось, что *галека* ушли.

Несколько дней спустя в плен попал один из вождей, руководивший этим боем. На вопрос, почему кафры не возобновили атаку на следующий день, он объяснил, что три ночных "ура" дали им понять о прибытии подкрепления.

Мне говорили, что это был первый бой команданта Бейли и, на мой взгляд, для первого дела он держал себя достойно, как достойно и поведение его бойцов.

Четвертого декабря полковник Гриффит доложил колониальным властям о случившемся и попросил предоставить дополнительные ресурсы настолько быстро, насколько возможно. Таким образом Колония проснулась с новостями, что война с кафрами в самом разгаре и кланы *рарабе* принимают в ней непосредственное участие.

Генерал Каннингхем, командовавший имперскими войсками, принял решение забрать всех солдат из Кейп-Тауна, доверив

заботу о форте и охрану военных объектов волонтерам. Майора Эллиота послали вновь набирать *тембу*, а по всей Колонии объявили призыв добровольцев. 5-го декабря губернатор телеграфом запросил commodora Салливана прислать на помощь настолько большой контингент моряков, насколько Флот может себе позволить и доставить войска из Кейп-Тауна в Ист-Лондон с минимально возможной задержкой.

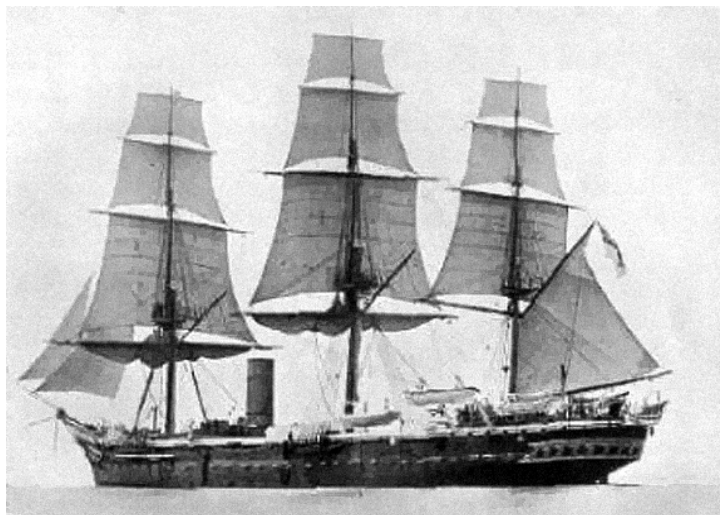
Откликаясь на просьбу, commodor выделил для переброски войск корвет "Эктив" – флагман Южно-Африканской эскадры и зафрахтовал каботажный пароход "Флоренс". Они приняли на борт солдат, каких только удалось наскрести в Кейп-Тауне, включая горстку Артиллеристов и Инженеров, а также 150 человек 88-го полка. Капский полуостров в этот период был настолько оголен, что доки Саймонстауна охраняли всего 59 солдат. Десятого декабря оба корабля покинули Тейбл-Бей, а тринадцатого достигли Ист-Лондона, где обнаружилось, что из-за непогоды песчаный бар практически непреодолим. Тем не менее через три дня весь груз и людей без происшествий доставили на берег. В числе высадившихся была и Морская Бригада, отправленная Флотом помочь накрутить хвост старинке Крели. В ее состав входили 183 моряка и морских пехотинца и 9 офицеров. Артиллерию представляли один "гатлинг", шесть 12-фунтовых орудий и две ракетные трубы.

Я всегда утверждал и продолжаю придерживаться мнения, что "синие куртки"³⁵ Ее Величества и во время войны, и в мирное время, входили в число лучших бойцов. Находчивость, оптимизм, чувство юмора, в сочетании с ответственностью и трудолюбием, делали моряков желанными товарищами в любой экспедиции. Их изощренные сентенции и максимы вызывали неудержимый смех у тех, кто, обладая чувством юмора, был достаточно удачлив делить с ними тяготы похода или

³⁵ Наричательное наименование матросов Королевского Флота по аналогии с "красными мундирами"

быть свидетелем их выходов во время заслуженного отдыха.

16-го декабря по вопросам службы я оказался в Ист-Лондоне и имел удовольствие наблюдать за высадкой людей с "Эктив".

Флагман капской эскадры HMS "Active"

В тот день на причале собрались почти все жители города не желавшие пропустить столь редкое и интересное зрелище. Генерал Каннингхем, коммодор и штаб, находились там же. Зрители стояли на "береговом" конце, давая возможность высаживающейся партии строиться на самом причале. Корвет качало на рейде. "Синие куртки", считая ниже своего достоинства задействовать для высадки баржи, шли к берегу на шлюпках. Публика с замиранием сердца следила, как хрупкие с виду скорлупки одна за другой виртуозно преодолевали бурлящую линию прибоя. Причальный трап позволял в один момент разгружаться лишь одному боту. Поднявшиеся на причал моряки строились в колонну "по одному" и проходили дальше, освобождая место следующей команде.

Первая высадившаяся партия построилась и, под руководством главного корабельного старшины, застучала ботинками

по доскам, направляясь к месту, где ей надлежало дожидаться своих товарищей. Поравнявшись с высоким начальством, наблюдавшим за высадкой, старшина решил, что оставил достаточно пространства остальным партиям и прорычал команду: "На месте!". Но, то ли из-за непривычной обстановки, то ли из-за неуверенности в значении услышанного, парни не остановились, а продолжили идти твердой поступью. Старшина вновь проревел: "На месте!" с силой, достаточной, чтобы остановить мелькнувшую в небе комету. Но строптивые или невнимательные матросы упорно продолжали свое "топ, топ, топ".

Гром и молния! Это было слишком, даже для невозмутимого старшины. Не подчиниться приказу мог адмирал Нельсон, но его люди... Последовал еще один безрезультатный рык, после чего старшина резко подскочил к направляющему и саданул его кулаком под ребра, заорав: "Лечь в дрейф, сукины дети!", после чего "сукины дети" послушно легли в дрейф.

Инцидент вышел настолько комичным, что все, включая генерала и штаб, разразились смехом, в то время как старый коммодор, обращаясь к командующему, заметил: "Мои люди не очень привычны к армейским командам, но в бою все будет, как надо".

Жизнь подтвердила, что и в бою, и в походе у "синих курток" действительно все было "как надо". К сожалению, в Кафрской войне я не смог повидать моряков в деле, зато спустя год мне посчастливилось воевать вместе с ними в Зулуленде, о чем я расскажу в свое время.

С возобновлением боевых действий общее руководство британскими вооруженными силами в Кафрарии претерпело радикальные изменения.

9-го декабря полковник Ричард Глин получил приказ сместить полковника Гриффита и стать во главе всех отрядов, которые можно было собрать для действий в Галекаленде. В свою очередь, полковник Беллайрс занял должность Глина и командовал войсками западнее Кей-Ривер. Верховное коман-

дование в Галекаленде принял на себя генерал Артур Канингхем.

Полковник Ричард Глин (шарж подполковника Кривока)

Отстранение Гриффита от дел вызвало немало нареканий со стороны правительства и жителей Капской Колонии, на что имперские власти отвечали обвинениями "колониалов" в несвоевременных и недостаточных мерах по формированию сил самообороны. Когда губернатор запросил у Лондона дополнительные войска, метрополия согласилась послать два батальона при условии, что все издержки оплатит колониальная казна.

Вопреки фактам и здравому смыслу, подавляющая часть колонистов считала постоянные конфликты на границе результа-

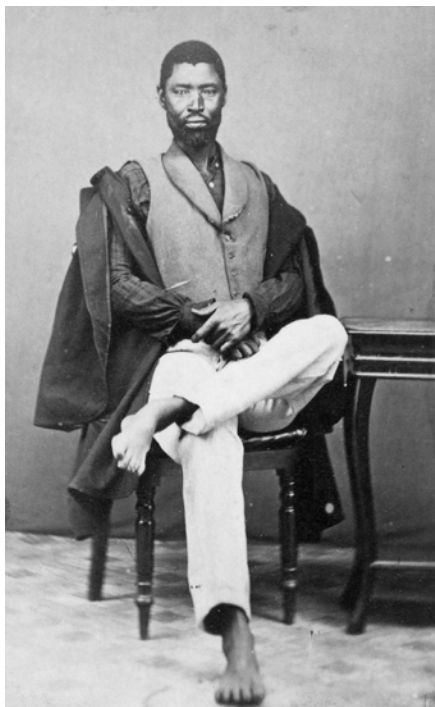
том бездарной политики, проводимой имперскими государственными секретарями до введения самоуправления. Пряча свои кошельки подальше, они намекали, что Великая Британия обязана предоставить людей и деньги для исправления положения, а уж потом, Колония самостоятельно обеспечит свою защиту.

Независимо от того, насколько обоснованной выглядит данная точка зрения, в декабре 1877 года имперские войска находились в поле фактически одни. В пограничных районах бюргеры не спешили записываться в волонтеры, поскольку опасались оставить свои семьи и имущество без защиты, а тем, кто жил подальше, требовалось время, чтобы собраться. Последнее, особенно фермеры голландского происхождения, категорически не желали воевать под командованием офицеров регулярной армии, незнакомых с местными условиями и местной тактикой, не говоря о глубоком предубеждении голландцев относительно англичан. Как следствие, голландская часть населения Капской Колонии крайне вяло откликнулась на обращенный к ней призыв.

В двадцатых числах декабря британцы попытались договориться с верховным вождем *кхоса* о прекращении войны. Крели получил предложение сдаться под гарантии сохранения жизни. Ему обещали достойное обращение, при условии согласия жить в указанном правительством месте. Давая старику возможность подумать, британская сторона объявила шестидневное перемирие. Естественно, Крели условия не принял.

Вместо этого один из наиболее достойных вождей *галека* – Кива, с двумя сотнями воинов перешел Кей-Ривер и вступил в места обитания одного из самых могущественных кланов *ра-рабе* – родственного племени *гаика*. Встретившись с Сандили, Кива принялся страстно убеждать вождя клана помочь Крели в столь тяжелое время. Сандили обладал импульсивным темпераментом и, вопреки предостережениям более осторожных советников, ответил согласием на мольбы Кивы. Вознеся руки

к небу, он издал воинственный клич, подхваченный воинами. Теперь, даже если бы Сандили захотел что-либо изменить, было слишком поздно ложиться на более мудрый курс.

Сандили – вождь гаика

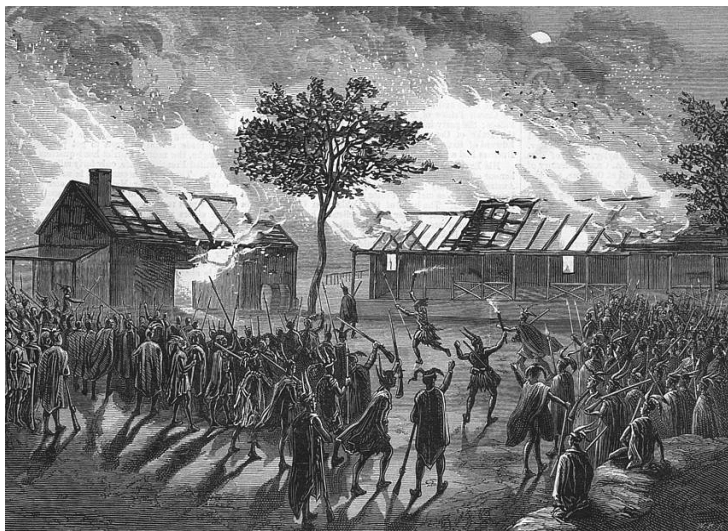
Один из старых наследственных советников клана – Тьяла, категорически возражал против вооруженной борьбы. Несмотря на осторожную позицию, Тьялу было сложно уличить в трусости. В предыдущей войне он не раз рисковал жизнью на поле боя, хотя и в былые времена выступал против открытого конфликта с белыми, убеждая Сандили не ввязываться в драку.

Но на этот раз, старый советник, скрепя сердце, покинул своего вождя и, пытаясь спасти хотя бы часть клана, перебрался жить к Грейтауну, подальше от театра будущих военных действий. Часть людей Сандили, считавшие, что война закончится

полным разорением, ушла с ним. Эти кафры сформировали ядро так называемых "лояльных *гаика*". Вскоре к ним присоединились несколько других кланов, и они удостоились более общего прозвища "лояльных кафров". Полторы тысячи "лояльных кафров" сдали 223 ружья, преимущественно старых дульнозарядных и 3500 ассегаяев. Взамен им выдали специальные паспорта, позволявшие свободно перемещаться, где вздумается. На мой взгляд, институт "лояльных кафров" в кафрской войне – яркий пример размягчения мозгов определенных представителей британской государственной машины. Несмотря на демонстративную лояльность, большинство этих людей сохранили верность верховному вождю *кхоса*. Они самоотверженно исполняли роль шпионов, а когда предоставлялась возможность, сражались в рядах восставших. Я сам не единожды тому свидетель, как схваченные на горячем, кафры извлекали из грязных лохмотьев паспорта и заявляли о своей лояльности. Будучи отпущенными, негодяи, забегали за ближайший куст, доставали припрятанные там ружья и стреляли в спину британскому патрулю. После боя, обыскивая тела убитых негров, мы многократно находили правительственные пропуска, спрятанные на дне кожаных мешков.

25-го декабря генерал Каннингхем прибыл из Кинг-Вильямса в Ибека, где планировал остаться до завершения операций против *кхоса*. Едва он пересек Кей, как кафры прервали почтовое сообщение с городом, захватили несколько миль главной дороги за Комгхой, сожгли отель Драйбосх, несколько фермерских домов и затаились, поджидая конвой с продовольствием, направлявшийся в Галекаленд. Британцы, оторопев от подобной наглости, выслали из Комгхи большой отряд Конной Полиции и Коннаутских Рейнджеров с заданием расчистить дорогу. Однако "расчистка" не удалась. Потеряв одного офицера убитым и двоих ранеными, отряд вернулся в кемп. На следующий день кафры напали на эскорт, сопровождавший почту. Наши потери составили пять человек, из которых трое

были убиты. Апофеозом вызывающего поведения стало разрушение *кхоса* телеграфной линии на участке между Кинг-Вильямсом и Ибека, перед которой черные всегда испытывали подобие суеверного ужаса. Правда, линию быстро починили, а сводный отряд имперских солдат, полицейских и волонтеров сумел открыть дорогу.

Кхоса сжигают отель Драйбосх

В этот же день в округе Ист-Лондон погибли три европейца: магистрат, инспектор полиции и фельдкорнет, которые с полусотней полицейских-*банту* преследовали стадо украденного скота. Отряд едва расположился на отдых у покинутой фермы, как был атакован *кафра*ми. При первых выстрелах черные полицейские разбежались, бросив европейцев на произвол судьбы.

Помимо многочисленных стычек и перестрелок с правительственными силами, восставшие совершили два рейда в Финголенд. Первый состоялся двадцать восьмого декабря. Они перешли Кей-Ривер у слияния с Тсомом и на протяжении шести миль в направлении Блитсвуда сожгли все краали, забрав весь

скот, какой владельцы не успели укрыть. Через полторы недели, восьмого января еще больший отряд предпринял повторную попытку переправиться через Кей в том же месте. *Кхоса* атаковали большую партию *финго*, прикрывавших брод с восточного берега. Бой продолжался около часа, после чего нападавшие вернулись за реку, оставив на земле около двадцати убитых.

Тринадцатого января более тысячи *галека*, возглавляемых Кивой, атаковали патруль под командованием полковника Глина. "Снайдер-Энфилды"³⁶ англичан были не только скорострельнее старых дульнозарядных мушкетов *галека*, но и гораздо эффективнее на больших дистанциях. Тем не менее, бой продолжался полтора часа и стоил британцам пятерых раненых.

Область, охваченная восстанием, ширилась с каждым днем, несмотря на то, что в стычках по обе стороны Кей поле боя, как правило, оставалось за белыми. Боевой азарт, охвативший кафров, оказался настолько заразительным, что кланы *парабе* втянулись в восстание, будучи не в состоянии привести разумные доводы, зачем они это делают.

Многие европейцы были скорее довольны, чем встревожены новой вспышкой конфликта и если не делами, то языком сами провоцировали беспорядки. Большинство фермеров придерживалось мнения, что открытая война лучше вялотекущего конфликта, поскольку их хозяйства все равно разоряются и они вынуждены увозить семьи в безопасные места, бросая имущество и привычные занятия. Неудивительно, что белые обитатели беспокойных районов предпочитали считать каждого грабителя мятежником и требовали положить конец мародерству, естественно, руками имперских войск.

Ввязавшись в войну, вождь *гаика* – Сандили, словно восстал

³⁶ Однозарядная нарезная винтовка с затворным механизмом Снайдера, калибр .577 (14,7 мм)

из пепла. Десять лет он был жалким пропойцей, которого европейцы считали конченным человеком. Но, ступив на тропу войны, он запретил своим людям доставать ему крепкие напитки, справедливо полагая, что пить не время. Воины, оставшиеся с ним до самого конца, утверждали, что Сандили ни разу не коснулся выпивки, даже страдая от холода, голода и дурной погоды. Редко встретишь человека, обладавшего над собой большей властью, чем этот, обуздавший собственные пороки кафр.

Советники Сандили

Сыновья Сандили, разумеется, примкнули к восстанию. Один из них – Гонья, получил образование у белых и принял христианство. Одно время он исполнял обязанности клерка при магистрате у Миддл-Дрифт и вдобавок, за высокую плату, сдавал в аренду ферму, предоставленную правительством. Пройдя через руки миссионеров, Гонья стал слишком самодоволен и излишне мягкотел, чтобы заслужить уважение европейцев. Белые имели гораздо лучшее мнение о его брате – Матанзиме, сыне второй жены Сандили – прекрасном образце

рафинированного варварства. Оба брата последовали за отцом и в конечном итоге оба были схвачены, представ перед судом по обвинению в мятеже. Насколько же разнилось их поведение на скамье подсудимых. Гонья скулил и молил о пощаде в то время как Матанзима сидел, словно сторонний наблюдатель, держа голову прямо, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Гонья Сандили

К восстанию примкнула и часть племени *тембу*, находившаяся вне непосредственного контроля их верховного вождя – Гангелизве. Первым значительным вождем *тембу*, принявшим участие в волнениях, стал Гонгубела, несколько десятилетий поддерживавший тесный союз с *гаика*. Его крааль примыкал к границам *гаика*. За Гонгубелой последовали другие *тембу*.

Ни у кого не осталось сомнения – повторной кампании в Галекаленде не избежать. План операций походил на предыдущий за исключением того, что майор Эллиот с контингентом *тембу* получил приказ заранее занять высоты по берегу Башии-Ривер, не давая противнику вновь улизнуть в Бомваналенд. По словам капитана Стенфорда, помогавшего майору Эллиоту формировать туземный контингент, верховный вождь

тембу на этот раз с готовностью принял предложение взяться за оружие. Инспектор Балли и его Полицейские также рвались в драку. К огорчению Эллиота, Квинстаунские Волонтеры вернулись в свой округ, где в них остро нуждались из-за волнений кланов *рарабе*.

После успеха первой кампании, *тембу* возомнили себя великими воинами. Когда их возбужденные толпы собрались в Умтенту у штабного кемпа колонны, они представляли собой впечатляющее зрелище. Кафры часами с вдохновением распевали боевые песни, и странная гармония этой оригинальной дикой музыки завораживала. Увидев приближающегося командира, не важно, европейца или туземца, несколько человек выпрыгивало из завывающей толпы и, поднимая пыль босыми ногами, прыгая и вертясь, как черти на сковороде, представляли живописную картину будущей схватки с врагом. При этом каждое движение, от предварительных финтов до финального удара ассегаем, отмечалось одобрительными возгласами зрителей.

Танцы кафров

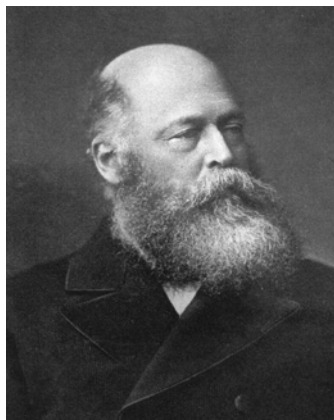
Колонна майора Эллиота покинула Умтенту 17-го декабря и образовала вдоль высот Башии кордон, к которому и планировалось гнать *галека*.

.....

На втором этапе войны возникли серьезные разногласия между губернатором и членами правительства Капской Колонии. Взгляды губернатора – сэра Бартли Фрира на методы ведения боевых действий радикально отличались от воззрений на этот же предмет премьер-министра Капской Колонии – мистера Молтено.

*Губернатор Капской Колонии
сэр Бартли Фрир*

*Премьер-Министр
Джон Молтено*

Это было естественно, поскольку их жизненный опыт сильно разнился. Губернатор прошел через Большой Индийский Мятеж и соответственно верил в нерушимую ценность армейского порядка. На мой взгляд, он придавал несколько преувеличенное значение дисциплине и слишком оптимистично считал, что наша регулярная армия в любой момент готова к войне любого рода. В свою очередь, мистер Молтено имел многолетний опыт пограничной войны с кафрами. Цена превосходные качества британского солдата в открытом бою ничуть не

меньше губернатора, он, тем не менее, был глубоко убежден, что для охоты на негров в лесу и буше, колонисты намного предпочтительнее регулярной армии. В этом вопросе я склонен примкнуть к точке зрения мистера Молтено.

За свою долгую армейскую жизнь, я обучил и привел в форму несколько тысяч парней, многие из которых прежде были настоящими отбросами общества. Зачастую они имели представление о понятии "дисциплина" не больше, чем мелкие бесы экваториальных районов Ада имеют о снежках и мороженом. Но, избежав горнила армейской системы, главной задачей которой, на сегодняшний день, считается лишение солдата всякой индивидуальности, эти люди за короткое время становились отличными бойцами, сохранившими способность самостоятельно принимать решение в сложной обстановке. Особенно в лесу или буше. Иногда мне кажется, что чиновники, ответственные за национальную безопасность, считают бессмысленным использовать леса, рощицы и кустарники, столь многочисленные в Англии, для обучения наших офицеров и солдат искусству лесной войны. Возможно они думают, что войска, в случае необходимости, интуитивно освоят это полезное, но весьма трудное искусство и не нуждаются в специальной подготовке. Если это так, то нами руководят самовлюбленные идиоты, которым стоит напомнить о поражениях британской армии в старых американских войнах, о неспособности регулярной армии вести эффективные боевые действия в Новой Зеландии с 1860 по 1866 год и, наконец, бурлеск, называемый комбинированным движением вокруг Пиери-Буш и Таба-Индона в кафрской кампании 1878 года. За всю жизнь я ни разу не встречал имперского офицера или солдата изначально имевшего малейшее представление о войне в буше, хотя и не упрекаю их за это неведение. Каковы шансы человека стать хорошим лесным бойцом, если он в глаза не видел леса, гуще Гайд-Парка? Обычная армейская подготовка учит солдата сражаться в большей степени коллективно, в то время,

как умение вести индивидуальный бой – первый и главный урок, который необходимо усвоить новичку в буше.

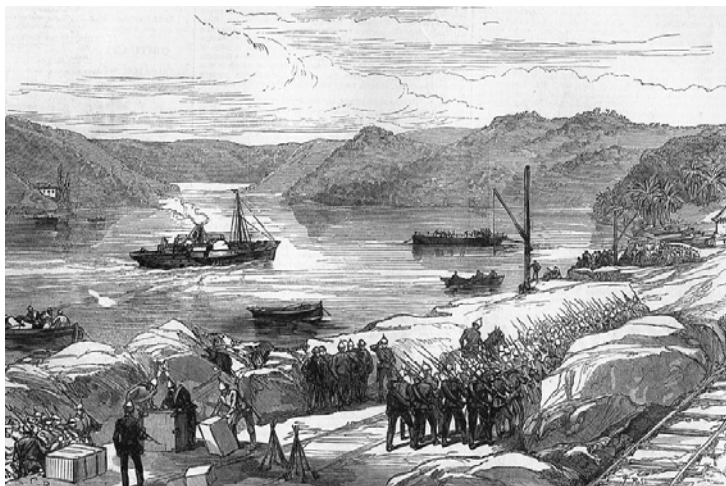
На начальном этапе войны, пока все активные операции выполнялись полицией и волонтерами, а солдаты регулярной армии охраняли форты и посты, подобный расклад устраивал и губернатора, и министра. Галекаленд не входил в состав Капской Колонии, и война, по сути, велась в чужой стране, против чужих подданных. Но, когда *гаика*, под предводительством Сандили, примкнули к своим сородичам, конфликт переместился на земли Британской Империи. При этом главные, а в скором времени единственные операции, проводились против "мятежников".

Губернатор имел все основания рассматривать проблемы с *кхоса* и *тембу* в контексте общих туземных проблем, и в этом отношении жизнь подтвердила его правоту. Не успели британцы разобраться с Крели и Сандили, как в Восточном Грикваленде возникли неприятности с Ботласитси – вождем племени *батлапин*. В Басутоленде мучил воду Мороси – вождь *бануту*, в Трансваале правительству бросил вызов Секукуни – вождь *банеди*. Но, естественно, больше всего губернатора беспокоил Кетчевайо – могущественный король *зулусов*, который вел себя так, что большая война могла разразиться в любой момент. Возможно, интриги Кетчевайо и не простирались до границ Капской Колонии но, ни Трансвааль, ни Наталь не могли спать спокойно, зная о сорокатысячной армии лучших воинов Южной Африки, собранной у их границ. Не удивительно, что при подобных раскладах, губернатор запросил у метрополии два дополнительных батальона. Откликаясь на просьбу, в феврале 1878 года имперское правительство отправило в Южную Африку 90-й полк, второй батальон 24-го полка и артиллерийскую батарею.

90-й Пертширский полк Легкой Пехоты, несмотря на свою славную историю, к моменту отправки находился не в лучшем состоянии. Хотя, в те годы это можно было сказать о любом

батальоне, прибывавшем из Англии. Полк испытывал изрядную нехватку личного состава и перед отправкой его доукомплектовали людьми из других полков.

Редкий командир, пребывая в здравом рассудке, отдаст другому полку хорошего солдата. Поэтому неудивительно, что, в качестве пополнения, 90-й получил большей частью совершенных юнцов, многие из которых за свою жизнь не сделали ни единого выстрела. Весь переход, пока паровые машины лайнера "Нубиан" усердно ворочали гигантские винты, шестеро портных трудились, не покладая рук, приводя воротники и обшлага мундиров в соответствие с формой 90-го полка, чтобы в момент высадки бойцы не выглядели разношерстой толпой. Вновь прибывшее подкрепление сразу же отправили в Ист-Лондон, откуда распределили по различным станциям и постам.

Высадка войск в Ист-Лондоне

Вопрос "солдат против волонтера" был напрямую связан с другим, не менее щекотливым вопросом: кто будет руководить операциями в поле? Губернатор считал, что во главе следует поставить армейское командование. Он не желал, чтобы бри-

танский генерал распоряжался по одну сторону Кей, а колониальный офицер имел такие же полномочия по другую. По мнению сэра Бартли Фрира, не следовало делать различия между войной за границей и гражданской войной. Следовательно, волонтеры и все другие колониальные отряды должны снабжаться имперскими комиссарами. Во-первых, это снижало расходы, во-вторых, позволяло вести строгий учет затрат Колонии.

Мистер Молтено, представлявший противоположную сторону, придерживался мнения, что мятеж – дело самой Колонии и для его подавления не требуется привлечения имперских войск. Он также, не без оснований, опасался, что волонтеры откажутся записываться на службу под начало офицеров регулярной армии. Но, более всего, Молтено возмущало намерение командования войск Ее Величества единолично контролировать операций против мятежников, которые, по своей сути, являлись полицейскими. В соответствии со своей точкой зрения, без согласования с генералом Каннингхемом, квартировавшим в Ибека, Молтено разослал соответствующие инструкции колониальным командантам.

Разногласия между Премьер-Министром колонии и губернатором достигли апогея и переросли в открытый конфликт во время визита мистера Молтено в Кинг-Вилиамс. В конечном итоге Армия взяла верх, и дело закончилось отставкой правительства Капской Колонии.

Пятнадцатого января 1878 года, в самый разгар "административной войны", полковника Гриффита назначили командант-генералом всех колониальных сил, без какого-либо касательства к генералу Каннингхему. Он тут же взялся за дело, отправив четыре сотни бюргеров-волонтеров и отряд *финго* под началом команданта Джона Фроста прочесать земли *гаика*. Фрост обнаружил, что краали по всей округе покинуты обитателями, убежавшими за Кей к *галека*. Догоняя мятежников, Фрост перешел Кей-Ривер и сумел отобрать у кафров почти три тысячи

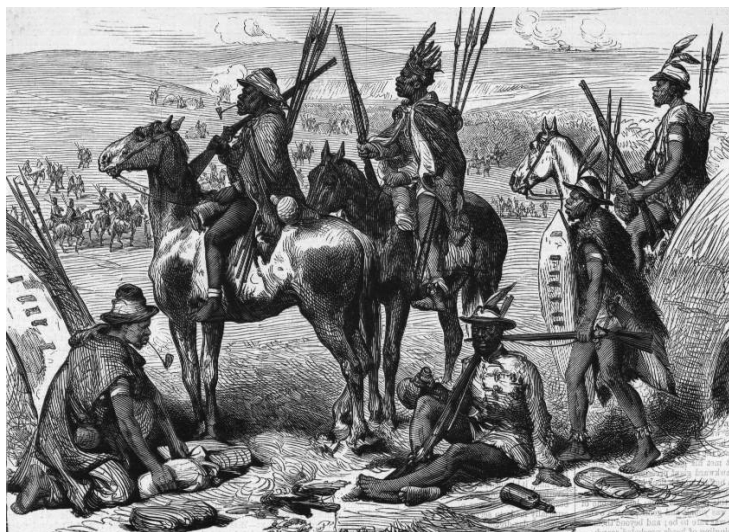
голов скота и около шести тысяч овец и коз.

Пока командант Фрост шерстил кафров за Кей-Ривер, полковник Ламберт (88-й полк), зачищал долину реки Тшетшаба, южнее Кумгху, где, как выяснилось впоследствии, восставшие держали значительную часть своих стад. Большая долина, выходящая к Кей, стала идеальным пристанищем для *кхоса*. Множество горных цепей и чрезвычайно труднодоступных, заросших густым лесом ущелий прекрасно укрывали и людей, и животных. Экспедиция полковника Ламберта действовала отдельно от отряда команданта Фроста, поскольку Ламберт получал указания от генерала Каннингхема, а Фрост от командант-генерала Гриффита. Полковник Ламберт имел в своем распоряжении роту пехотинцев 88-го полка, шестьдесят человек конных волонтеров и два 7-фунтовых орудия, обслуживаемых моряками и артиллеристами. Пока он в течение двух дней опустошал долину, ее выход на берега Кей караулил отряд под командованием полковника Глина, а западную сторону стерег командант Эдвард Брабант с волонтерами из Ист-Лондона. В итоге операции британцам достались 1200 голов крупного скота и 8000 мелкого.

Несмотря на непосредственное участие верховного вождя *тембу* – Гангелизве, в боевых действиях на стороне Колонии, часть формально подчиненных ему второстепенных вождей пытались гнуть свою линию. Так, Стокве – сын Тьяли, не желал примкнуть к верховному вождю во время первого вторжения в Галекаленд и уклонился от встречи, когда за ним послали гонца с требованием явиться для объяснений. Во время второго вторжения, Стокве вновь отказался прислать людей в колонну майора Эллиота, но настаивал на своей лояльности, утверждая, что "сидит тихо". Правда белые фермеры в долине Сланг-Ривер находили это "тихое сидение" настолько беспокойным, что покинули дома и ушли в соседний округ за перевал.

В конце января правительство решило послать против мя-

тежных *тембу* Гонгубелы экспедицию под командованием Джона Хемминга. Колонна состояла из четырех сотен европейцев и двух с половиной сотен туземцев. Однако, по прибытии в назначенный район, выяснилось, что отряд слишком слаб, поскольку многие *гаика*, считавшиеся "лояльными", примкнули к Гонгубеле. 24-го января произошла жаркая перестрелка, в которой белые расстреляли почти все патроны, после чего поспешно отступили. На следующее утро бивак колонны подвергся нападению *тембу* под командованием Умфанты – младшего брата верховного вождя, враждовавшего со своим высокопоставленным родичем. Атака (убежден, речь идет о, чистой воды, краже, которую проспали караульные), была столь внезапной, что пятьдесят лошадей исчезли до того, как люди Хемминга успели схватиться за оружие.

Тембу перед выходом на патрулирование

Желая образцово наказать Гонгубелу, в конце января – начале февраля британцы совершили на земли *тембу* повторный набег, на этот раз увенчавшийся успехом. При крайне незначи-

тельных потерях, добыча составила 2000 голов скота и 5000 овец. Пострадавший от этого рейда Умфанта ушел к Дракенсбергу, где примкнул к Стокве Тьяли, после чего два вождя засели в неприступных горах у истоков Ксука-Ривер. На той же неделе капитан Рассел Апчер (первый батальон 24-го полка), задал трепку кафрам неподалеку от Ибека, в Галекаленде.

Самое серьезное столкновение в ходе всего конфликта, произошло 7-го февраля 1878 года. В двадцати пяти милях южнее главной станции британской пехоты у Ибека и в пятнадцати милях от устья Кей-Ривер, полковник Глин организовал пост. Впоследствии мне некоторое время пришлось им командовать, но рассказ об этом впереди. Сейчас же, опираясь на рассказ капитана Апчера, я коснусь так называемого "боя у Кентани".

Сам пост, расположился у подножья холма Кентани и был окружен прямоугольной насыпью, предназначенной скорее отметить границы кемпа, чем помочь при обороне. Пятого февраля несколько скаутов-*финго* ворвались в кемп, вопя, что видели большой импи *галека* всего в нескольких милях восточнее. Апчер, командовавший постом, приказал своим людям немедленно досыпать земляной вал, чтобы он мог служить бруствером и выкатил орудия на огневые позиции, на случай если противник атакует кемп. Но враг не появился ни в тот день, ни на следующий. Располагая довольно серьезными силами, Апчер не нервничал. В его распоряжении имелось две роты (204 бойца) его родного 24-го полка, 83 Конных Полицейских, 74 волонтера Конницы Каррингтона, 26 моряков и 29 артиллеристов Конной Полиции и Капских Волонтеров. Артиллерию представляли: одно девятифунтовое орудие, два 7-фунтовых и один 24-фунтовый ракетный станок, обслуживаемым моряками. Кроме того, с Апчером были три сотни *финго*, спавших и евших во временных укрытиях поблизости.

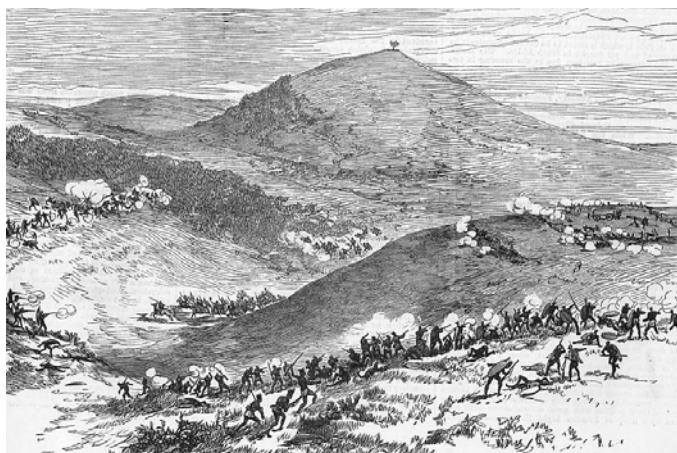
О подробностях подготовки *галека* к нападению, британцы узнали задним числом, от двух пленных, взятых в ходе боя. Пленники рассказали, что Крели, по совету своего главного

колдуна – Ксито, поддержанного Сигкавой и Кивой, собрал лучших воинов в Тала-буш, неподалеку от Кентани. Вождь намеревался застать белых врасплох, атаковать, смять и уничтожить пост, заполучив, таким образом, запас патронов и продовольствия достаточный для продолжения сопротивления. Крели располагал тремя тысячами воинов. Тут же находился Сандили еще с тремя тысячами *гаика*, правда, более склонный к рейду в Финголенд. Сандили, вполне резонно, предлагал объединенным силам вторгнуться на земли *финго*, сжечь и уничтожить там все, что можно, а затем отойти в места, удобные для обороны. Но верховный вождь отверг его предложение. Уязвленный Сандили решил предоставить возможность *галека* самостоятельно начать атаку, посмотреть, что из этого выйдет и лишь затем ввязаться в бой.

Накануне вечером, люди Крели прошли традиционную подготовку к битве. Колдун разрисовал лбы воинов широкими полосами краски и выдал каждому заколдованное ожерелье, представлявшее собой нанизанную на сухожилие деревяшку. Прикусывая амулет во время боя, по заверениям колдуна, можно было уберечься от пуль. Все обставили должным образом, и духи самых могущественных воинов прошлого пообещали поддержку своим потомкам. Но, то ли шнурок был плох, то ли дерево не того сорта, то ли негры грызли его недостаточно сильно – факт остается фактом: все убитые в бою кафры имели на шее амулеты со следами зубов, а некоторые, в предсмертной агонии, их даже перекусили.

Утром 7-го февраля погода необычайно благоприятствовала внезапной атаке. Перед рассветом, густой туман укрыл землю, ограничив видимость до пятидесяти ярдов. В полной тишине три колонны *галека*, ведомые Ксито, Сигкавой и Кивой, направились к кемпу. Сандили, со своими *гаика*, следовал позади. Кафры рассчитывали подкрасться к белым незаметно, а затем броситься в атаку. Но их ждало разочарование. Капитан Апчер выслал скаутов *финго* далеко вперед и в половине пятого

утра те, запыхавшись, примчались в кемп, уверяя, что приближается армия, казавшаяся им бесчисленной. Времени хватило лишь на то, чтобы спустить палатки и отправить гонца к миссионерской станции Тутура, где на ночь остановился отряд, идущий из Ибека. На счастье туман рассеялся, и британцы увидели *галека*. 9-фунтовое орудие сразу же открыло огонь по противнику, и было пущено несколько ракет. Несмотря на разрывы снарядов, кафры продолжили движение, пока не оказались в четырех сотнях ярдов от кемпа, где их задержал плотный огонь стрелков. Под градом пуль противник колебался, чего-то выжидая и не решаясь на последний бросок. Тогда рота 24-го полка, Полицейские и Конница Каррингтона получили приказ имитировать атаку. *Галека*, видя приближавшихся британцев, изготовились принять удар, но в последний момент белые развернулись и, в надежде увлечь противника за собой, изобраили паническое бегство. Обман удался. С громкими воплями *галека* бросились в погоню, а *гаика*, решив, что европейцы разбиты, присоединились к общей свалке.

Бой у Кентани

Кхоса честно делали все что могли, пытаясь смять защитников поста, уступавших им в численности раз в десять. Но

тщетно. Черные, в своем большинстве, имели лишь старые дульнозарядные мушкеты из которых можно попасть куда угодно, только не в то место, куда целишься. Несмотря на интенсивный огонь противника, основная масса пуль пролетела над головами людей Апчера и весь бой стоил британцам двух убитых и девяти раненых. В то же время, самые храбрые и сильные воины *кхоса* валились снопами под меткими выстрелами оборонявшихся. Около половины одиннадцатого к британцам прибыло подкрепление под командованием капитана Робинсона. Увидев новый отряд англичан у себя на фланге, противник пал духом. Кафры осознали, что бой проигран. Они отступили, унеся с собой раненых и оставив в траве около четырех сотен павших воинов.

После столь неудачного предприятия, Сандили со своими *гаика* перебрался обратно за Кей и укрылся в горах вдоль Томаса-Ривер. Что касается Крели, то, не добившись успеха, старик решил, что для него все кончено. Он распустил армию и немедленно ушел за Башии-Ривер в Бомваналенд, где смог укрыться сам и укрыть своих ближайших последователей, не оставивших его даже в таких обстоятельствах. Британцы, надеясь поймать верховного вождя, высылали патруль за патрулем, но тщетно. Они слышали, что Крели видели то здесь, то там. Наши люди выбиваясь из сил карабкались по горам, заглядывали в каждый клооф, но безуспешно. Даже высокая награда, предложенная за информацию о его местонахождении, не побудила *галека* нарушить законы верности и предать любимого вождя. Никто – ни кафры, ни белые, так и не сдали его властям. Только в 1881 году, вместе с двумя сыновьями, двумя братьями и парой сотен наиболее верных приверженцев Крели, по собственной воле, сдался Капскому Правительству. Несчастный старик, которому, к тому времени, было шестьдесят пять или шестьдесят шесть лет – заявил, что сложил с себя полномочия вождя. Британцы предоставили ему небольшой участок земли, купленный у *бомвана*, на котором он и провел

оставшиеся годы жизни. Крели был последним верховным правителем *кхоса*, чьим приказам, от Кейскамы до Башии, без колебаний, подчинялся каждый воин, способный метнуть *ассе-гай*. Он доживал свои годы в совершенной безвестности, и ему не требовалось ничего, кроме еды и одежды, хотя все *галека* продолжали относиться к нему с величайшим почтением.

После боя у Кентани большинство *галека* погрузились в пучину отчаяния и были готовы признать власть европейцев, в обмен на разрешение вернуться на старые земли. Лишь неукротимый Кива с небольшой группой воинов никуда не бежал и никому не подчинился. Он поклялся отомстить своему дяде – Мапасе, за то, что тот предал *галека* в трудное время и стал "собакой" белых. Кива объявил, что не успокоится, пока не прольет кровь изменника, но не успел исполнить обет. Восьмого марта лес, в котором он укрывался, был атакован большим отрядом *финго*, и в завязавшейся перестрелке Кива погиб. Со смертью Кивы, организованное сопротивление кафров в Галекаленде закончилось, и британцам оставалась лишь полицейская работа.

"КОННАУТСКИЕ РАЗБОЙНИКИ"

В середине февраля я получил приказ отправиться в Транскей³⁷ и принять командование постом у Кентани, о котором шла речь в предыдущей главе. Наряду с волонтерами, в мое распоряжение передали роту конных пехотинцев старого, доброго 88-го полка – "Коннаутских Рейнджеров". Этот знаменитый полк во время войны на Полуострове³⁸ не только покрыл себя неувядаемой славой, но и снискал за определенного рода достоинства прозвище "Коннаутские Разбойники". Отряд, находившийся на моем попечении, развил присущие "коннаутцам" качества до степени высокого искусства. Конные пехотинцы были великолепными парнями и превосходными солдатами, к сожалению, начисто лишенными способности отличать "наше" от "их". Они могли утащить как горячее, так и тяжелое.

³⁷ "По ту сторону Кей" – область за Кей-Ривер на восточной границе Капской Колонии.

³⁸ Вооруженные конфликты на Пиренейском полуострове в ходе наполеоновских войн начала XIX века.

Если объект вожделения был слишком горяч, они садились рядом и ждали, пока тот остынет. Если он был слишком тяжел, ребята приводили воловью упряжку. История с колоколом миссионерской станции Тутура, о которой я собираюсь рассказать, занимает не последнее место в списке легенд, долгое время гулявших по Транскей.

Не успел я принять командование над "коннаутцами", как на следующее утро они окружили штабную палатку, и объявили, что желают видеть командира. Я ответил, что буду разговаривать с кем-то одним, и вскоре старший сержант ввел огненно-рыжего ирландца со ртом, похожим на разорванный ранец.

– Извините, сэр, мы слышали, вы ирландец.

– Чистокровный, – не стал отпираться я, – и что из этого следует?

– Сэр, – продолжил рыжий, – мы беспокоимся о наших душах.

– Душах?! – Я был несколько обескуражен столь неожиданным поворотом, – да в вашем отряде каждая душа давно и безвозвратно потеряна, поэтому можете спать спокойно. Думаю, среди вас вряд ли найдется хоть одна заблудшая овца, которую еще можно спасти.

– Сэр, мы хотим исповедоваться – пропустил он мою ремарку мимо ушей.

– Передо мной лучше этого не делать, – сказал я, – иначе я буду вынужден отправить вас всех в штаб батальона для передачи военно-полевому суду.

– Но, сэр, – тянул он свое, – нам нужен священник.

– Священник! Лично я считаю, что вам не в состоянии помочь даже коллегия кардиналов! Но постараюсь добыть вам священника.

Он поблагодарил меня, и со вздохами облегчения депутация разбрелась по палаткам. Я сдержал слово. Хотя заполучить священника стоило немалого труда, в следующую субботу у нас появился отец Уолш, приглянувшийся мне с первого раза.

До сегодняшнего дня я, определенно, считаю его одним из самых замечательных людей, встретившихся мне в Южной Африке.

Передо мной предстал высокий, жилистый ирландец, обладавший, как впоследствии выяснилось, храбростью льва, отзывчивостью женщины, неисчерпаемым запасом забавных историй и сердечным смехом, в трудную минуту стоившим десятка штыков.

Отец Уолш прибыл в кемп субботним вечером. После краткого взаимного представления мы приятно провели время до отбоя. По его просьбе я приказал бойцам соорудить импровизированную церковь. Между четырьмя вагонами бойцы растянули большой кусок брезента, и на следующее утро святой отец приступил к своему тяжкому труду, исповедуя и облегчая совесть прихожан. Зная, что он, как католический священник, не может принимать пищу до окончания мессы, я поинтересовался, во сколько он желает завтракать. Святой Отец вздохнул так обреченно, что потоком воздуха меня чуть не вынесло из палатки:

– Я буду поздно, очень поздно, сын мой. Вначале мне предстоит выслушать исповеди.

– Отец, до того как вы выслушаете половину грехов этих мерзавцев, наступит время обеда, а может и ужина. Чтобы ускорить дело, рекомендую принимать их по секциям. Обещаю придержать для вас завтрак, пока вы не закончите.

День выдался отвратительно холодным и дождливым, и я старался без нужды не казать носа из палатки. Около полудня ко мне ввалился святой отец.

– Сын мой, мне нужна капля уюта перед ланчем!

У меня в запасах имелась бутылка виски, которой мы тут же отдали дань уважения, после чего, в благостном расположении духа направились в офицерскую палатку. Едва мы сели за стол, как в проеме возник Квин с большой тарелкой аппетитного рагу. Исходившие от блюда пряные ароматы, искусили

бы самого ревностного анахорета нарушить пост в Страстную Пятницу. На свою беду, спеша угодить святому отцу, Квин зацепился за растяжку и, в мгновение ока, восхитительное рагу поползло не по той стороне пищевода отца Уолша, по которой следовало.

Священник вспенился, словно приливная волна, бьющаяся о скалы.

– Ах, ты, неуклюжий гоблин, – заорал он, – если бы я был командантом Брауном, я бы объяснил тебе ... мерзавец, но, поскольку я отец Уолш, я только скажу тебе, чтобы ты, картофелемордый ирландец, никогда так больше не делал. И, глядя на твою безобразную рожу, я что-то не припомню ее на утренней исповеди. Сейчас я все-таки поем, а после обязательно займусь спасением твоей души. И я тебе не завидую!

Соскребя со святого человека остатки рагу и успокоив его, насколько смогли, мы принялись за ланч. Плотно перекусив и пропустив несколько порций "уютя и утешения", святой отец почувствовал себя достаточно комфортно и явно подобрел. Снизойдя к моей просьбе, он простил достопочтенного Квина, после чего кемп, очищенный его утренними трудами, погрузился в состояние безмятежного покоя.

Но вернусь к рассказу о "Коннаутских Грабителях".

Должен заметить, что, по моему глубокому убеждению, слово "грабеж" для настоящего солдата является почти священным. Во время долгого перехода оно поддерживает изнуренных бойцов, еле волочащих растертые в кровь ноги. Оно же, зачастую, вдохновляет их в бою. Так повелось с того самого дня, когда сын Ламеха и Циллы³⁹ выковал первого меч. Мало что изменилось и в наше время. Как бы на него не нападали моралисты, не желающие марать затянутые в лайковые перчатки руки, и "почтенная публика" из страха крови, готовая на

³⁹ Тубал-Каин — легендарный мастер, первый выковавший орудия из меди и железа (Книга Бытия 4:22)

мир любой ценой – слово "грабеж" остается первопричиной почти всех войн и великих дел, вершимых силой оружия.

Искусство грабежа можно разделить на несколько категорий: можно грабить врага, можно грабить мирное население, можно грабить собственно грабителей. Все определяется мерой наличных сил, открывающимися возможностями и масштабом предприятия. Увлечение этим благородным занятием свойственно правительствам "цивилизованных" стран не в меньшей степени, чем самому дикому бушмену. Не прошло и нескольких лет с тех пор, как Франция на пару со старушкой-Англией ограбили Китай, утащив все ценное, что попало под руку. Да что говорить! В нашей собственной, очищенной от скверны (т.е. ханжеской), добродетельной стране, уважаемый джентльмен порой не стыдится хвастать кражей соседского насеста. Почему же горемычный "томми", несущий на горбу тяжкий крест войны, должен побороть искушение украсть апельсины в чужом саду. И почему после всех кровавых битв и многочисленных лишений, его же нация, положившая себе в карман львиную долю награбленной добычи, обзывает беднягу вором и мародером. Когда речь заходит о мародерстве британского солдата, меня всегда подмывает спросить наших моралистов – что стало с призовыми деньгами, добытыми армией и флотом за последние пару сотен лет, и в чьих карманах осело золото, награбленное нашими солдатами и матросами?

.....

До войны на полпути из Кентани в Ибека процветала миссионерская станция. В ходе боевых действий *галека* ее разграбили и сожгли. Но, как выяснилось впоследствии, туземцы не тронули деревянную колокольню с великолепным колоколом, подаренным миссии какой-то, исполненной благих намерений, но, пребывавшей в плену беспросветных иллюзий, английской леди. Именно этот колокол, вызывающе болтавшийся на фоне синего неба и белых облачков, привлек внимание моих конных пехотинцев. Эскорт "коннаутцев", сопровождая вагон, достав-

лявший нам продовольствие, разбил бивак неподалеку от миссии. В этом месте дорога проходит несколько в стороне и, поскольку пожарище с нее не просматривалось, ни я, ни мои офицеры не подозревали о существовании колокольни.

Но два "томми", с присущей им пытливостью ума, вместо того, чтобы лениво развалиться на травке, направились к миссии, где вскоре и обнаружили колокол. Естественно, первым делом они полезли на колокольню и потянули за все еще болтавшуюся на языке колокола веревку. Над округой пронесся печальный "Б-о-о-о-м".

– Раздери мне глотку, это хороший колокол, Майк – изрек Пат.

– Хороший, это слабо сказано, – согласился Майк.

– Будет разумно, притащить его в кемп и отбивать им часы, – предложил первый злодей.

– Хорошо придумал, Пат, но как мы его снимем? – почесал затылок второй, – и не будет ли это святотатством?

– Ни хрена! – заверил искуситель, – я думаю, это будет даже святым делом. Скажи, разве проклятые черные еретики не сожгли церковь. Готов поспорить, что они, наущаемые дьяволом, захотят вернуться и сжечь колокол! Проклятие на головы этих гоблинов. Мы должны спасти колокол. Уверен, командант будет доволен. Он гордится своим постом и будет в восторге иметь в нем такую штуку.

На этом дискуссия прекратилась. Проблем с демонтажем не возникло. Недолго думая, достойная парочка подожгла высокую жесткую траву, в изобилии росшую вокруг колокольни. Пересохшее дерево легко вспыхнуло, и вскоре последняя гордость миссии с грохотом рухнула на землю.

Им потребовались все руки и две пары волов, чтобы подтащить добычу к вагону, который они предварительно наполовину разгрузили. Парни затолкали в него колокол, а затем вновь загрузили ящики и мешки с провизией, увязав все повторно. Покончив с делом, святотатственная банда, бесконечно

собой довольная, поужинала и заснула без малейших признаков раскаяния и угрызений совести. Нечестивое мероприятие заняло не менее двух часов по-настоящему тяжелого труда. Прикажи им делать что-либо подобное, да еще после дня, проведенного в седле – они бы ворчали не переставая, затянув дело до ночи. Здесь же из озорства парни потели по доброй воле, а затем, довольные собой, предались беззаботному отдыху, словно школьники, объевшиеся краденых яблок.

Два дня спустя, заполняя кипу бумаг в штабной палатке, я, к своему безмерному удивлению, услышал "полдень", отбиваемый в сочно звучащий колокол. Зачуяв неладное, я вызвал сержант-майора волонтеров.

– Откуда колокол? – поинтересовался я.

– Не могу знать, – ответил он, – его повесили эти дикие ирландцы, сэр.

Замечу, что сам он был из Ольстера.

– Пришлите ко мне их дежурного сержанта, – приказал я

Вскоре передо мной предстал образцовый солдат армии Ее Величества – подтянутый, с отличной выправкой и застегнутый до последней пуговицы.

– Сержант, где вы взяли колокол, звук которого я только что слышал?

– О, сэр, мы привязали его, думая, что будет удобно отбивать им часы, сэр, и вы будете довольны.

– Мне нравится, – признался я, – но где вы его взяли?

– Понятия не имею, сэр. Наверное, его привез капрал Финакан и последний эскорт. Будет удобно отбивать им часы, сэр, и хорошо, что он не достался черным безбожникам.

– Ну что ж, пойду, посмотрю на ваше "удобство", а вы пришлите ко мне капрала Финакана.

Отпустив сержанта, я отправился к палатке дежурных. Перед ней, подвешенный на прочных столбах, висел самый великолепный колокол, который я когда-либо видел. Не принимая во внимание его акустические качества, подобное произведение

искусства, наверняка, стоило кучу денег. Причем я имею ввиду лишь работу, не говоря о расходах на транспортировку. Но как же, черт возьми, "коннаутцы" заполучили в свои лапы подобную красоту? То, что передо мной собственность Церкви, не вызывало сомнений, но в этом район не было церквей в пределах сотни миль, а, по моему глубокому убеждению, единственная в округе негритянская миссия, ни при каких раскладах, не могла владеть подобным шедевром. В любом случае, свет на данный вопрос мог пролить лишь капрал Финакан. Вскоре явился и он.

– Капрал, где вы взяли колокол?

– Да, сэр! Это колокол, сэр!

– Я сам вижу, что это колокол, но где вы его взяли?

– Мы думали, что будет удобно отбивать им часы, сэр, и хотели сделать вам приятное, сэр!

– Вы сделали мне приятное, но где вы его взяли?

– Вы хотите знать, где мы его взяли, сэр? Мы его вовсе не брали, мы просто его принесли, сэр, потому что думали, будет удобно...

– Да, да, но откуда вы его принесли?

– Откуда его принесли? Мы не несли его, сэр, это вагон его вез, сэр, потому, что мы думали, будет очень удобно...

– Дьявол заберите ваше удобство! Как он оказался в вагоне?

– Сэр, мы чуть не понадрывались, чуть спины не посрывали, пока подняли его в вагон, и мы думали...

– К черту ваши раздумья, где вы поднимали его в вагон?

– Это было на дороге из Ибека, сэр. Пат О'Рафerti и Майк Фринч нашли его, одиноко лежащим на шкуре. Бедный колокол, он же не мог звучать, поэтому мы подумали, что будет удобно...

– Да провались ваше удобство в преисподнюю. Если вы продолжите в том же духе, военно-полевой суд найдет весьма удобным нарисовать на вашей спине полос больше, чем нашивок на вашем мундире. Можете идти.

Уходя, капрал и сержант старались сохранять невозмутимый вид, но как только отошли на безопасное, как они полагали, расстояние, я услышал бормотание:

– Не бери в голову сержант, командант доволен, будто его поцеловала чужая девка.

Как я уже говорил, мысль, что разоренная миссия владела подобным колоколом, была отмечена сразу же. Мои офицеры придерживались подобной же точки зрения. Хотя несколько последующих дней мы заводили разговоры на предмет, каким образом колокол подобного размера попал в нашу глушь, ни один из нас не допускал возможности, что эта штукавина принадлежит неграм. В конечном итоге, мы пришли к общему мнению, что пройдохи, подобные Коннаутским Рейнджерам, время от времени находят необычные предметы в самых заброшенных уголках мира. Должен сказать, что в Новой Зеландии я лично обнаружил носовую фигуру большого корабля на вершине горы в центре Северного Острова.

Я позволил оставить трофей в кемпе и использовать в качестве "часового колокола". Вскоре все бросили о нем думать и, за исключением моментов, когда он отбивал время, забыли о колоколе напрочь. Лично я был от него в восторге. Мелодичный звон задавал общее настроение, а я всегда заботился об опрятности, комфорте и должном обустройстве моих временных жилищ. Кроме того, у нас он был в безопасности и по первому требованию мог быть возвращен настоящему владельцу.

Время шло. Ребята из 88-го давно вернулись в свой батальон, когда меня посетил полковник Глин, к тому моменту командовавший войсками в Транскей и инспектировавший свои подразделения. Мы с полковником знали друг друга много лет и, по завершении инспекции, откупили бутылку "Башмиллса"⁴⁰, великодушно предложенную командующим. Непринужденно болтая в моей палатке, мы наслаждались божествен-

⁴⁰ Сорт ирландского виски

ным напитком, когда колокол пробил полдень. Полковник как раз подносил стакан к губам, как его ушей достиг звук первого удара. Старик подскочил, словно раненая антилопа.

– Господи, Браун, – поперхнувшись, сипел он между приступами кашля, – что это, ради всего святого?

– А, это. Всего лишь колокол, сэр. В него очень удобно отбивать часы – довольно невинно ответил я, удивленный неадекватной реакцией старшего товарища и невольно подражая капиталу Финакану в манере изъясняться.

– Всего лишь колокол! – завопил он, – всего лишь колокол! О Боги! Браун – вы святотатственный плут! Дружище, вы попали в хорошую переделку. Попы прожужжали генералу все уши и подняли хай в прессе обвиняя войска в мародерстве, кощунстве и семи смертных грехах из-за кражи колокола. Будь он неладен! Я едва отбил их нападки, с пеной у рта доказывая, что войска в этом деле ни при чем, как вдруг обнаруживаю чертову штуку в вашем лагере. Почему, ради всех святых, вы не оставили миссию в покое? Вам небо покажется с овчинку, когда эти святоши примутся за вас. Что за..., – старик продолжал кипеть, и я начал опасаться, что дело кончится апоплексическим ударом. Наконец, получив шанс втиснуть слово и объяснить суть дела, мне удалось его кое-как успокоить Сытный ланч и еще лучший обед позволили к вечеру восстановить наши прежние дружеские отношения. Правда, и после полудня, и вечером я замечал, что полковник закрывал уши всякий раз, когда протяжный звон плыл над кемпом, но вместе с тем, время от времени слышал его бормотание: "очень хороший колокол, чертовски хороший тон, удобно иметь в большом кемпе, везде слышно..." и т.д и т.п..

Утром, после завтрака, он отозвал меня в сторону.

– Браун, затолкайте этот колокол в мой вагон. Я отвезу его в штаб-квартиру и прослежу, чтобы пропажу вернули владельцам. Думаю, что смогу помирить вас со святошами особенно, если пообещаю оплатить все издержки по установке. Возмож-

но, вам удастся относительно легко выкрутиться. До свидания, мой мальчик. Если представится возможность, приезжайте ко мне в Ибека и не забудьте по дороге подстрелить несколько куропаatok. Берегите себя и больше не воруйте церковное имущество.

С этим прощальным напутствием полковник Глин, в самом благостном расположении духа, дал коню шенкеля. Мне оставалось лишь выполнить приказ. Колокол отправили в главный кемп, и несколько дней мы с бойцами скучали по его серебряному голосу.

Вскоре мне судилось вновь услышать знакомый звон, доносившийся, к моему изумлению, вовсе не с церковной колокольни. Когда через пару недель я приехал в Ибека, не забыв, согласно указанию полковника, подстрелить несколько куропаatok, то сразу распознал эти сладкие тона, сообщающие время в кемпе.

– У вас отличный колокол, – заметил я приятелю.

– Да, отличный. Мы все им очень гордимся. Недавно полковник привез его с собой. Интересно, где старик откопал такое чудо? Очень ценное приобретение для кемпа, не правда ли?

– Да, – ответил я с тяжким вздохом и некоторое время предавался размышлениям о человеческом коварстве, замешанном на неискоренимом пристрастии к грабежу.

С тех пор прошло много лет, но иногда я задумываюсь, отбивает ли этот колокол часы для славного полка или его вернули назад и он призывает засаленных кафров посетить службу, в которой они не понимают, ни слова.

.....

Раз уж зашел разговор о "Коннаутских Рейнджерах", позволю себе поделиться еще одной историей на ту же тему, произошедшей, опять же, у Кентани, в первых числах марта. В окрестностях поста имелось несколько ферм, покинутых владельцами в самом начале войны. В поспешном бегстве хозяева

побросали домашнюю птицу, овощи на грядках, мебель и всевозможный мелкий скраб. Должен чистосердечно сознаться – кое-что с их огородов шло на стол, разделяемый мной с тремя другими офицерами. Парни не страдали особыми угрызениями совести по поводу мелких экспроприаций и были отличными товарищами, так что мы жили и обедали в мире и согласии.

Разумеется, командование регулярно издавало строгие приказы о пресечении разрушения собственности и наказании мажордерства любого рода. Эти приказы как раз были обновлены генералом Фредериком Тесиджером, недавно сменившим сэра Артура Каннингхема на посту командующего и довольно сносно исполнялись. "Разрушение собственности" еще можно понять, но ни один "томми" не мог объять умом, почему непозволительно пополнить однообразный солдатский рацион пучком зелени и овощами, гниющими на заброшенных грядках. Что касается птицы, то я имел совместные торжественные заверения повара – Тима Малдони и моего Квина, основательно подкрепленные Деннисом О'Салливаном и Майком Дуланом – офицерскими конюхами Рейнджеров, что "бедные курочки томились в одиночестве и тосковали на покинутой ферме. Они пришли в кемп по собственной воле и не было ни какой возможности уберечь бедную живность (благослови ее Господь!) от попадания в котел. Естественно, поскольку курица лично настаивала, чтобы ее приготовили, то, грызя превосходно поджаренное крылышко, я не испытывал мук раскаяния. Все было прекрасно, если не считать, что предательские перья носило ветром по всему кемпу.

Тихим вечером, плотно поужинав после утомительного дневного патрулирования, мы расселись на ящиках из-под патронов, болтая и покуривая трубки. Разомлев от ощущения сытости, зевая и потягиваясь, я безо всякой задней мысли не удержался от ремарки.

– Господи, как хорошо! Сейчас бы прилечь на чем-нибудь мягоньком.

– На сегодняшней ферме, был отличный диванчик, – мечтательно поддержал меня Джеймс Бирн – лейтенант Рейнджеров, ходивший с нами в патруль.

– Да, было бы неплохо вытянуть ноги на диване, словно ты в доме, а не в палатке, – продолжил мечтать я, – а если бы у нас было пианино, то вы, Джеймс, в столь чудесный вечер, нам что-нибудь сыграли.

Затем разговор перешел на другие темы, и естественно, мои офицеры тут же выбросили эти благодушные фантазии из головы. Но, как оказалось, к нашим словам совсем иначе отнеслись подслушавшие их Дулан и О’Салливан.

На следующее утро я вновь ушел с отрядом конных пехотинцев и горсткой *финго* в патруль и три дня обшаривал окрестные холмы. Мы уже возвращались, когда, в нескольких милях от базы, ко мне прискакал посыльный с сообщением, что генерал Тесиджер сегодня вечером планирует посетить наш кемп с инспекцией. Я был уверен, что в моем хозяйстве все в порядке, но, руководствуясь жизненным опытом, решил, во избежание недоразумений, оказаться в кемпе раньше командующего. Пришпорив лошадей, мы достигли поста, когда эскорт генерала лишь поднялся на гребень холма, стоявшего в двух милях от нас. Окинув взглядом линии палаток и коновязи, я удостоверился, что за порядок можно не волноваться и поспешил к своей палатке умыться и придать себе более-менее опрятный вид.

Лейтенант Бирн, с которым мы делили кров, достиг палатки чуть ранее, и я услышал донесшийся из-под полога вопль ужаса, в который через мгновение вплеся мой собственный.

– О, Силы Ада! – полагаю, в сложившихся обстоятельствах, это восклицание могло вырваться из уст Святого Патрика.

Передо мной, в моем собственном тенте(!), стоял великолепный диван, покрытый шторой с вычурным узором из пестрых цветов и птиц, от которого рябило в глазах. В моей голове зазвучал похоронный марш, исполняемый в до-миноре. Видимо,

ту же музыку слышал мой несчастный и, судя по остекленевшим глазам, отчаявшийся компаньон.

*Генерал Фредерик Тесиджер
(впоследствии лорд Челмсфорд)*

Для расспросов и раздачи благодарностей времени не оставалось. Вознося молитвы Небесам и посылая проклятия демонам, мы понеслись на плац встречать генерала, как раз въезжавшего в кемп. Я не был знаком с генералом Тесиджером, но на неделе имел удовольствие читать его распоряжение, разосланное всем командантам постов и содержащее категорическое требование, ни при каких обстоятельствах, не прикасаться к собственности бежавших фермеров. Веселая история! Или, как в старые времена любил говаривать один из моих сержантов – вот тебе и полный котелок рыбы! Генерал мог пожелать заночевать в кемпе и, естественно, пока не подготовят его собственную палатку, мне надлежало предложить ему для отдыха свою. Он мог захотеть перекусить, и только Господь Бог знает, что еще украли на ферме и приволокли в офицерскую столовую за время моего отсутствия. Ходили слухи, что генерал был

весьма строгим и жестким командующим, а, судя по содержанию моего жилища, весь кемп превратился в сплошное хранилище похищенной собственности. Не удивительно, что сменя на плац, я пребывал в состоянии легкой паники, не в силах избавиться от видений военно-полевого суда, роившихся в голове. Отдавая приказ "На караул!" я всем сердцем желал, чтобы земля под ногами разверзлась и поглотила мое пропащее тело сию же секунду.

Если бы я знал, с каким обходительным и деликатным человеком мне предстояло иметь дело! Выслушав рапорт, генерал доброжелательно улыбнулся.

– Пожалуйста, распустите своих людей, командант. Я вижу, вы только что вернулись с патрулирования, поэтому не намерен беспокоить вас сегодня, а проведу инспекцию на обратном пути.

– Сэр, не желаете спешиться и выпить чаю, – изобразил я радужного хозяина, внутренне содрогаясь от собственной наглости и трепеща, что Фортуна, с минуты на минуту, провернет свое скрипучее колесо.

– О, нет, благодарю. Я направляюсь на мельницу Хейна, но перед тем как уеду, позвольте мне напомнить вам абсолютную необходимость соблюдения приказа, касающегося сохранения собственности на покинутых фермах, поскольку от их владельцев поступает множество жалоб. Но я уверен, что вы делаете это и без моего напоминания. Доброго вам вечера. Джентльмены, выступаем!

Произнося эти слова, генерал усмехнулся и, могу поклясться, в его глазах играли бесенята. Сто к одному – он давал мне шанс. Кавалькада проследовала на север, оставив меня возносить молитвы и благодарности Святому Николаю, верному защитнику всех оступившихся и заблудших, за благополучное и чудесное избавление. Воздав должное святому заступнику, я страстно возжелал пообщаться с моими земными благодетелями.

Распустив людей, мы с офицерами направились в столовую, одновременно служившую канцелярией. Вступив в нее, я в десятый раз поблагодарил судьбу за мое невероятное везение. Крытая травой и шкурами хижина, три дня тому имевшая упаковочный ящик вместо стола и пустые коробки из-под патронов в качестве стульев, теперь могла похвастать отличным обеденным столом, восемью стульями и двумя американскими креслами-качалками. Хлипкие стены из тростниковых матов, сквозь которые вечно с задором свистел ветер, были задрапированы плотными шторами всевозможных расцветок. Многочисленные лампы, подсвечники, статуэтки и масса прочих безделниц украшали наш унылый, в прошлом, уют. Если для завершения живописной картины и требовалась яркая деталь, то она наличествовала в виде выстроившихся в ряд четырех грешников с самодовольными ухмылками на бесстыжих физиономиях, очевидно ожидавших возгласов безмерного одобрения. Глядя на их нагло лыбящиеся рожи, я едва совладал с искушением сграбастать всех четверых за волосы и долго стучать безмозглыми лбами друг о друга.

Мы вошли в хижину и сели. Какое-то время я молчал, глядя на квартет со всей строгостью и мрачностью, на какую был способен. Заметив, что от затянувшейся паузы их улыбки начали увядать и решив, что мерзавцы почувствовали должную степень дискомфорта, я произнес краткий спич, вложив в интонации всю горечь, на какую был способен.

— Мне очень жаль, ребята, но надежды у вас нет. Вы, определенно, будете повешены через три дня, поэтому я рекомендую вам позаботиться о милосердном отношении к вашим душам на том свете, чего они, определенно, не заслуживают на этом.

Тут злодеи, затянули партию, достойную подмостков Ковент-Гардена⁴¹

⁴¹ Королевский театр, расположенный в районе Ковент-Гарден, по которому и получил название.

– О-о-о, но почему? – ныл Майк, – почему меня должны повесить, сэр? За что?

– Мы же только хотели создать вам и офицерам немного комфорта и домашнего уюта, – ревел Денис

– А я, – скулил Тим, – сварил отличную индейку, настолько нежную, что буквально разваливается на кусочки. И ни одно чертово перышко никуда не улетело. О, Мать Божья! Коммандант! Мы же не воры. Мы не бросили печку на полпути, хотя она была такой тяжелой, что мы спины понадрывали.

– И если мы выпили одну бутылку виски, – басил Квин, вливая в общий хор нотки скорби, но отнюдь не раскаяния, – то, разве мы не оставили там нетронутыми еще десять бутылок?

Затем все четверо затаили хвором.

– О коммандант, дорогой, замолвите за нас словечко! Не позвольте чертовой военной полиции нас повесить! Наши милые матери этого не переживут.

Причитания грешников не стихали добрых пять минут.

– Я хотел бы заступиться за вас, – ответил я, – но вы слышали приказ и нарушили его. Чертовы мародеры! Нет, боюсь, у вас нет шансов.

Обернувшись к офицерам, я поинтересовался.

– Ваше мнение, джентльмены?

– Нет, сэр, – ответил один из них, – ни малейшей надежды. Генерал, несомненно, повесит их в назидание остальным.

– Да, сэр, – отозвался второй, – но, возможно, если вы будете защищать их изо всех сил, каждый из этих клоунов сумеет отделаться двадцатью ударами бичом и десятью годами тюрьмы. И то, в случае, если все удастся вернуть на место.

– О-о-о... – вновь взревел Майк, – мы все, до последней щепки, оттащим назад, даже очаг. И пусть у нас лучше спины сломаются.

Комическая сторона воспитательного процесса начала брать вверх. К тому же, после всех нервных переживаний очень хотелось промочить горло. Я решил завершать представление.

– Квин, дай нам что-нибудь выпить, и чтобы через десять минут для меня была готова ванна. Остальные мошенники займитесь делом, пока за вами не явилась полиция. Ты Дулан, беги к кондуктору и скажи ему, чтобы завтра утром он приготовил вагон и волов. Малдони – если сегодня будет хороший ужин, возможно, я замолвлю за тебя слово и спасу твой жирный зад от порки. А теперь убирайтесь.

Изгнав разбойников, мы уселись в роскошные кресла и от души посмеялись, поздравив себя с чудесным избавлением от неприятностей. Затем выпили за здоровье генерала из резных стеклянных стаканов вместо обычных мятых кружек и через несколько минут я уже нежился в роскошной ванне, а не обтирался губкой из ведра, стоя в тазу. Всю ночь мы наслаждались тем, что Квин называл "удобствами цивилизации". В ход пошло даже пианино.

На следующее утро вагон вернул всю эту роскошь, включая орошаемую слезами Малдони плиту, туда, где им надлежало быть. Генерал, вновь посетивший пост спустя четыре дня, нашел наши палатки чистыми и аскетичными, как и надлежит образцовому кемпу британской армии.

Охота на Тини Макома у Ватерклоофа

РАЗГРОМ КЛАНОВ ПАРАБЕ

Как вы помните, сразу после боя у Кентани, Сандили со своими людьми ушел за Кей, в горы вдоль нижнего течения Томаса-Ривер, где, не особо заглядывая в будущее, рассчитывал держаться, покуда у него хватит продовольствия и боеприпасов. Но вместо того, чтобы затаиться, 23-го февраля он заявил о своем присутствии в долине Томаса, напав на отряд капитана Харви, состоявший из 180 Квинстаунских Волонтеров и полутора сотен туземцев. Отряд, патрулируя территорию, безмятежно завтракал на берегу реки, когда его атаковали около тысячи *гаика* под командованием Матанзимы (сына Сандили). К счастью, большинство нападавших были вооружены ассегаями. Лишь несколько человек имели ружья из которых палили, не причиняя особого вреда, поскольку или слишком

высоко целились, или закрывали глаза, нажимая на спусковой крючок.

Волонтеры держали оружие под рукой и оказались готовы к нападению, хотя *кхоса* надеялись на противоположное. Британцы открыли ответный огонь, сумевший остановить людей Матанзимы. Бой продолжался около двух часов. Валуны и кустарник предоставляли атакующим определенную защиту, и некоторые *гаика* сумели подобраться на полсотни шагов. Однако, похоже, они утратили былое искусство метания ассегаев, поскольку лишь один из волонтеров был ранен. Поняв, что несут слишком большие и бесполезные потери, нападавшие удалились, унося с собой раненых и бросив на поле боя около ста тел.

Чуть ранее, где-то в середине февраля, колонисты принялись засыпать правительство жалобами, что Тини, сын легендарного Макомы, собрал в своей фамильной твердыне – Ватерклоофе, около тысячи воинов, а количество скота, похищенного в районе Форт-Бофорта превышает потери, возможные в открытой войне.

Конница Алмазных полей в Кинг-Вильямс-Тауне

Очистить Ватерклооф поручили подполковнику Генри Палмеру, командовавшему 90-м пехотным. Ему придали несколько колониальных подразделений, в том числе "Конницу Алмазных Полей" – отличный отряд волонтеров, набранный майором Ланьоном в Кимберли. Десять офицеров и сотня бойцов под командованием полковника Чарльза Уоррена, пересекли Оранжевую Республику и, преодолев в седлах более трехсот миль, достигли Кинг-Вильямса, сразу же включившись в боевую работу.

В самом конце февраля, посетив Кинг-Вильямс, я получил неожиданный полу-приказ, полу-просьбу начальника штаба главнокомандующего: сопроводить недавно прибывшего в Южную Африку художника, корреспондента и по совместительству добрейшего малого, Мэлтона Прайера, страстно желавшего присоединиться к колонне Пламера. Прайер прибыл, прямо с Балкан, где, в качестве корреспондента, участвовал в русско-турецкой войне и просто светился эманациями бывалого воина. Не спорю, как художнику бинокль ему был крайне необходим. Естественно, без револьвера в районе боевых действий человек чувствует себя неуютно. Но Мэлтон носил экипировку с таким воинственным видом, что человек, видевший его впервые, едва сдерживал улыбку. Этот простодушный толстяк в очках и канотье⁴², имел близких знакомых в армейской верхушке и был на короткой ноге с самим главнокомандующим. Находясь преимущественно при штабе и наблюдая войну из кемпа, он, как и следует ожидать, отличался воинственностью речей и легкомысленно-доверчивым отношением к армейским байкам. Полевой быт приводил Прайера в восторг, но изучать его художник предпочитал из личного экипажа, в котором, кроме рисовальных принадлежностей, всегда имелся запас приличной выпивки и изысканных деликатесов. Надо

⁴² Канотье – невысокая цилиндрическая соломенная шляпа с плоским верхом, узкими твердыми полями и чёрной лентой

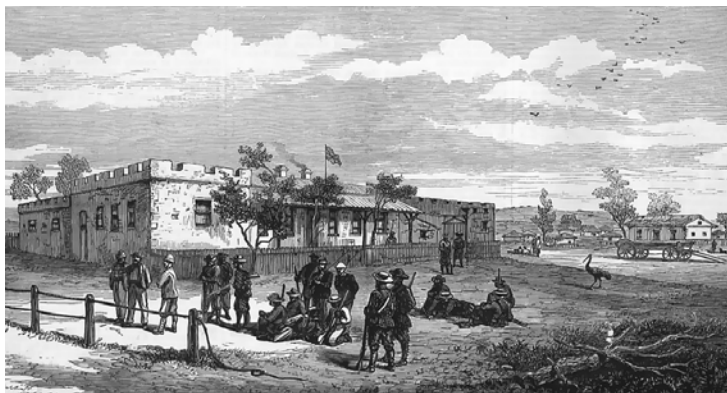
отдать Мэлтону должное, он не отличался скарденностью, и его "кладовая" всегда была к услугам приятелей и случайных попутчиков.

Первоначально я планировал совершить поездку вдвоем, но генерал, не желая, чтобы гость впутался в неприятности, приказал нам присоединиться к небольшому отряду волонтеров-пехотинцев, направлявшихся в Форт-Бюфорт. Отчасти он был прав, поскольку в этих местах шанс нарваться на кучку бродячих кафров был довольно велик, а "лояльные кафры", зачастую, оказывались еще большими злодеями, чем их сородичи по ту сторону Кей.

Люди и животные изнемогали от жары, поэтому отряд совершал короткие дневные переходы. Постоянно хотелось пить. Прайер, на мой взгляд, рисовал намного лучше, чем держался в седле и пребывал в легком шоке оттого, что мы путешествовали "совсем налегке". По моему настоянию мы ограничились притороченными к седлам пальто да непромокаемыми плащами, а в седельных мешках нашлось место лишь для овса, и самой необходимой мелочи. Естественно, бедняга считал, что мы путешествуем нагишом. Провизию и боеприпасы везли в небольшом карте, а потребность в мясе удовлетворялась забоем одного из волов, от туши которого каждый отрезал приглянувшуюся ему часть. Для нежной души художника это было слишком, и мне пришлось выступить в роли его личного повара. На новом поприще я заслужил блестящую репутацию, предложив спутнику на ужин "carne con suero".

Подготовка ко сну также была примитивной. Стреножив лошадей, мы набирали в качестве подстилки достаточное количество травы, расстилали поверх непромокаемые плащи и закутывались в пальто. Седло привычно исполняло роль подушки. Но, несмотря на сухой сезон, в первую же ночь с погодой что-то пошло не так. Ближе к полуночи хлынул необычный даже для здешних мест ливень, больше походивший на урезанный вариант Всемирного Потопа. О сне не могло быть речи

и сидя в лужах, мы едва дождались рассвета. С первыми лучами солнца, игнорируя утренний кофе и трубку, мы поспешили взгромоздиться в седла, мечтая лишь об одном: обсохнуть и согреться. Едва колонна вытянулась вдоль дороги, над ней повисло живописное облако пара, радуя душу служителя муз, успевшего частично прийти в себя и восторженно впитывавшего местную экзотику.

*Укрепленная ферма на дороге из Кинг-Вильямс-Тауна
в Форт-Бофорт*

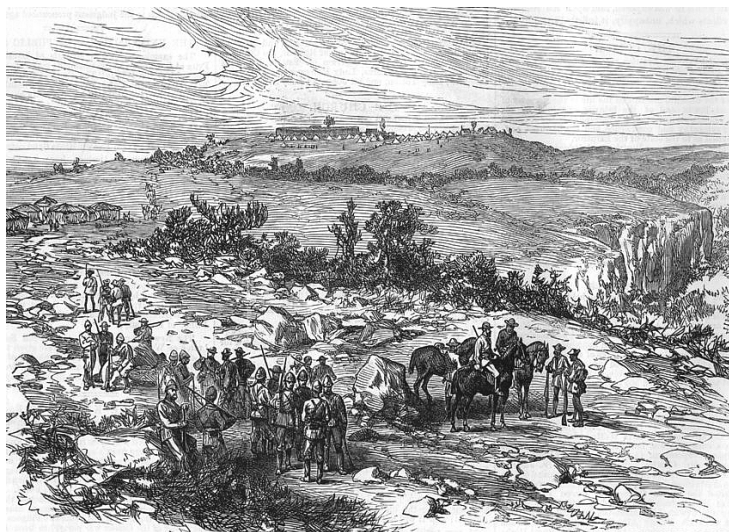
На третий день передовой дозор сообщил, что кучка кафров скрывается в небольшой, поросшей бушем расселине. Два десятка бойцов послали в обход, а четверке волонтеров приказали стеречь выход из лощины. Командир отряда, сидевший на ладной кобылке, предложил нам с Прайером составить ему компанию и подняться на ближайший холм – осмотреться. Не успели мы достичь вершины, как слева-внизу заметили нескольких кафров, явно пытавшихся улизнуть. Пустив лошадей галопом, мы быстро настигли беглецов, которые тут же объявили себя "лояльными кафрами". На свою беду черные имели четыре винтовки, пучок ассегаяев и ни одного правительственного пропуска. Связав пленников, мы погнали их к бушу.

У спуска в лощину, нам открылась сцена, заставившая серд-

ца похолодеть: четверо волонтеров лежали без движения, уткнувшись лицами в траву. Очевидно пикет погиб, но почему не было слышно стрельбы? Опасаясь засады, осторожно подъезжая ближе, мы ежесекундно ожидали услышать из-за ближайшего куста грохот выстрела. Но вместо этого до наших ушей донеслись раскатистые переливы здорового храпа. Пикет дрых без задних ног. Капитан леопардом спрыгнул с седла и от души прошелся сапогом по ребрам негодяев.

– Где ваши винтовки, бездельники?!

– Э...? – вояки спросонья выразительно мычали, озадаченно теребя бороды и недоуменно вертя головами. Только тут до всех дошло, что винтовки пикета стащили пойманные нами кафры, впоследствии признавшие, что не убили белых лишь потому, что это наделало бы много шума.

Форт-Фордис у Ватерклоофа

На пятый день пути мы прибыли в Форт-Фордис, где были сердечно приняты полковником Палмером и его офицерами.

Пытаясь избежать ненужного кровопролития, Палмер делал

все возможное, уговаривая Тини Макома сложить оружие. Он даже отправил двух из приведенных нами кафров с письмом к старшей жене Тини, по слухам сносно читавшей по-английски. В послании Палмер заверил вождя, что, в случае безоговорочного подчинения, не причинит вреда ни ему, ни его людям. Если же Тини будет упорствовать – атакует и убьет всех, кто попадется под руку. Ответ был настолько вызывающим, что полковник решил немедленно атаковать.

Операцию назначили на четвертое марта. Британская колонна насчитывала около 1200 человек. Бой планировался у Ватерклоофа и так называемой Железной Горы. Все подходы к убежищу Тини Макома контролировали люди 90-го полка, волонтеры и *финго*, а главная колонна, исполняя роль загонщиков, вытесняла противника из буша под стволы стрелков.

Гаика были настроены весьма воинственно. Вечером кафры разложили множество огромных костров, и мы с интересом наблюдали пляски воинов, сопровождавшиеся дикими воплями и не менее дикой жестикуляцией. Возбуждение дикарей непроизвольно передалось нашим людям, поэтому, перед рассветом, получив приказ выступать, все были бодры и энергичны.

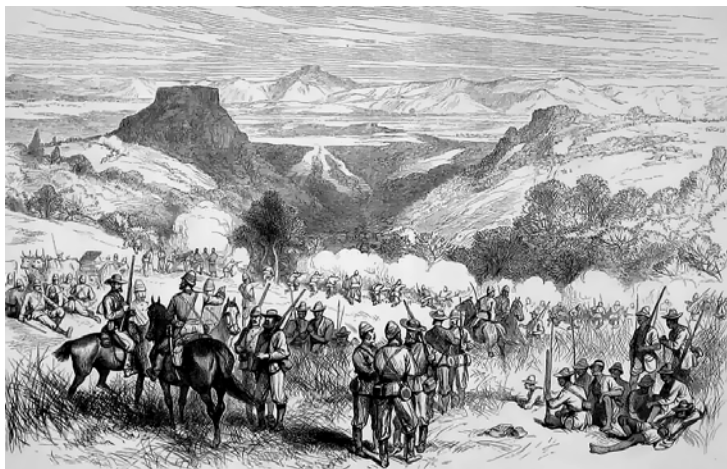
Около часа ночи майор Хакетт с пятьюдесятью бойцами отправился к покинутой ферме у подножья Железной Горы, чтобы развернув там заслон, не дать противнику прорваться из одного буша в другой. Этот маневр был наиболее сложным и опасным. К счастью, стояла такая темень, что люди с трудом видели друг друга. Бойцы получили строжайший приказ соблюдать тишину, и было удивительно, насколько хорошо он выполнялся. Отряд Хакетта уходил настолько бесшумно, что, находясь всего в пятнадцати шагах, я едва улавливал звук движения.

Мы с Прайером присоединились к майору Черри, командовавшему основной колонной.

Акция началась в пять утра. Ширина ущелья, которым вой-

ска вошли в Ватерклоф, едва позволила провести орудия. *Финго* действовали на флангах и в качестве скаутов. Конница Алмазных Полей вместе с другими конными волонтерами, двигалась впереди основных сил. Едва миновав ущелье, кавалеристы рванули галопом, чтобы успеть занять позицию в четырех милях дальше, на нашем правом фланге. Несколько рот 90-го полка и волонтерская пехота продирались сквозь буш с орудиями и санитарными вагонами. Тыл прикрывали волонтеры и *финго*.

Колонна преодолела почти половину зарослей, когда донеслись звуки быстро нараставшей стрельбы, походившей на серьезную схватку. Майор Черри приказал людям поторапливаться, и вскоре мы достигли гребня, откуда могли видеть перестрелку. Нас разделяло довольно большое расстояние, но из-за чистейшего воздуха, казалось, что дело происходит совсем рядом.

Акция у Ватерклоофа

Вскоре выяснилось, что волонтеры наткнулись на отряд *гаика*, как раз зарезавших вола и усевшихся завтракать. После первого же залпа кафры, словно мыши, бросились врассып-

ную. Не пытаясь оказать сопротивление, на бегу стреляя через плечо, каждый из них пытался поскорее достичь спасительных зарослей. Грохот выстрелов растревожил укрытый в буше скот. Стада, то и дело, выбегали на открытое пространство, где *финго* с радостными воплями их "реквизировали".

Тем временем противник открыл с кромки буша организованный огонь, на который британцы ответили ураганом свинца. Подоспевшие орудия, включили свое бодрое рывканье в общий хор.

Теснимые пехотой, понимая безнадежность сопротивления, *гаика* хлынули через открытое пространство к зарослям на противоположном склоне долины. Несмотря на невообразимый грохот выстрелов и тучи порохового дыма, большинству из них удалось прорваться сквозь заградительный огонь стрелков. Мое внимание привлек крупный, хорошо сложенный кафр, на свою беду ставший лакомой мишенью для целого взвода. Он почти достиг спасительных кустов, как вдруг споткнулся, затем вновь побежал, вновь остановился, побежал еще раз и, наконец, упал ничком на землю. После боя мы его осмотрели. В беднягу угодило девять пуль от "мартини-генри". У него была перебита рука, нога и снесена задняя часть черепа. Не верилось, что человек с такими ранами был способен двигаться.

В то же время черные боги явно благоволили хромоту старику, выскочившему на поляну, едва орудия принялись обрабатывать Железную гору. Первым его заметил доктор. Вопреки человеколюбивому призванию, азартный эскулап схватил винтовку и принялся палить по старому черту, петлявшему меж валунов. Пятнадцать или двадцать стрелков тут же присоединилось к этому развлечению.

То ли у кафра был правильный амулет, то ли от нас отвернулась удача, но ни одна пуля не задела старика, хотя дистанция стрельбы не превышала ста пятидесяти ярдов. Одетый в жакет, артиллерийские брюки и фетровую шляпу он, в добавок, не

желал расставаться с одеялом, хвостом тащившимся позади и цеплявшимся за каждый куст. Игнорируя хромоту и возраст, негр скакал словно заяц, сумев нырнуть в буш под свист и хохот стрелков, отдавших должное необычной прыти. Позже выяснилось, что это был сам вождь – Тини Макома.

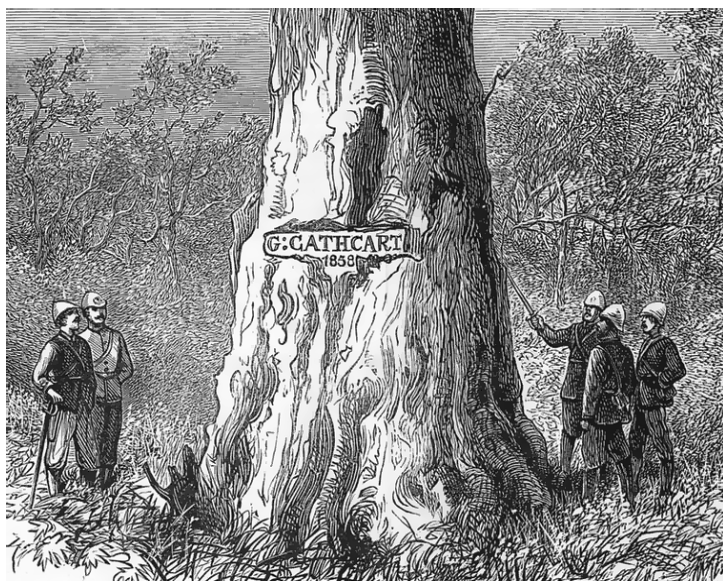
Сломив сопротивление *гаика*, волонтеры и *финго* занялись разорением брошенных краалей. Долину затянуло дымом. Множество женщин и детей, прятавшихся за скалистым холмом, увидев, как горят их хижины, с воплями и причитаниями бросились спасать свои жалкие пожитки. Должен признать, наблюдать за неподдельным горем черных бедолаг – занятие не из приятных.

Офицеры и солдаты выменивают сувениры у пленных кафров

Полковник был доволен утренней работой. Пусть нам не удалось поймать хозяина Ватерклоофа, но противник потерял свой скот, его краали обратили в пепел, а женщин и детей увели в плен. Днем позже, капитан Стивенс с ротой конных волонтеров наткнулся на большую партию кафров. Ему удалось захватить около двухсот женщин и детей *гаика*, в том числе

старшую жену Тини Макома. К сожалению, сам старый прохвост опять улизнул. Прибытие пленников подняло всеобщий переполох. Каждый желал на них взглянуть. Большинство женщин были старыми ведьмами, но встречались и хорошо сложенные экземпляры помоложе, по выражению Прайера "в замечательно скудных одеждах". При этом у детей и подростков какая-либо одежда отсутствовала напрочь. Солдаты и офицеры 90-го полка, еще не привыкшие к местному колориту, с энтузиазмом выменивали или покупали у пленников всевозможные браслеты, табакерки и ожерелья, некоторые из которых, я думаю, и сегодня можно обнаружить на дне фамильных сундуков каких-нибудь глухих шотландских ферм.

Ватерклоф. "Дерево генерала Каткарта"

Полковник Палмер, не отказываясь от намерения поймать вожда, считавшегося причиной всех неурядиц в этом районе, выслал несколько поисковых патрулей, но безрезультатно. Тини Макома не был отважным воином, подобно своему зна-

менитому отцу. Он заботился лишь о собственной безопасности, а его люди следовали заразителному примеру. Тини покинул Ватерклооф, найдя укрытие в лесу Аматола. В итоге операции Палмер быстро и без потерь зачистил твердыню, столь долго удерживаемую Макомой в предыдущую войну. К разочарованию колонистов и *финго*, добычи оказалось не так уж много. Передав огню убогие хижины и сформировав несколько постов, чтобы предотвратить возвращение *гаика* в эти места, колонна Пламера ушла в базовый кемп.

Я возвращался в Кинг-Вильямс вместе с полуэскадрой Конницы Алмазных Полей. Дорога считалась небезопасной, поскольку воины Сандили рыскали по бушу в поисках скота или иного добра, которым можно было поживиться. Но капитан Донован, командовавший кимберлийскими волонтерами, хорошо знал свое дело, а его люди отлично держались в седле. За Элис — крохотным поселком и миссионерской станцией на западном берегу Тьюме-Ривер, мы повстречали партию кафров численностью в полторы сотни мужчин, женщин и детей, но Донован, не желая терять время, приказал бойцам оставить их в покое, поскольку туземцы заявили, что являются самими, что ни на есть, "лояльными кафрами" и имели при себе правительственные пропуска. Понятие "лояльный кафр" в кафрской войне меня постоянно раздражало. Все кафры определенно были лояльными во время допроса, но стоило британскому патрулю повернуться к ним спиной, как они доставали из кустов припрятанные винтовки или ассегаи и убегали в буш. По меньшей мере, так делали все их мужчины. Зачастую черные даже не имели пропусков и были вооружены до зубов, но им позволялось идти, куда вздумается, лишь потому, что они заявляли о своей лояльности.

Ночью мы слышали мычание скота, но посчитали, что он принадлежит отдохавшей поблизости транспортной колонне. На следующее утро обнаружили следы не менее ста животных, которых гнали вдоль дороги на протяжении пяти миль.

Следы внезапно обрывались в густом буше, в котором скрывались около двух тысяч воинов Сандили. Всем было ясно, что произошло, но, если бы мы задержали "лояльных кафров", сопровождавших стадо, эти скользкие типы без сомнения предьявили бы пропуски и раскричались, что животные принадлежат местному фермеру, а они просто перегоняют стадо на новое пастбище или к другому источнику.

На следующий день наш отряд остановился рядом со старой кузницей – большой постройкой из бревен под железной крышей. Проезжая мимо, я увидел через дверной проем множество женщин с детьми, сидевших или лежавших на земляном полу и пытавшихся казаться совершенно безразличными. Их показное безразличие и натянутость в поведении меня насторожили, и я предложил капитану Доновану полюбопытствовать, в чем дело. Войдя внутрь и наступив на первую же подстилку, принадлежавшую беззубой старухе, страшной, как смерть, я ощутил под ногой что-то твердое. В ответ на мою попытку приподнять край тряпки, старая карга кошкой впилась мне в руку и подняла вопль. Тем не менее, я успел увидеть, что хотел.

– Донован, позовите людей и поставьте их у входа и к окнам. Не дайте никому улизнуть, – крикнул я капитану, пытаясь отдрать от себя проклятую ведьму. Та не унималась. К ее крикам присоединились не менее голосистые соседки, подняв невообразимый шум и гам.

Достав револьвер, я пару раз выстрелил в потолок, а затем, схватив старуху за редкие патлы, стянул ее с подстилки, под которой, естественно, оказалось оружие. Подоспевшие бойцы перевернули все вверх дном, вытряся из тряпья изрядное количество ассегав, ружей и изрядный запас пороха. Как и следовало ожидать, в процессе обыска не обошлось без пинков и зуботычин, но, слава богам, не пролилось ни капли крови.

По возвращении в Кинг-Вильямс, мне довелось присутствовать на встрече главнокомандующего с командирами волонтеров и представителями голландских и германских фермеров.

Разговор касался насущных проблем, но вскоре зашла речь о перспективе войны в Зулуленде. Бюргеры, ранее сражавшиеся с *зулусами*, придерживались мнения, что войска, перейдя границу, должны обязательно составлять лагерь из вагонов на каждой стоянке, на что генерал Тесиджер ответил: "о британских войсках не беспокойтесь, мы не ставим лагеря, у нас другие построения". Бюргеры вновь и вновь с жаром доказывали, что колонна не должна останавливаться ни при каких обстоятельствах, не будучи "олагерена", но генерал лишь усмехался. У меня сложилось стойкое убеждение, что, если британскими войсками будет командовать генерал Тесиджер, он не примет разумного совета колониалов.

В тот же вечер, полковник Уоррен, также присутствовавший на встрече, сказал мне за ужином:

– Помяните мое слово, Браун, если мы станем воевать с *зулусами*, первые же новости, которые мы получим, будут новостями о катастрофе.

К сожалению, его пророческим словам судилось сбыться, но до трагических событий у Исандлаваны оставался еще год.

В начале марта генерал Тесиджер отправил командант-генерала Гриффита прочесать окрестности Томаса-Ривер, где скрывался Сандили со своими людьми. 8-го марта колонна вступила в долину. Туземцы, две недели тому решительно атаковавшие капитана Харви, теперь были полностью деморализованы и оказывали очень слабое сопротивление. Семьдесят кафров были убиты без каких-либо потерь с колониальной стороны. Сам Сандили с сыновьями и восемью сотнями воинов оторвался от преследования и бежал на запад. Вскоре стало известно, что они скрываются в Пери-буш, и правительство объявило награду в 500 фунтов тому, кто схватит мятежного вождя. Войска окружили участок леса, в котором прятались кафры, надеясь взять их в плен или уничтожить. В течение недели, начиная с 10-го марта, армия и колониалы бродили по заросшим густым кустарником холмам и оврагам, пытаясь вы-

полнить поставленную задачу, но добились мизерного результата. Площадь операции оказалась слишком велика, а местность слишком сложной для европейцев. Две более-менее серьезные стычки произошли 11-го и 15-го марта. В первой: отряд волонтеров столкнулся с партией *гаика*, подстрелив девять туземцев и потеряв одного бойца убитым и нескольких ранеными. Добыча составила три сотни голов скота, столько же овец и четыре лошади. Во второй: тридцать волонтеров и столько же Полицейских случайно обнаружили около двух сотен кафров, большинство из которых сумело убежать, но часть укрылась в небольшом леске. Вскоре к европейцам прибыло подкрепление и всех окруженных негров перестреляли. Четверо волонтеров при этом получили ранения, но убитых не было.

Генерал несколько реорганизовал подчиненные ему войска, но придерживался прежнего плана: блокировать кафров в определенном районе и зачищать окруженные участки. Для проведения активных действий, в распоряжении командующего имелось не так уж много людей: 555 пехотинцев, 1185 всадников и 1300 *финго*. Артиллерию представляли четыре 7-фунтовых орудия Королевской Артиллерии под командованием полковника Лоу и две 24-фунтовых ракетные трубы с расчетами из состава морского контингента – 32 морских пехотинца и 24 моряка под началом лейтенанта Крейги. Большая часть Морской Бригады 16-го марта погрузилась в Ист-Лондоне на транспорт "Гималайя" и вернулась в Саймонс-Бей.

Перед их отбытием мне посчастливилось вновь повидать этих неунывающих бородачей в главном кемпе Британских Полевых Сил.

Моряки прибыли к Ибека и поставили свои палатки на некотором расстоянии от общего кемпа, довольно хаотично разбросанного по гребню продолговатого холма. В воздухе роились смутные слухи о возросшей активности кафров, и не исключалась вероятность ночного нападения на кемп. Хотя ни

один из старших офицеров не верил в подобное развитие событий, командующий посчитал благоразумным предпринять определенные меры предосторожности, желая оказать черным теплый прием, осмелюсь они на такую дерзость. Часовые были удвоены, а войска готовы вступить в бой по первому сигналу. Волею судьбы и распоряжком дежурств, в ту ночь я оказался дежурным офицером, в обязанности которого входил ночной обход всех постов, пикетов и часовых – довольно длительное и нудное занятие. Кемпы различных подразделений располагались на значительном удалении друг от друга, так что пришлось объезжать их верхом.

Ночь выдалась чудесной. В сиянии огромной луны я мог бы читать. Ни малейшего дуновения ветерка, ни легчайшего тумана. Вся местность лежала перед глазами, словно раскрытая книга. Высокую траву и кустарник вокруг кемпа выжгли широкой полосой, так что ни один воин, ни тем более отряд противника не мог подкрасться незаметно. В половине десятого мой ординарец, четыре бойца и горнист собрались возле дежурной палатки, и я начал первый круг.

– Мало шансов что мы сегодня развлечемся, парни – сказал я, оглядев с седла серебристый вельд, – не та ночь, чтобы ниггеры рискнули напасть. Тем не менее, вперед!

Объехав все пикеты и аванпосты главного кемпа, я направился к линиям Морской Бригады, стоявшей на крайнем левом фланге. Приближаясь к их аванпосту, я четко видел двух часовых, один из которых стоял, а второй лежал, в соответствии с правилами несения караульной службы. Естественно, оба без труда слышали и видели приближавшуюся к ним группу всадников. Мы были в сотне ярдов, когда стоявший боец вскинул ружье. От львиного рыка, прокатившегося по округе, смолкли даже сверчки.

– Кто идет?

– Общий обход, – поспешно ответил я, опасаясь, что его громоподобный окрик подымет тревогу во всем кемпе, или, по

меньшей мере, за оружие схватятся соседние пикеты.

Замерев, наша кавалькада некоторое время терпеливо ждала продолжения, т.е.: "Стоять! Одному выехать вперед" и т.д. Но моряк, похоже, был не слишком знаком с сухопутным уставом. С минуту помявшись, перекладывая винтовку из руки в руку, он примирительным тоном пророкотал:

– Проезжайте, мистер конный офицер, я знаю, что вы не проклятый ниггер.

Очевидно, это был весь церемониал, на который я мог рассчитывать. Под хохот эскорта я подъехал к часовому и, объяснив бойцу минимально необходимые формальности караульной службы, намекнул, что на обратном пути вновь проверю их пост. Я не являюсь ярым приверженцем устава или церемоний, к тому же видел, что моряк хорошо несет службу, но, возвращаясь, мне предстояло еще раз проехать мимо, и я не хотел, чтобы "джек" поднимал шум. Едва сдерживая смех, я выслушал неуклюжие попытки моряка усвоить инструкции. В конечном итоге он уважительно ответил: "Да, да, сэр!" на мои наставления и я продолжил обход. Посетив другие пикеты и убедившись, что все люди находятся в состоянии боевой готовности, я развернул лошадь и вскоре вернулся к посту, оказавшему мне столь неортодоксальный прием. Приближаясь, я отчетливо видел тех же парней, несших службу, но поменявшихся ролями. "Джек" который до этого стоял, теперь залег за муравейником, так что при нашем приближении нас окрикнул другой голос, возможно, не столь сочного тембра, но достаточно громкий, чтобы разбудить глухого.

– Стой, кто идет? – вновь прокатилось над вельдом.

Я остановил людей и откликнулся, согласно уставу.

– Общий Обход!

Несмотря на мои предыдущие инструкции, и этот часовой пребывал в явном замешательстве. Какое-то время он молчал, а затем, прочистив горло, обернулся к своему компаньону и, ткнув ногой в бок, прорычал, считая, что говорит шепотом.

– Билли, Билли! Вставай, ленивая свинья. Он здесь, тот, который называет себя "общим обходом". Вставай бездельник и скажи ему эту проклятую скороговорку.

Второй "джек" проворно вскочил, и земля содрогнулась от рева.

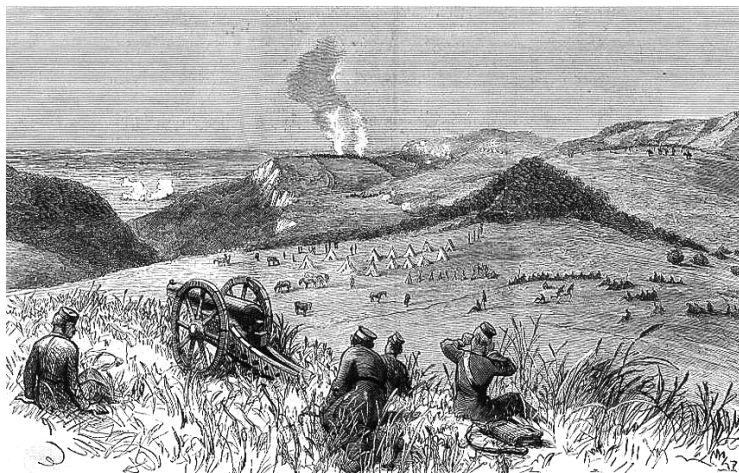
– Все в порядке, мистер "Общий Обход". Проезжайте!

Решив, что "старую собаку новым фокусам не обучишь" я махнул рукой и под гомерический хохот моих бойцов проследовал дальше.

Боец Морской Бригады

РАЗГРОМ КЛАНОВ ПАРАБЕ

(продолжение)

В соответствии с планом реорганизации, проведенной генералом Тесиджером, было сформировано шесть колонн, возглавляемых, соответственно, полковником Эвелином Вудом, подполковником Дегачером (2-й батальон 24-го полка), командантом Фростом, командантом Шермбрюкером, командантом Вентером и командантом Брабантом. Операции по зачистке начались восемнадцатого марта, но были прерваны необычайно холодной для этого времени года погодой и сильными дождями, не прекращавшимися четыре дня. Транспортные вагоны еле ползли, увязая в грязи по ступицы, ручьи, не говоря о реках, превратились в бурные потоки. Люди мокли и мерзли, зачастую не имея даже одеял.

К сожалению, в ходе облав погибли три белых офицера, в

том числе и капитан Донован из Конницы Алмазных Полей, с которым я успел свести близкое знакомство. Попытка захватить или уничтожить мятежных *кхоса* провалилась и 21-го числа была оставлена. Результаты, в сравнении с затраченными усилиями, оказались ничтожными. В ходе предприятия удалось подстрелить около шестидесяти кафров, захватив лишь 60 лошадей и 200 голов скота.

Пленных не было, но когда колониальные войска собрались уходить, около пяти сотен кафрских женщин и детей вышли из леса и сдались на милость британцев. Они знали, что белых можно особо не опасаться, но старались не попадать в руки *финго*, не отличавшихся особой щепетильностью в обращении. Изможденный вид несчастных не оставлял сомнений – они действительно голодали. Встал вопрос, что с ними делать. С одной стороны, гуманность не позволяла загнать *гаика* обратно в буш и обресть на голодную смерть, с другой – снабдить их продовольствием, было бы верхом неблагоразумия. Женщины и дети кафров составляли основной контингент их разведчиков, посыльных и снабженцев. Главной обязанностью кафрской женщины было обеспечить пищей мужа, даже если самой нечего есть. В случае раздачи продовольствия, большая часть досталась бы вождю Сандили, меньшая их мужьям, и лишь жалкий остаток съели бы женщины и дети. Тех, кто хорошо знал обычаи кафров, мало шокировало зрелище, когда сильный мужчина забирает большую и лучшую часть еды в то время как семья терпеливо ждет своей очереди и выражает благодарность, довольствуясь остатками трапезы.

Из-за войны и засухи в посевной сезон, в восточных округах ощущалась острая нехватка продовольствия. Маис был чрезвычайно дорог, его стоимость доходила до 3 фунтов за мюи⁴³. Во многих округах проблемы с доставкой продовольствия осложнились нашествием гусениц, которые с жадностью набра-

⁴³ Мюи – мера ёмкости . 268 л для вина, 1872 л для сыпучих тел

сывались на любой клочок зелени, сжирая все до последней былинки и оставляя за собой каменистую пустыню. Откуда черти принесли этих бабочек, не мог сказать никто. Они появлялись внезапно, целыми тучами, закрывая небо, подобно саранче, в местах, отдаленных друг от друга на сотню миль. Из-за неожиданной напасти, транспортным конвоям зачастую приходилось везти весь фураж с собой.

Раздача продовольствия женщинам и детям кафров

Проблемы с продовольствием и охраной не позволяли держать женщин и детей *кхоса* в концентрационных кемпах у границы. Тех, кто выпрашивал пищу в окрестностях Пери-буш, кормили из армейских запасов, но держали под стражей, пока правительство решало, что с ними делать. Наконец, власти распорядились отправить семьи *кафров* в Кейп-Таун, где их было проще содержать. Пленников погнали в Ист-Лондон и погрузили на борт каботажного парохода. Подобные меры неоднократно предпринимались и в последующем, пока около четырех тысяч женщин и детей *кхоса* не были перемещены в Кейп-Таун. Несмотря на короткий переход, смертность в море была ужасающей. Власти объясняли ее плохим состоянием

несчастных к моменту подъема на борт и непереносимостью морской болезни, но я, имея некоторое представление о чиновниках тыловой службы, склонен считать, что черными просто набивали трюмы, где они мерли словно мухи без еды и воды, задыхаясь в собственных испражнениях.

В Кейп-Тауне тех, кому посчастливилось пережить вояж, размещали в пакгаузах южного предместья. Условия содержания были довольно сносными, и через месяц туземцы, восстановив вес и здоровье, вновь были бодры и беспечны, как и положено добропорядочным кафрам. Для их содержания правительство импортировало маис из Южной Америки, стоивший в три раза дешевле, чем на границе, а маисовую муку из Соединенных Штатов. Рацион разнообразило сырое мясо, выдаваемое раз в неделю или тыквы.

Вскоре негров партиями по три-четыре сотни перевели вглубь страны. На пленников не оказывали прямого давления и не заставляли работать, но, поскольку работавшие имели определенные преимущества, многие *кхоса* поступали в услужение к белым фермерам. Кроме пищи, крова и одеял правительство не снабжало их ничем, а кафрской женщине для комфортного существования совершенно необходимы косынка на голове, трубка и табак, которые они могли получить поступив в услужение.

Жены *кхоса* не намеревались засиживаться в западных округах. Как только зима кончилась и стало возможно, не околевая от холода, спать под открытым небом, женщины принялись убегать. Вдоль побережья, сквозь леса и горы, они пробирались в свою страну, где вновь могли видеть пик Интаба-ка-Ндода и пить чистую воду Кейскамы. Длинный переход в пять-шесть сотен миль их не пугал. По дороге *кхоса* выпрашивали еду или работали несколько дней на ферме, чтобы получить пищу, а затем шли дальше на восток, пока силуэт долгожданной горы не возник на горизонте, и они понимали, что вновь попали домой.

Но земля, по которой, как и в былые времена, несла свои воды Кейскама, больше не была их домом. Многие, очень многие из них, обнаружили, что стали вдовами. Большая часть мужчин *гаика* погибла, а те, кто остался жив, могли назвать своим домом лишь земли за Кей. Побродив по пепелищам родных очагов и осознав, что здесь им некого искать и не на что надеяться, женщины *гаика* рассеялись по другим землям. Некоторые нанялись в качестве слуг в пограничных округах, другие отправились за Кей, к Кентани, слившись с кланами, родственными *гаика*. В 1879 году правительство выслало тех, кто оставался возле Кейп-Тауна, но не поступил на службу, назад на восток, таким образом закончив дело с депортацией семей мятежных кланов *парабе*.

.....

В конце марта операции против *гаика* не проводились, но определенный успех был достигнут в других местах. Я уже упоминал, что Умфанта, младший брат верховного вождя *тембу*, прокрался через Тембуленд и присоединился к Стокве Тьяли, засевшему в Драконовых Горах. За данный район отвечал майор Эллиот, который и получил приказ вернуть мятежных вождей на истинный путь. Эллиот, находившийся в то время в Идутива, поручил организацию экспедиционных сил капитану Уолтеру Стенфорду.

В Галекаленде наступило временное затишье и неизбежно сопутствующая ему скука. Не удивительно, что узнав о предстоящей вылазке к Дракенсбергу, в которой примет участие мой приятель Стенфорд, я написал ему о своем желании взглянуть на Драконовы Горы и получил приглашение присоединиться к экспедиции. Майор Эллиот, помня меня по предыдущему походу, способствовал моему переводу в отряд Стенфорда и через несколько дней я уже был в Тембуленде.

Вторжение планировалось тремя колоннами. Бюргеры и волонтеры из Беркли-Ист удерживали границу вдоль Дракенсберга. Правая колонна, состоявшая из волонтеров округов

Маклеар, Тсоло и контингента *пондомиси*, направилась к Пат-бергу. Левая двигалась вдоль водораздела Тсомо-Ривер к Дракенсбергу. Центральной колонной командовал Стенфорд. В ней насчитывалось тринадцать белых офицеров, шестнадцать волонтеров-европейцев и тысяча *тембу*. Гангелизве, желая лично образумить мятежного родственника, вышел в поле со своими людьми, хотя это не слишком пристало вождю его ранга.

На некоторых участках местность, по которой двигалась колонна, была чрезвычайно сложной, и мы не брали с собой ни вагонов, ни картов с припасами. Продовольствие везли на выючных лошадях, а запасы мяса как обычно шли своим ходом. В отношении основной пищи туземцев – зерна, мы всецело зависели от полей противника и его кладовых ям. Наши кафры не получали плату, довольствуясь призовым скотом. С одной стороны это превращало их в неутомимых разведчиков и охотников, с другой – чем больше скота мы захватывали, тем меньше людей оставалось у нас на службе.

20-го марта к колонне присоединился прибывший из Идутива майор Эллиот. Мы направились от Ументу к Исилоте-Пасс – перевалу через хребет Гуландода. У миссии "Базия" нам повстречались два "моравских" миссионера – преподобные Хартман и Хастинг. Последний настолько ревностно проповедовал людям Стокве Тьяли, досаждаю вождю постоянными требованиями и придирами, что Стокве выставил миссионера вместе с семьей со своей территории. После долгих скитаний и злоключений в горах, Хастинги добрались до миссии, где мы и застали главу семейства в самом мрачном расположении духа. Слушая стенания пастыря, мы, в конце концов, уяснили, что преподобному более всего насоли два мелких вождя – Масолдани и Мойаке.

Когда колонна покидала миссию, я на прощанье в шутку предложил мистеру Хастингу:

– Если вы дадите мне коробок спичек, я обещаю поджечь

ими краали Масолдани и Мойаке.

– Вот, вот они, – засуетился добронравный миссионер, шаря по карманам, не в силах скрыть вполне извиняемую жажду мести.

Двадцатого марта, не прекращая идти вперед до полуночи, мы поднялись выше Исилоте и лишь тогда дали лошадям несколько часов отдыха. С первыми лучами солнца, колонна возобновила подъем. Достигнув вершины, командир приказал сбросить темп, давая возможность правой колонне достичь назначенной ей позиции. По имевшимся слухам противник угонял стада в Дракенсберг, который в этом районе достигает высоты восьми тысяч футов⁴⁴ и изрезан множеством заросших лесом ущелий, способных укрыть половину скота всей Капской Колонии.

Гатберг

Отряд капитана Росса послали в долину реки к краалю Стокве, который он обнаружил совершенно покинутым и сжег.

⁴⁴ Около 2500 метров

Утром 22-го марта мы достигли "Лавки Джона Буля", стоявшей под примечательной горой, вершину которой венчала скала, называемая туземцами Нтуньенкала, из-за отверстия, проходившего через ее тело. Фермеры прозвали это место Гатберг. Здесь мы остановились и отдыхали, пока командир отправлял посыльных к другим колоннам.

Все были готовы, за исключением людей из Маклеара и Тсо-ло, задержавшихся в пути. Из-за высоких и обрывистых склонов природной крепости, удерживаемой противником, взаимная поддержка колонн при атаке была невозможна. Каждому отряду предстояло продвигаться к гребню горного хребта самостоятельно, а в каком из многочисленных клоуфов и ущелий притаились Стокве с Умфантой, мы все еще не знали.

Максонго-Хок зимой

Наша колонна получила приказ выступать в полдень. Майор Эллиот находился здесь же, осуществляя общее руководство операцией, но не вмешивался в командование людьми, всецело полагаясь на опыт и умение капитана Стенфорда. Стенфорд получил приказ зачистить Максонго-Хок. Продвигаясь вдоль

Дракенсберга, мы довольно быстро добрались до исходного рубежа. Отрог Дракенсберга делил большой хок на две части, каждая с ложбиной, поднимавшейся к гребню. Вскоре выяснилось, что воины Умфанты и Стокве заняли удобную позицию на вершине отрога, прикрывая скот, находившийся за ними. Стенфорд приказал роте капитана Вице подниматься справа, а мы пошли в лоб, планируя огнем сбить противника с гребня. И люди и лошади, задыхаясь, карабкались по крутому склону. До нас отчетливо долетали воинственные возгласы кафров, выкрикивавших "сесилунгиле", что значило "мы готовы". Первыми двигались два десятка бойцов лейтенанта Барри, которые достигнув кромки гребня, скрылись из виду. Мы следовали за ними. Вскоре зазвучали выстрелы, и стало ясно, что Барри ввязался в бой. Едва мы перевалили за гребень и ступили на небольшое плато, как увидели, что наши люди бегут, а воины противника насаждают им на пятки.

Заметив помощь, но, главным образом, вдохновленные бравью Стенфорда и Барри, подкрепленной моими пинками, они пришли в себя и сошлись с преследователями врукопашную. Отрядом противника командовал высокий светложкий кафр, ловко орудовавший ассегаем. Он словно разъяренный лев гонялся за нашими *тембу*, пока лейтенант Барри не уложил его метким выстрелом.

Тем временем Ганни Росс и Ричардс Стабб спешили к нам на помощь со всем людьми, способными пройти по узкому гребню. Как только они возникли на плато, боевой пыл противника угас, и он поспешил скрыться в зарослях.

Капитан Вице вел бой справа, и лейтенанта Даффи с сотней *тембу* отправили ему в поддержку. Плато постепенно расширялось. Наконец-то наши люди смогли развернуться в линию и стали теснить врага, который совсем пал духом. То там, то здесь небольшие группы черных воинов покидали поле боя, и вскоре противник бежал повсюду, не оказывая сопротивления и бросив часть скота. Восемнадцать кафров пали на открытом

пространстве, еще какое-то количество осталось лежать в буже. В числе убитых оказался и Масолдани – один из обидчиков "моравского" миссионера, застреленный лейтенантом Ушером. Со своей стороны мы потеряли убитыми трех туземцев и одного белого волонтера.

Ближе к закату, на склоне горы, находившейся перед нами, возник конный отряд, численностью около двухсот всадников, быстро двигавшийся в нашем направлении. Их спуск, по изрезанным расщелинами склонам Дракенсберга, мог служить великолепной демонстрацией искусства верховой езды. Двигаясь полусекциями то рысью, то галопом, они прекрасно держали строй, и создавалось впечатление, что вниз по склону скользит гигантская змея. Это были *батлоква* под командованием Леханы – прямого наследника Секоньелы, сына легендарной женщины-вождя Мантитиси. Лехана со своими воинами входил в состав сил из округа Маклеар и, к своему разочарованию, достиг Максонго-Хок слишком поздно, чтобы участвовать в бою.

Наступила глухая безлунная ночь и наши *тембу* плотно занялись вопросом повышения своего благосостояния. Им благоприятствовали два фактора. Во-первых, они завладели скотом, во-вторых, было темно, хоть выколи глаз. Смекалистые союзники не замедлили воспользоваться выпавшей удачей. По каждой известной им тропке, они направились по домам, гоня с собой часть захваченной добычи. Белые офицеры и сержанты сбились с ног, пытаясь пресечь поголовное бегство, но едва им удавалось перехватить одну партию, как исчезала другая. К утру капитан Стенфорд обнаружил, что владеет лишь четырьмя сотнями голов скота из 1200, захваченных предыдущим днем. Пропорционально уменьшилось и количество людей в нашей колонне.

Спустившись с плато, издерганные и раздраженные после беспокойной ночи, мы в самом дурном расположении духа разбили кемп у Гатберга. Вечер также выдался отвратитель-

ным: холодным и мокрым. Не горя желанием в одиночестве валяться в сыром тенте, я принял любезное приглашение Стенфорда помочь ему расправиться с бутылкой рома и переброситься в юкер. Едва мы приступили к делу, как послышался окрик часового, звук подъехавшего карта, а затем незнакомый мне голос поинтересовался:

– Это палатка капитана Стенфорда?

Я вопросительно взглянул на моего компаньона. Уолтер расплылся в улыбке, поспешно откинув полог палатки.

– Входите, Айки, тут не так холодно и сыро.

Через мгновение в проеме показался большой германский еврей, говоривший по-английски нет хуже чистокровного "янки".

Так я познакомился с Айки Гитлицем, человеком, если не уважаемым, то, по меньшей мере, хорошо известным во всей Южной Африке. Айки был истинным представителем своего племени – непоседливым, проницательным, снисходительным к своим, хитрым и коварным в отношении чужаков. В силу определенной репутации, я не решился бы назвать Айки достойным знакомым, зато холодным унылым вечером он был настоящим сокровищем для двух солдат, тосковавших у мглистых отрогов Дракенсберга.

Айки знал самые глухие закутки земного шара, совершил немало темных дел, часть которых была чернее ночи, но оказался великолепным и остроумнейшим рассказчиком. Этот пожилой еврей обладал своеобразным обаянием, которому было трудно противиться. Его жизни хватило бы на несколько авантюрных романов. В начале сороковых в Германии, будучи совсем мальчишкой, он являлся с революционерами, попал в тюрьму и был приговорен к смертной казни. Бежав из крепости, в которой дожидался виселицы, Айки проскользнул на борт английского судна и без пенни в кармане прибыл в Америку. Там он добрался до Калифорнии, оказавшись в числе безумцев, поднявших флаг Калифорнийской Республики. Вечный бунтарь, Айки Гитлиц, присоединялся к каждой пират-

ской экспедиции того времени. Ему даже пришлось посидеть за решеткой в Мексике вместе с другими беднягами, вытаскившими черную метку у Ла Сеньоры. В общем, Айки был желанным гостем, гарантировавшим нескучный вечер. От Замбези до Кейп Тауна о нем ходили десятки историй. Я расскажу лишь одну, которая, будучи широко известной в Южной Африке, для вас может оказаться в новинку.

Какое-то время Айки Гитлиц был одним из тех, кого в восточных провинциях называют "смүзер", т.е. торговцем, путешествующим по стране и скупающим шерсть у фермеров. Для человека подобной "профессии" основным источником прибыли является умение быстро и убедительно считать, особенно, когда имеешь дело с клиентом, слабо владеющим арифметикой. Это ценное умение позволяло давать полцены за покупаемый товар, продавая за двойную цену, то, что требовалось фермеру.

Итак, Айки был "смүзером" и однажды, посетив ферму у Порт-Элизабет, договорился о покупке шерсти. Когда товар взвесили и назначили цену за фунт, Гитлиц произнес тоном, не допускающим возражений: "Столько-то за столько, будет столько-то фунтов", естественно, назвав сумму вдвое меньше реальной. Но фермер неожиданно возразил: "Нет, будет столько-то", озвучив реальную цифру, определенную по расчетной таблице в книге-справочнике. Думаете, он загнал Айки в угол? Ничуть. С выражением безмерного удивления на лице, торговец попросил взглянуть на книгу. Фермер протянул ему том, торжественно указав нужную строку. Айки с улыбкой посмотрел на таблицу, а затем, открыв титульную страницу, ткнул пальцем в дату публикации и снисходительно засмеялся. "Мой дорогой друг, у вас прошлогодняя книга. В этом году столько-то фунтов, умноженные на такую-то цену будет столько-то". Фермер, прочитав дату выпуска, потряс головой и, проклиная человека, продавшего ему старый справочник, согласился с предложенной суммой.

Мы хорошо поужинали, распили бутылку рома и беззаботно беседовали потягивая трубки, пока Айки не предложил сыграть. Уолтер предупредил меня, что Айки Гитлиц имеет репутацию профессионального шулера и мне не стоит рисковать, противопоставляя его умение своему. К счастью, игра на деньги – один из немногих грехов, от которых Господь меня уберег. Однако, Гитлиц был нашим гостем, а несколько партий в юкер, по три пенса за партию, не могли повредить никому. Мы согласились.

Айки достал колоду и, перед тем как начать, спросил Стенфорда:

– Капитан, мы играем "с" или "без"? – что означало, может ли игрок жульничать, или игра идет честно.

– Без, Айки! Без! – ответил Стенфорд.

Мы сыграли две или три партии, часто откладывая карты и болтая, пока Уолтер не увидел, что Айки сбросил джокера. Стенфорд сразу же положил руку на карту и произнес без тени сожаления или упрека:

– Без, Айки, без!

Старый грешник мгновенно смешал карты и воскликнул с хорошо разыгранным удивлением и раздражением:

– Майн Гот! Капитан, это все проклятая сила привычки!

Затем в его глазах мелькнула искра любопытства, и он, с деланным безразличием произнес, не обращаясь, ни к кому из нас конкретно:

– Кстати, сегодня утром, я встретил вооруженных кафров, гнавших довольно большое стадо скота в направлении Тембуленда. Когда я спросил, где они взяли животных и куда гонят, черные юлили, словно черти на сковороде.

– И что же вам ответили эти мерзавцы, – поинтересовался Стенфорд, поняв о каком скоте идет речь.

– Они сказали, что животные из-под Максонго-Хок, Уолтер. Естественно, я спросил, чьи они, но старший приложил палец к своему лживому рту и сказал, что ему запретили об этом го-

ворить.

– Это был наш скот, Айки! – раздраженно буркнул Стенфорд и вкратце пересказал историю прошлой ночи.

– Я так и подумал, что он врет. Немного поприжал черную обезьяну, и он стал меня убеждать, что скот принадлежит великому белому вождю.

– Какому еще вождю? – начал закипать капитан.

– Ну, черномазый признался мне под большим секретом, что это стадо принадлежит самому Ндабени.

При последних словах Стенфорд, чуть не свалился с патронного ящика, на котором ерзал последние пару минут.

– Этот гамадрил имел наглость сказать, что стадо принадлежит мне? Проклятое отродие ада! Я его запорю! – Уолтер был вне себя от возмущения.

Долго мы с Готлицем пытались вернуть Стенфорда в благодушное расположение духа, убеждая, что никто не поверит подобному поклепу. Айки был особенно красноречив, хотя в словах и ужимках старого мошенника то и дело проскальзывали нотки легкой зависти и восхищения предприимчивостью капитана Стенфорда.

Не могу говорить за своего товарища, но тем вечером я вытащил белый боб. Пусть Айки Готлиц ограбил меня на шесть пенсов – его занимательные истории и практичный ум стоили гораздо больше. Да не покинет удача старого грешника, будь он жив или мертв.

Замечу, что Стенфорд, терзаемый жаждой мести, несколько раз предпринимал попытки разыскать угнанный скот и спустить шкуру с мерзавца, опорочившего его имя. Он даже предлагал немалое вознаграждение, но безрезультатно.

На следующее утро у "Лавки Буля" майор Эллиот собрал всех оставшихся в наличии людей и, перед тем как распустить, произнес пламенную речь. На голландский его переводил магистрат округа Маклеар – мистер Томсон, на *кхоса* – Стенфорд, на *сесуто* – Абнер Молифе из округа Маунт Флетчер.

Перед построением майор поручил бедняге Уолтеру распределить оставшиеся четыре сотни голов между отрядами. Трудно было придумать более неблагодарную задачу. Когда, попыхивая старой трубкой, с которой не расставался даже под огнем, майор исчез за пологом своей палатки, на Стенфорда было жалко смотреть.

Тщетно капитан пытался оправдать вероломство *тембу*, доказывая, что те вынесли на себе всю тяжесть боя. Тщетно он напоминал, что ниггеры не получали плату и призывал согласиться, что искушение было слишком велико – бюргеры из Беркли-Ист и волонтеры отличались особой язвительностью замечаний.

Но сколько бы люди не ворчали и не упражнялись в остроумии, количество скота не росло, и вскоре каждый отряд отправился в сторону дома, гоня перед собой скудные трофеи этой экспедиции.

Мы похоронили погибшего волонтера у "Лавки Буля", а затем вновь поднимаясь к Максонго-Хок. Миновав недавнее поле боя, наш отряд взобрался на Дракенсберг. Разбив кемп на склоне горы, обращенной к Беркли-Ист, люди всю ночь не сомкнули глаз от холода, и были чертовски рады, когда на следующий день, после визита майора Эллиота в кемп волонтеров из Беркли, стоявших на Стеркспруйте, мы повернулись лицом на юг и зашагали вниз. У Стеркспруита наш командир получил приглашение к завтраку и, несомненно, лишь чистый и бодрящий горный воздух, а вовсе не чрезмерное количество виски, как намекали злые языки, заставили майора по возвращении громко и настойчиво требовать кофе с бисквитами.

С высоты, господствовавшей над Максонго-Хок, мы какое-то время шли вдоль Дракенсберга, а затем соскользнули вниз к небольшому поселку, сегодня носящему имя Эллиот. К ночи наша колонна подошла к Ксунга-Кемп, и ноющая боль во всем теле подтверждала, что за день мы совершили непростой переход.

Майор Эллиот отбыл в Умтенту, оставив Стенфорда с небольшим отрядом, приглядывать за действиями беглых вождей. Однако, они не предпринимали попыток вернуться. Гонгубелу схватили 8-го апреля и бросили в тюрьму Квинстауна. Умфанта проскользнул назад к Тамбуки, где и сдался властям. Стокве бежал к племени *пондомиси*, ища защиты у вождя Умхлонхло, но был пойман и арестован.

Умфанта, как британский подданный, предстал перед судом в Квинстауне и был приговорен к виселице, замененной пожизненной каторгой. Несомненно, впоследствии он был бы освобожден, но к несчастью умер в тюрьме. Стокве сослали на остров Робен, где он содержался в качестве военнопленного и был освобожден через несколько лет.

На одиннадцатый день после столкновения с Умфантой и Стокве, я в составе конного патруля ходил к Максонго-Хок. Недалеко от поля боя, в зарослях протей, мы обнаружили оседланную лошадь, привязанную поводьями к ветке одного из деревьев. Животное было крайне изнурено. Очевидно, лошадь приучили стоять смирно, и она не предпринимала попыток освободиться, хотя легко могла оборвать тонкие ремни. Не заметь мы ее вовремя, животное так бы и погибло в зарослях. Ей помогли спуститься в долину. Учуяв воду, горемычная кобыла, спотыкаясь и падая, помчалась к драгоценной влаге. Господи! Как она пила! Если бы ее не оттащили силой, она точно обпилась бы до смерти.

Рейд против Стокве и Умфанты завершил военные операции в Тембуленде.

.....

Между тем в Британской Кафрарии дело также шло к концу. 28-го марта командант фон Линсинген с тремя сотнями волонтеров и шестью сотнями *финго* отправился на восточный берег Кейскамы ловить вождя Делиму, примкнувшего к восстанию безо всякого на то основания и грабившего фермы, покинутые белыми колонистами. Фон Линсинген, не понеся

потерь, убил три десятка пастухов и захватил три тысячи голов скота.

На конечной стадии войны безнадежность положения мятежников стала очевидной для любого человека, имевшего хотя бы один глаз и остатки мозга. Но вожди Джали и Сийоло, руководствуясь непонятными соображениями, неожиданно-негаданно выступили против правительства. Насколько же ум взрослого кафра подобен уму ребенка, бросающегося в драку без малейшего размышления о последствиях. Допустим, Джали был наполовину дурачок, но старый Сийоло имел большой и разнообразный опыт конфликтов с колониальным правительством. В былые годы он столько раз получал взбучку, что при наличии малейшей доли благоразумия, ему следовало воздержаться от опрометчивого шага.

Джали со своими людьми сумел достичь леса за Интаба-ка-Ндода. Сийолу с тысячей воинов и стадом скота, направлявшегося к перевалу Дебе, перехватил патруль Конницы Алмазных Полей. Против 75 человек полковника Уоррена, сидевших на отличных лошадях, у кафров не было шансов в открытом поле. У туземцев оставался единственный шанс – рассеяться и попытаться достичь поросших бушем холмов, что они и сделали, оставив позади шестьдесят мертвых соплеменников, в том числе двух сыновей Сийолы, и около трех сотен голов скота. Многие из сумевших убежать, наверняка, были ранены, но это ничем не подтверждается. Женщин и детей из краалей мятежных вождей отправили в Ист-Лондон, откуда пароходом в Кейп-Таун, а земли кланов конфисковали.

К апрелю 1878 года осталось совсем мало мятежных кланов *парабе*. *Имиданге* враждовали с белыми, но были слишком малочисленны, *амантинде* демонстрировали покорность. Вожди Сивани и Кама всегда вели себя лояльно в отношении Капского правительства, хотя часть их воинов присоединилась к Сийоло. Вождь Тоиси умер 30-го марта, а во время болезни и после смерти обычаи кафров требуют, чтобы его клан "сидел

тихо" хотя, возможно, они сохраняли бы спокойствие в любом случае.

В начале апреля из Транскей прибыла колонна под командованием Джеймса Айлифа, и 5-го числа возобновилась зачистка Пери-буш. В ходе операции отловили очень мало *кхоса*, поскольку подавляющее большинство кафров ушли дальше на запад. Почти всех, кого выследили, убили. К этому времени численность мятежников значительно сократилась. Даже с подкреплениями, приведенными Тини, Джали и Сийоло, они и на треть не были так сильны, как несколько месяцев тому, когда Сандили внял пылким речам Кивы и обрек своих людей на уничтожение. Боеприпасы кафров почти закончились, еды не хватало, они не имели надежных укрытий в лесу и, похоже, совсем утратили боевой дух, поскольку, в большинстве случаев убегали, едва белые оказывались поблизости. Однако, верные своему долгу, *кхоса* отказывались сдаваться, пока их вождем не получат гарантий безопасности и личной свободы.

6-го апреля контингент *финго* зачистил лес за Интаба-ка-Ндода. В ходе акции погиб вождь Джали, чья карьера мятежника оказалась слишком короткой. Но многократные попытки локализовать восставших в одном месте, чтобы легко с ними расправиться, неизменно терпели неудачу. Лес был слишком большим, и кафры, чувствуя себя в нем гораздо увереннее европейцев, неизменно просачивались сквозь кордоны в другую его часть. Возможно, будь белых раз в десять больше, этот цирк имел бы шансы на успех.

В середине апреля генерал Тесиджер принял новый план действий. Он разделил подконтрольную ему территорию на одиннадцать округов, каждым из которых заведовал командант, имевший в своем подчинении достаточное число бойцов. Теперь командос не давали противнику ни минуты покоя. *Финго* зачищали территорию, а волонтеры и солдаты удерживали оборудованные блокпосты, мешая мятежникам беспрепятственно перемещаться. *Финго* под командованием Лон-

сдейла, Стритфилда и Маклина за время войны стали настоящими экспертами в охоте на *кхоса* и находили в буше самую тощую корову, принадлежавшую мятежникам. Люди Сандили существовали на грани голода.

Наиболее серьезные загоны по новой системе состоялись с 6-го апреля по 8-е мая. Число убитых и раненых *кхоса* было очень велико, но поскольку они по-прежнему умудрялись ускользать и прятаться, унося своих раненых и даже мертвых, точное число их потерь установить невозможно. На различных участках в эти дни насчитали 328 мертвых тел и лишь одиннадцать взрослых воинов противника взяли в плен. Европейцы также несли определенные потери. Погиб один офицер, шесть волонтеров и восемь солдат. Число раненых было вдвое больше. Также были убиты, или впоследствии скончались от ран, несколько десятков *финго*.

В последних операциях особенно отличилась Конница Алмазных Полей. К сожалению 14-го мая ей приказали вернуться в Западный Грикваленд, где вспыхнуло восстание.

Большая часть кафров к этому времени питалась лишь ягодами и кореньями, росшими в лесу. Гонимые голодом, они покидали леса Аматола и небольшими партиями рассеивались по округе. Но даже в отчаянном положении дикого зверя, на которого охотятся все и вся, *гаика* отказывались сдаваться без позволения вождей. На беду черных, правительство решило покончить с "кхосским вопросом" раз и навсегда, требуя, чтобы Сандили сдался безо всяких условий. Подобный расклад вождя не устраивал, и охота на его людей, словно на бешеных шакалов, продолжалась.

К концу мая было убито не менее полутора сотен воинов, покинувших лес. 28-го числа в трех милях от Форт-Бофорта патруль *финго* схватил вождя Тини Макома, пытавшегося проникнуть в Ватерклооф. Он был в жалком состоянии, но сохранял достоинство, как и подобает кафрскому вождю. Конечно, Тини был не лучшим представителем *кхоса*, но и не худшим из

кафров. Старое правило "горе побежденным" никто не отмечая, но справедливость требует напомнить, что этот вождь по сути не нарушал колониальный закон, и его преследование трудно оправдать формально.

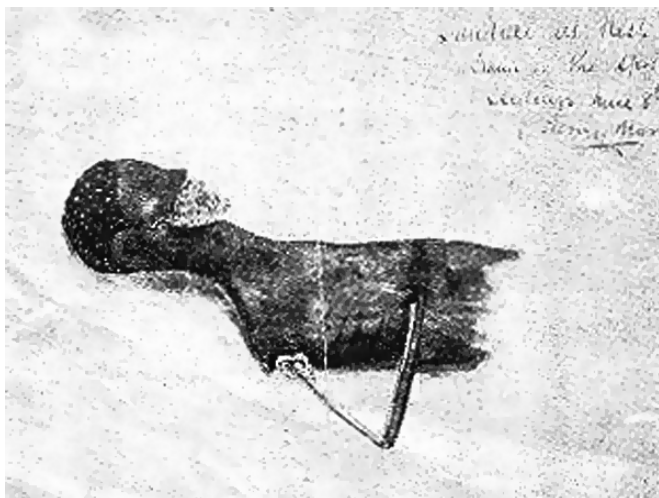
29-го мая патруль *финго* под командованием двух белых офицеров, зачищал участок леса у холма Исиденги, где наткнулся на партию *гаика*. Ни белые, ни *финго* не знали, с кем имеют дело. Лишь несколько дней спустя выяснилось, что это был сам Сандили с личной охраной. Среди *гаика* выделялся один воин, носивший европейскую одежду и умело обращавшийся с хорошей винтовкой. До того как один из офицеров сумел его застрелить, кафр убил двух *финго*, ранив четверых. Это был Дуквана, которого *гаика* много лет спустя все еще считали "великим человеком, преданным до самой смерти". Несмотря на то, что он был нашим противником, нельзя не испытывать искреннюю симпатию к человеку, терпевшему невзгоды и достойно встретившему смерть во имя того, что считал своим долгом.

Патруль насчитал пятнадцать трупов, но не сумел обнаружить одного смертельно раненого, тщательно укрытого *гаика*, выжившими в бою. Неделей позже кафр, попавший в плен, сообщил, что вождь Сандили мертв. Оказалось, что в ходе стычки у Исиденги вождь получил пулю в живот, и его люди ничем не могли ему помочь. Он прожил еще несколько дней, но *гаика*, подвергавшиеся постоянному прессингу, даже не сумели его достойно похоронить и лишь присыпали тело листвою.

Пленный описал место настолько подробно, что капитан Ландрей, посланный с небольшим отрядом удостовериться в верности сведений, без труда нашел тело и идентифицировал его. Это произошло 7-го июня.

Коммандант Шермбрюкер с несколькими волонтерами и пятью сотнями *финго* отправился к указанному месту. Мертвый вождь лежал совершенно голый, если не считать ожере-

ля. Тело обследовал доктор Эверитт, обнаруживший, что пуля "снайдера" прошла сквозь живот и раздробила два ребра. По состоянию раны он сделал заключение, что вождь прожил еще несколько дней. Смерть наступила около четырех дней тому. За это время дикие животные успели обглодать часть лица и руку Сандили. После осмотра и заключения, Шермбрюкер приказал вырыть могилу и утром 9-го июня в присутствии солдат, волонтеров и *финго* тело лидера мятежников предали земле.

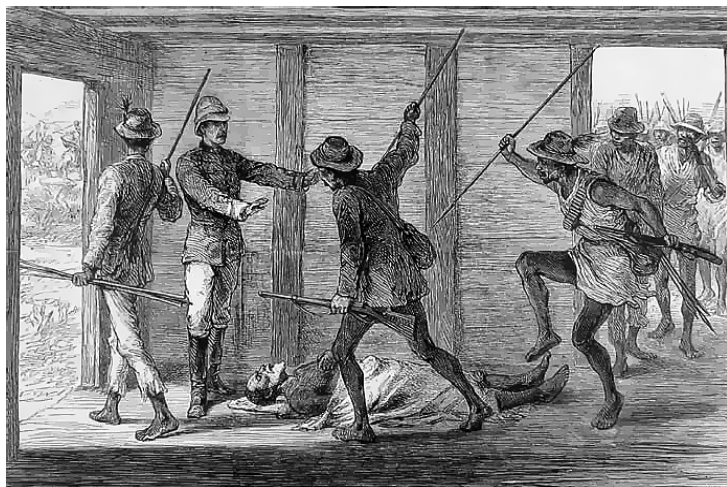

*Тело Сандили Гаика
(рисунок с натуры рядового Генри Маркуса)*

Так исчез последний представитель прямой линии верховных вождей клана *рарабе* – Сандили сын Гаика. Ни один из его людей не видел, как его кладут в могилу. Лишь враги провожали вождя в последний путь. Печально, но – он сам навлек на себя столь жалкую судьбу и разрушил собственный клан.

Его люди оставались с ним до конца, хотя в нашем понимании, даже его происхождение было сомнительным. По сути в жилах Сандили не было ни капли крови *гаика*. В соответствии

с традициями *банту*, он стал вождем клана являясь сыном "великой жены" верховного вождя Гаика, хотя все знали, что его настоящий отец принадлежал к другому племени. К моменту смерти у холма Исиденги Сандили исполнилось 57 лет.

Финго, ликующие над телом Сандили

Почти в то же время оборвалась жизнь Сийоло. Он смог пробраться в буш у Фиш-Ривер, где и встретил смерть. 10-го июня, умер старый Анта, сводный брат Сандили и глава клана. Во время восстания он демонстрировал лояльность к правительству, хотя многие из его людей принимали участие в войне на стороне восставших. 11-го июня Ндимба, решив, что больше не хочет скрываться, отправился в Комгху и сдался магистрату. 1-го июля были обнаружены и арестованы сыновья Сандили – Матанзима и Эдмунд. Держался, а точнее, прятался от англичан, не пытаясь ни атаковать, ни защищаться, лишь Гануквебе – вождь *делима*, не имевший влияния вне своего клана. Он сдался 30-го июля.

Колониальным силам оставалось лишь выслеживать, арестовывать или убивать несчастных, бродивших по округе, страдая от голода. У них не осталось лидеров, у них не было

цели, кроме как затаиться и добыть любую пищу, способную поддержать жизнь. В подобном случае хочется говорить о милосердии, но с другой стороны белые колонисты, страстно желавшие вернуться в свои дома, к привычным занятиям, не могли этого сделать, пока голодные шайки грабителей шатались по бушу. Для возобновления сельскохозяйственных работ и безопасного разведения скота, страну следовало очистить. Поэтому желание белых фермеров окончательно избавиться от неудобного соседства, хоть и бессердечно, но вполне объяснимо.

Обычно кафра, если его поимку считали хлопотной, не арестовывали, а пристреливали. Черные должны были сдаваться сразу и уповать на снисходительность правительства, но в их оцепеневших умах, даже не возникало такой мысли. Несколько сотен *гаика* были выслежены и убиты, словно дикие звери, и лишь небольшая часть арестована.

Только 29-го июня правительство объявило амнистию всем, кто сообщит о себе и сложит оружие. Было обещано – если они подчинятся, их проступки будут прощены. Информация быстро распространилась среди несчастных. Их вновь осенил луч надежды, и мятеж сошел на нет.

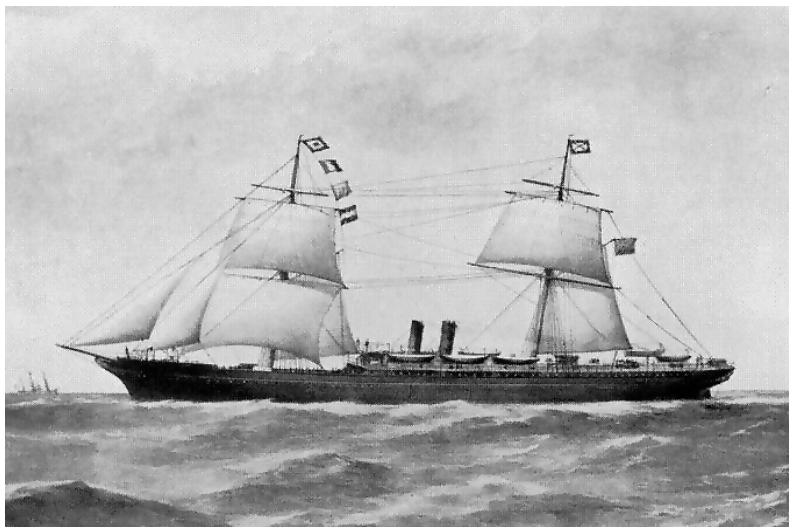
Ни одно из предыдущих восстаний не подавлялось с подобной жестокостью и бескомпромиссностью. По расчетам в нем участвовало около 8000 воинов. Точное число, естественно, неизвестно. Из них около половины были убиты, или скончались от ран. Главные вожди погибли или находились в тюрьме, а из их семей и ближайших сторонников мало кто уцелел. Скот и прочая собственность были потеряны. Выжившие превратились в нищих, а цель, за которую они сражались – сохранение власти вождей или, другими словами, независимость от европейского контроля, окончательно снялась с повестки дня. Правительство решило, что западнее Кей больше не будет наследственных вождей, передающих власть исключительно правом рождения.

Колониальная сторона, заплатила за эту войну почти двумя миллионами фунтов и жизнями 60 европейцев и 133 *финго*. Почти такое же количество было ранено.

Крели, верховный вождь кхоса (1890 год)

Линер "Нубиан"

В НАТАЛЬ

Ближе к концу 1878 года Имперские войска в Транскей и у Кинг-Вильямса получили приказ передислоцироваться в Наталь. Над этой процветающей южноафриканской колонией сгущались грозные тучи и Верховный Комиссар, сэр Бартли Фрир, со свойственной ему проницательностью предпринял определенные меры, надеясь оградить колонию от грядущей опасности.

90-й полк под командованием полковника Вуда, артиллерийская батарея полковника Тремлетта и Пограничная Легкая Конница под командованием Редверса Буллера отправились в Наталь по суше. К концу октября Транскей покинули все регу-

лярные войска, и округ остался на попечении колониальных офицеров и немногочисленных должностных лиц. Я сидел в Кентани, ожидая увольнения, поскольку решил вернуться домой, в Англию, но в тот же день, когда прибыл сменяющий меня офицер, я получил письмо от полковника Глина, писавшего, что глубоко убежден в неизбежности большой войны с зулусами и, что в случае такой войны, он будет командовать одной из колонн, предназначенных для вторжения в Зулуленд. Глин настоятельно просил меня прибыть в Наталь, поскольку, по его мнению, мне следует предложить свои услуги армии. Он уверял меня, что предпринял все необходимое, для моего назначения под его командование. Предложение было чрезвычайно лестным. Не особо желая киснуть в Англии зимой, я решил принять предложение полковника. В свете местных реалий меня не покидало предчувствие, что экспедиция в Зулуленд не обойдется без хорошей драки, и я не видел причин не принять в ней участие.

Дело кончилось тем, что мы с Квином упаковали пожитки в карт и поспешили в Кинг-Вильямс, где купили билет на поезд до Ист-Лондона. Встретившись с полковником Глином, я сообщи́л ему, что с готовностью принимаю предложение.

За сносным по местным меркам обедом в одном из Ист-Лондонских гадюшников, бесстыдно именуемом отелем, полковник просветил меня, что командующий британскими войсками, генерал Тесинджер, намерен сформировать несколько туземных батальонов, которые составят, так называемый, Натальский Туземный Контингент. Офицерами и сержантами этих батальонов, естественно будут белые, так что, если я решу продолжить службу, мне предлагается должность в одном из таких батальонов. Конечно, по возможности, я предпочел бы не иметь дела с кафрами, тем более натальскими, но на войне не всегда удастся следовать личным предпочтениям. Заручившись согласием, Глин приказал мне вернуться в Кинг и помочь команданту Руперту Лонсдейлу подобрать офице-

ров и сержантов, которые составили бы костяк одного из батальонов.

Подбор людей занял около двух недель, после чего мы с Квином вновь отправились в Ист-Лондон, обеспечить размещение шестидесяти офицеров и ста двадцати сержантов, вступивших в отряд, на случай, если дожди помешают переправе через реку. Я как раз покончил с делами и собрался вернуться в отель, когда из шайки лодочников, без дела слонявшихся поблизости, донесся знакомый густой баритон:

– Разрази меня гром, если это не мой старый приятель и командир!

Я не успел опомниться, как мою руку чуть не вытряхнул из плечевого сустава старина Джек Уильямс, с которым мы не раз делили палатку в новозеландском буше. Последний раз я видел Уильямса на борту брига, имевшего более чем сомнительную репутацию на островах Полинезии, но был чрезвычайно рад встрече со старым пиратом.

Его приветствие было слишком бурным и привлекло внимание местных бродяг, пораженных, что один из них осмелился тряхнуть руку "с иголки" одетому офицеру. Вокруг нас быстро собралась толпа, изрядно меня стеснявшая и раздражавшая. Старина Джек заметил мое раздражение и моментально восстановил порядок весьма эффектным, хотя и не совсем галантным способом.

– А ну, валите отсюда, проклятое жулье! Какого хрена вы тычете свои гребанные весла? Думаете, офицеру и джентльмену хочется с вами якшаться. Шевелите отсюда булками, черт-вы бичи!

Отошли все, за исключением одного коренастого громилы.

– Какого дьявола ты командуешь, где мне бросать якорь? – с вызовом пробурчал он.

В мгновение ока старина Джек метнулся к нему, схватил одной рукой за воротник, другой за ремень, тряхнул, как терьер трясет крысу и запустил в грязную канаву, полную гниющих

рыбьих потрохов.

Глядя на отвратительную рожу, изрыгавшую проклятия из канавы, я ожидал, как минимум, серьезной потасовки. К моему изумлению, сторонники пострадавшей стороны ограничились тем, что вытащили приятеля из отбросов и удалились, сотрясая воздух угрозами от которых в стоявшей поблизости церкви, наверняка, сыпалась штукатурка. Не оставалось сомнений: реноме Джека Уильямса в среде лодочников Ист-Лондона, по половине из которых плакала веревка, имело под собой прочный базис страха и уважения. Воистину, достойная репутация служит человеку щитом в любом обществе – и среди святош, и среди отпетых разбойников.

Обеспечив столь неординарным способом желаемую приватность, Джек поинтересовался, какая судьба забросила меня в эти края. Узнав, что я отправляюсь в Наталь, он взорвался потоком восклицаний и проклятий, которые я затрудняюсь воспроизвести, а издатель вряд ли напечатает.

– Что! Вы идете воевать с проклятыми нигерами! И Квин с вами!? Пусть черт обглодает мои кости, если Старый Джек не запишется в тот же судебный договор. Я еще могу послужить Королеве, благослови ее Господь, как служил у Таупо. Что скажете? Мне ведь не стоит отказываться от хорошо оплачиваемой постоянной работы? Я приду и приведу приятеля. Можете ему доверять. Мы запишемся сегодня вечером, а если вам еще нужны люди, то у меня есть на примете несколько бездельников, за которых могу поручиться. А сейчас я бы хотел угостить вас выпивкой, как старого знакомого. Я понимаю, люди вашего положения не могут быть на короткой ноге с такими как я. Ведь я у фок-мачты, а вы на корме. Но, если вы нас подписываете, дайте пожать ваш плавник и пусть это будет наше последнее рукопожатие. Я имею понятие о дисциплине, благослови вас Господь!

Старина Джек говорил много и сбивчиво пока мы не добрались до отеля, где хорошенько выпили, припоминая былые

дни. Однако он ошибся насчет последнего рукопожатия. Последний раз мы пожали руки много лет спустя, когда Джек Уильямс, бывший пират, флибустьер, морской разбойник и верный солдат Королевы отправлялся в последнее плавание, поднимая реи и ставя паруса перед самым долгим вояжем, на который старый краб когда-либо подписывался. Но тот день был еще во мраке грядущего, и даже если бы мы могли его предвидеть, он не испортил бы нам выпивки.

Вечером Джек привел и представил мне своего приятеля – Билла Конвея, который также провел на палубе большую часть жизни и также имел специфическую репутацию на Островах Южного моря. Я был глубоко убежден, что в той части земного шара их обоих давно жаждалось правосудие, и что оба имели серьезные причины променять райские острова на куда более прозаическую Южную Африку. Но, это были лишь мои догадки и, по большому счету, тонкости их прошлого меня совершенно не трогали.

Человек, чей отъезд с родины явился актом несправедливости в отношении палача, умер как герой, и я уверен, что гораздо разумнее и несомненно выгоднее позволить неисправимому буяну, доставившему столько беспокойства правосудию Империи, умереть за ее флаг, чем истратившись на судей, жюри, шерифа, палача и веревку прийти к тому же результату.

На следующее утро, со легка гудящей головой я встречал команданта Лонсдейла и его людей, прибывших в Ист-Лондон. На берегу нас больше ничего не держало, глубина брода была удовлетворительной, а буксир со шлюпками готов. Поэтому, едва позволил прилив, мы без происшествий перенесли на борт парохода "Нубиан".

Конец первой части

Серия "Южноафриканская библиотека О.Тодера"

О.ТОДЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КОММАНДАНТА БРАУНА
(Записки о Кафрской и Зулусской войне)

В двух частях

Часть I

Донецк, 2013

